

НАСТОЯЩИЙ ДЕТЕКТИВ

М^с Елена Михалкова

Золушка и Дракон

Annotation

В уважаемом пансионате пропадает дочь постоялицы. Пропадает – и снова возвращается. И никто не может сказать, где была девушка и что с ней случилось. Кроме одного человека, который уже готовит новое преступление. Состоятельный старик сыграл со своей семьей злую шутку. Кто – жертва, а кто – чудовище? Ответить на этот вопрос не так просто, ведь каждый шкаф хранит свои скелеты за плотно закрытыми дверями, и ни один из членов состоятельной семьи не горит желанием открывать их. Сыщик Сергей Бабкин, вызванный в пансионат для расследования странного дела, понемногу разматывает запутанный клубок интриг и страстей. Ниточка приводит его к преступлению двадцатилетней давности. Сможет ли он остановить готовящееся убийство, когда расследование становится опасным для него самого? Виртуозная *детективная интрига*, *любовь и самоотверженность*, *дружба и предательство*, история Золушки, открывающаяся с неожиданной стороны – все это в новом романе Елены Михалковой «Золушка и Дракон». Кто из них скрывается рядом?

- [Елена Михалкова](#)

- - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Эпилог](#)
-

Елена Михалкова

Золушка и Дракон

Скелеты в шкафу хороши лишь до тех пор, пока шкаф не открыли.

«От волос мальчиков пахнет воробьями» – так говорят все родители. Они никогда не добавляют, что от волос девочек пахнет цветочной пылью. Потому что это секрет. Никто не должен знать. Цветочной пылью, цветочной пылью... Повтори это тысячу раз, чтобы на губах у тебя стало сладко, а в носу защекотало.

Тени от свечей плясали на стенах, на белом теле девушки. Ровного дыхания почти не было слышно за монотонным бормотанием человека, замершего возле нее.

Стало сладко? Скажи. Скажи это вслух. Скажи это громко! А теперь наклонись к ней, вдохни аромат ее кожи, ее волос. Только не трогай! Их тела обжигают – не успеешь оглянуться, как все вокруг вспыхнет.

Веревка обхватывала запястья, не врезаясь в кожу. Отблеск свечи вспыхивал и затухал на отброшенном в сторону ноже, как сверкающий глаз, подглядывающий с серебристой поверхности за тем, что происходит в крохотной комнатке с грубо сколоченным столом посередине.

Надеть перчатки. Раздвинуть ей ноги, согнуть в коленях... Вот так. Так хорошо. Но не смотреть туда, не смотреть, не смотреть... Там темное, влажное, сочное, цвета бузиновых ягод, но нельзя, нельзя! Еще рано.

Бормотание сменилось завыванием, взгляд человека обратился к потолку. В зеркале, закрепленном наверху, все отражалось в истинном виде: пылающий огненный круг, девушка в центре его – и фигура в длинной накидке. Дальняя свеча расплавилась и с шипением потухла, капли воска стекли на лиловые веточки вереска, перевязанные ниткой.

Знак, что пора начинать.

Глава 1

– Матильда! Матильда!

Сергей обернулся и посмотрел на длинноногую девчонку, которая носилась вокруг качелей, размахивая сачком.

– Матильда! – крикнула женщина еще громче, и девочка нехотя остановилась. – Не убегай далеко!

– Ладно, мам! – донеслось до них. – Я ту-у-уут!

Сергей вздохнул про себя и отпил из чашки теплый чай, пахнущий шишками. Последний раз он ел пять часов назад, и чувство голода проснулось еще в дороге. Бабкин пытался обмануть его двумя чашками чая, но фокус не прошел: в животе негодуяще забурчало, забулькало, и он заерзал, покраснев. «Надо было захватить бутерброды».

На блюде перед ним кучей лежало бугристое овсяное печенье, и он взял одно, незаметно постучал им о край стола. Раздался сухой стук. Черникова обернулась, и Бабкин, устыдившись ребячества, тотчас накрыл зачерствевший кругляш ладонью.

– Думаете, я полоумная, а? – вдруг резко спросила женщина, вскинув на него черные глаза. – Нервная дамочка, свихнувшаяся на почве гиперопеки?

Широкоплечая, коренастая, очень основательная, Евгения Черникова меньше всего напоминала Сергею Бабкину нервную дамочку. При взгляде на нее в голову ему отчего-то навязчиво лезло слово «увесистая». Она была из тех людей, что крепко стоят на ногах и на кого земное тяготение действует, кажется, сильнее, чем на многих других: даже в юности они не способны витать в облаках, и в детстве им не снятся сны, в которых они летают.

– Нет, не считаю, – ответил Сергей, почти не покривив душой.

Он все еще не был уверен, что история, рассказанная ею, правдива. Но Илюшин просил его выяснить детали, а это означало, что его напарник поверил Черниковой. Или почти поверил.

– Вот и прекрасно. Потому что нам с вами еще работать вместе! – заявление женщины прозвучало категорично, как почти все, что она говорила.

– Возможно, – мягко согласился Бабкин.

Она окинула его пытливым взглядом, словно решая, можно ли ему довериться, и на лице ее явственно выразилось сомнение. Евгения

Викторовна не давала себе особого труда скрывать чувства, и Сергей без усилий читал ее мысли. «Прислали мне черт знает кого вместо того, первого... А этот, похоже, не слишком сообразителен. Что хорошего от него можно ожидать?»

– А почему ваш коллега не приехал с вами? – осведомилась Черникова, в точности подтверждая своим вопросом предположения Бабкина.

– Евгения, мы с вами это уже обсуждали. Он сейчас занят и приедет, как только освободится. Но до этого времени мне нужно, чтобы вы как можно подробнее рассказали о том, что произошло. Со всеми деталями, какие только вспомните. Даже если они покажутся вам несущественными.

Женщина нахмурилась. Ей не хотелось ничего ему рассказывать, но выбора не оставалось.

Она снова взглянула на дочь, раскачивавшуюся на качелях. В лесу за ней показался мужской силуэт, замелькал в отдалении между соснами: кто-то быстрыми шагами шел к соседнему домику. Черникова приподнялась, бессознательно вцепившись пальцами в подлокотники, и на лице ее промелькнул неприкрытый страх. Человек скрылся за домом, и она тотчас облегченно опустила в кресло, сложила руки на груди.

«А ведь она, пожалуй, не врет... – подумал Сергей, озадаченно наблюдавший за метаморфозами, происходившими с Черниковой. – Ей и впрямь страшно».

– У меня сын чуть младше Матильды, – неожиданно для самого себя сказал он. – Я прекрасно понимаю вашу тревогу. Если бы он пропал, не могу представить, что стало бы с женой.

Ее нахмуренное лицо разгладилось, немного смягчилось.

– Ей уже четырнадцать, понимаете? – негромко проговорила Черникова, не отрывая взгляда от девочки. – А она совсем еще ребенок. Дурочка, ей-богу! Видите, за бабочками гоняется? – Евгения невесело рассмеялась. – А я на нее смотрю и думаю: как у меня, эдакой... и вот эдакой... – она сделала неопределенный жест, обрисовав что-то квадратное в воздухе, – родился такой ангел?

Сергей покосился на растрепанную светловолосую девчонку, что-то распевавшую на качелях. И в самом деле, ангел. Нежное, солнечное, будто бы невесомое создание с застенчивой улыбкой, ни единой чертой не напоминающее мать. Сама невинность. Но он был не слишком уверен в том, что разбирается в четырнадцатилетних девочках, и, кроме того, еще Набоков что-то там писал такое... неоднозначное. Из чего следовало, что юные девушки могут быть совсем не тем, чем кажутся, и умеют притворяться получше иных взрослых.

Если говорить начистоту, вся эта история, рассказанная матерью и дочерью, представлялась более чем сомнительной. Точнее, ее трактовка. Сама-то история, как поначалу считал Сергей, была ясной: дом отдыха, в котором юная девушка фактически предоставлена самой себе, искушения в виде дискотек в ближайшем поселке, побег от строгой авторитарной матери и, наконец, логичное и неизбежное возвращение заблудшей дочери. Ах да, и, само собой, легенда! Сочиненная наспех для того, чтобы преобразовать материнский гнев в такой же силы материнский страх. Людьюми, которые боятся, всегда легче управлять, чем теми, кто гневается. Возможно, Матильда Черникова в свои четырнадцать лет знала об этом не хуже тридцатидевятилетнего Сергея Бабкина.

Логичную, саму собой напрашивающуюся теорию ее побега он придумал, когда ехал в пансионат, и в мыслях его сквозило раздражение на Илюшина, погнавшего его из Москвы к черту на кулички «для выяснения деталей». Но, понаблюдав за Черниковой и поговорив с ней, Бабкин потерял уверенность в своей правоте. И чем больше подробностей рассказывала ему женщина, тем мрачнее становился Сергей: простым побегом умеренно бунтующего подростка здесь, пожалуй, и не пахло.

Во-первых, девочка пропала утром и вернулась поздно вечером. Уже это рушило его гипотезу о том, что Матильда отплясывала всю ночь в поселковом клубе. Одиннадцатого августа она вышла из маленького коттеджа, который они снимали в пансионате «Рассвет», и отправилась на завтрак в главный корпус.

– Здесь очень много тропинок и дорожек, а лес светлый, и ходить не страшно, – объясняла Черникова. – Я не завтракаю, а Матильда вечно хочет есть, поэтому ходит без меня. Я легко отпускаю... отпускала ее, – поправила она, – потому что здесь безопасно. Мне так казалось.

Она бесцельно поправила крышку на чайнике хозяйственным, совсем не вяжущимся с ней жестом, передвинула тарелку с черствым овсяным печеньем, смахнула муравья, деловито пересекавшего стол...

И вдруг у нее вырвалось с приглушенным отчаянием:

– Поэтому мы сюда и приехали! Понимаете?! Это же, – она обвела рукой вокруг, – болото! Тишь, гладь, божья благодать. Никаких компаний, никаких подростков! Все спокойно! А нам больше ничего и не нужно... Вы понимаете?

Сергей понимал. Он понимал, что Матильда – единственный поздний ребенок и что мир для Черниковой с каждым годом все больше полон опасностей, угрожающих ее дочери. Она замечает взгляды, которые взрослые мужчины бросают на Матильду, и ей хочется залепить им глаза, а

девочку увести подальше, спрятать от этих отвратительных мужланов, которые смеют так смотреть на ее ребенка. Она слышит смех Матильды, и ей хочется кричать, что она совсем еще маленькая, совсем еще глупенькая девочка, не осознающая силы своего смеха.

Из года в год Черникова привозила дочь в дом отдыха «Рассвет», зная, что здесь их ждет спокойствие и тихий скучный отдых. Все было неизменно, все было привычно, и тем страшнее стал для нее удар.

– Что вы сделали, когда поняли, что Матильда пропала? – спросил Сергей.

– Вызвала милицию – раз, – не задумываясь, ответила Черникова. – Позвонила своим безопасникам – два. Приказала искать в лесу и озере – три. Да, и еще... – она замялась, – в поселок съездила. Думала, может быть, она там с подростками развлекается. Они собираются днем в одном месте на набережной.

– Какой еще набережной? – поразился Бабкин, двумя часами ранее проезжавший поселок и успевший бегло ознакомиться с его географией.

– А! – она пренебрежительно махнула рукой. – Это их пешеходная улица. Лавры Нью-Васюков не дают покоя, вот местные и выдумали, что у них, как во всех приличных населенных пунктах, должна быть своя набережная. Иначе несолидно. И прочие улицы заодно переименовали. Площадь Евросоюза у них теперь есть. Не проезжали через такую? Где сквер с памятником?

– Проезжал, – кивнул Бабкин. – Там я у поселковых хануриков дорогу спрашивал.

– Ну вот. Значит, видели площадь Евросоюза. Но когда я приехала, Матильды с местной бандой не было. Тогда я возвратилась сюда, здесь как раз прочесывали озеро. Спасибо заведующей, она дала людей. Ходили с баграми, на лодке плавали...

Она судорожно вздохнула, но взяла себя в руки и продолжила:

– Потом стемнело, и поиски решили отложить до следующего дня. А в десять Матильда пришла сама.

Сергей быстро записывал, представляя картину происходящего. И так, девочка убежала на завтрак и не вернулась. Сперва Черникова подумала, что дочь задержалась в главном корпусе. Когда после завтрака прошел час, а Матильда не появилась, она дошла до столовой, заглянула в бильярдную, прошла по этажам, заглядывая в приоткрытые двери. Она уже начала удивляться, но еще не встревожилась. В конце концов, рядом озеро и пруд, день жаркий, дочь могла захотеть искупаться.

Но возле озера Матильды не было. Другие отдыхающие сказали

женщине, что девочка не прибежала с утра на пляж.

Черникова побледнела. Она быстрым шагом вернулась в свой коттедж в надежде, что они где-то разминулись с дочерью. Внутри дома все осталось так же, как было, когда она ушла. Матильда не приходила.

Женщина обежала весь лагерь, расспрашивая встречных, но Матильду никто не видел.

И тогда ее охватила паника. Больше часа она металась по лесу вокруг «Рассвета» и звала дочь, пока, наконец, охрипнув, не пришла в себя. Тогда-то женщина и позвонила в службу безопасности своей фирмы, написала заявление в ближайшем отделе милиции и упростила заведующую пансионатом помочь в поисках.

Конечно, никто не отнесся к ее просьбам и страху всерьез. Все знают, на что способны подростки в таком возрасте. «Да вернется она к утру», – лениво пообещали Черниковой в отделении и, как ни странно, почти угадали. Матильда вернулась раньше.

– Она просто постучала в дверь, – сказала Евгения, подливая Бабкину остывший чай. – Я открываю – стоит! Улыбается как ни в чем не бывало, а глаза какие-то странные, сонные. И за косяк держится. Я ее спрашиваю: «Ты где была?!» А она мне: «Заблудилась...»

Затащив дочь в дом, Черникова приступила к допросу. Но Матильда смогла рассказать лишь, что утром, после завтрака, решила немного прогуляться по лесу – и заблудилась. Некоторое время ходила кругами, затем устала и заснула, а проснулась только вечером и каким-то удивительным образом, точно по наитию, вышла к «Рассвету».

– Вы пытались узнать подробности? – спросил Сергей, выслушав это.

Черникова раздраженно всплеснула руками:

– Боже мой, ну конечно! Я расспрашивала ее без конца, пыталась поймать на вранье.

– И что же?

– Она твердит одно и то же: пошла погулять в лес, заблудилась, уснула-проснулась-вернулась. Только вот говорит об этом как-то неуверенно. Лицо у нее и впрямь было опухшее, сонное. И я ей верю. Но вы же понимаете, самое главное – не это!

Черникова ушла в дом и вскоре вернулась с бланками медицинского заключения.

– Ваш друг, наверное, сказал вам об этом? – она положила листы перед Сергеем. – Я сразу же, на следующее утро повезла Матильду в Москву, на осмотр к знакомому врачу. Нужно ведь было удостовериться, что не было изнасилования или половых актов.

Евгения даже не стала понижать голос, и Бабкин сперва почувствовал неловкость, а затем испытал к девушке приступ сочувствия.

– Ничего! – продолжала Евгения, ожесточенно прибивая ладонью заключение к столу. И подтвердила, будто вколачивая бумажные листы в доски: – Ни-че-го!

– Вы так говорите, словно вас это разочаровало, – не удержался Сергей.

– Не болтайте глупостей! – резко оборвала его Черникова. – Я должна была убедиться, что с Матильдой все в порядке, и я в этом убедилась. Если бы ваша дочь начала нести бред о том, что она заблудилась в лесу и весь день проспала под сосной, вы бы и не то проверили.

– Почему же бред?

– Да потому, что я искала ее в лесу, и никого там не было!

– Лес большой...

– Потому что моя дочь не могла бы заснуть, лежа на земле!

– Я слышал, организм подростков...

– Господи, да вот почему! Возьмите, читайте! – Она буквально сунула Сергею под нос верхний бланк.

Он начал читать, продираясь через заросли громоздких медицинских формулировок. Ему не сразу удалось вникнуть в смысл заключения, но когда Бабкин наконец разобрался, то не удержался и негромко присвистнул.

– Вот именно, – сардонически сказала в ответ Черникова. – Вот именно «фью-ить».

Сергей перечитал заключение еще раз, стараясь ничего не упустить. Но вывод получался однозначный: в крови Матильды Черниковой найдены остатки вещества, по своему составу сходного с опиуматами. Результатом воздействия большой дозы этого вещества является продолжительный сон, близкий к бессознательному состоянию, после которого человек не помнит событий, предшествовавших приему средства, и легко подвержен внушению. «Вероятна частичная амнезия с последующим замещением утраченных воспоминаний навязанными извне», – прочел Сергей.

– Анализ делали три дня, я получила его позавчера, – добавила Черникова.

– Вы уверены, что врачу можно доверять?

– Трем врачам, – поправила она. – Да, можно. Это солидный медицинский центр, у меня нет оснований им не верить.

Сергей немного поразмыслил.

– Получается, – медленно начал он, по привычке подытоживая собственные мысли, – что ваша дочь ушла утром, затем при каких-то

обстоятельствах выпила это средство... Кстати, она его выпила? Или вколола? Как его принимают?

– Разумеется, не вколола! – оскорбилась Черникова. – Она даже вида шприца боится! Врачи говорят, выпила.

– Значит, выпила – и уснула. Затем проснулась в лесу и пошла домой, не помня, что с ней случилось. Где одежда, в которой она была? Обувь?

– Я уже все отправила на экспертизу. В частном порядке.

Сергей уважительно посмотрел на нее.

Матильда забежала на веранду, остановилась у приоткрытой двери, стряхивая с волос длинные сосновые хвоинки.

– Мам, я в дом пойду. А вы со мной будете разговаривать? – простодушно обратилась она к Бабкину. – О том дне, когда я уснула, правда? Вы врач?

– Да, мне бы хотелось с тобой поговорить, – кивнул Сергей, обойдя вопрос о своей профессиональной принадлежности. – Минут через десять, хорошо?

– Конечно!

Черникова встала и плотно прикрыла за дочерью дверь.

– Итак, чего я от вас жду... – вполголоса произнесла она, тотчас возвращаясь к делу. – Кто-то использовал мою дочь в своих целях, и я хочу знать, кто и в каких именно. Мне нужно будет вернуться в Москву через неделю. Эту неделю я собираюсь прожить здесь как ни в чем не бывало. Может быть, мне и самой удастся что-нибудь выяснить... В одном я уверена: здесь есть человек, который точно знает, что случилось с Матильдой.

Сергей обдумал ее слова, прикинул вероятность случайности, при которой девушка могла выпить такое сильнодействующее средство... Вероятность получалась крайне низкой.

– Я уже все продумала, – между тем говорила женщина. – Вас поселят с соседнем коттедже, оттуда только что уехали два старичка. Станете жить под видом отдыхающего, я вас со всеми познакомлю, скажу, что вы мой сотрудник. Так вам будет легче узнать, кто сделал это с Матильдой.

Евгения Черникова наклонилась к нему, и глаза ее недобро сверкнули:

– Я хочу знать, что именно заставили забыть.

Сергея поселили поразительно быстро. Энергичность и напористость Черниковой сделали свое дело: спустя двадцать минут после окончания разговора с Матильдой (девочка подтвердила все, что сказала мать, не добавив ничего нового) Бабкину уже вручили ключи и дали свернутый

вчетверо бумажный лист, оказавшийся планом пансионата. Стоило Серее развернуть план, как взгляд его упал на схематичное изображение ложки и вилки.

– Столовая сейчас открыта? – спросил он заведующую, красивую статную женщину лет тридцати шести.

– Обед у нас начинается в два, но вас накормят, – улыбнулась та. – Когда выйдете, сверните направо – и до конца.

«Котлеты, – мечтал Сергей, шагая по коридору первого этажа. – Макароны с сыром. Суп!» В конце коридора маячила белая дверь, а за ней, он знал, его наконец-то ждет еда. Сосредоточиться на предстоящем расследовании Бабкин не мог: ему представлялось блюдо с молодой отварной картошкой, по которой сверху сонно растекается сливочное масло. Поблескивающая селедка на подушке из белоснежных луковых колечек. Тарелка с борщом, в которой триумфально возвышается кусок – нет, пускай будет ломоть! – ломоть вареного мяса.

Сергей нервно сглотнул слюну. Да, вареного мяса! И побольше.

Повариха Марья Федоровна обернулась на скрип открывающейся двери и увидела высокого широкоплечего мужчину в джинсах и черном свитере, коротко стриженного, с глубоко посаженными глазами, пронзительный взгляд которых контрастировал с общим простоватым обликом. «Московский, что ли? Здоровый какой... – с удовольствием оценила она. – И не жарко ему?»

В окна столовой било солнце, словно желая своими лучами опрокинуть стеклянные граненые стаканы, стоящие на каждом столе. По стенам суетливо мельтешили солнечные зайчики. Вошедший прищурился, заметил Марью Федоровну и шагнул к ней, явно обрадовавшись:

– Здравствуйте! Хозяюшка, можно пообедать у вас? Ольга Романовна сказала, разрешается...

– День добрый! Почему же нельзя? Можно! Присаживайтесь! – Повариха гостеприимно обвела красной ладонью столы. – Сейчас принесу сегодняшнее, оно уж готово, наверное.

Сергей выбрал столик в углу и стал ждать, пока ему принесут поесть. Несколько неожиданным оказалось для него почти полное отсутствие запахов, свойственных любой столовой, будь то столовая в школе или в доме отдыха, но он решил, что дело в хорошей изоляции кухни. «Вытяжки... Открытые окна...» Он ностальгически провел пальцами по граням стакана, и тут перед ним поставили тарелку.

– Угощайтесь, – добродушно предложила женщина. – У нас сегодня

рыбный день.

Бабкин опустил глаза, и улыбка предвкушения исчезла с его лица. На тарелке лежали отварные стебли фасоли, похожие на нарезанный кусачками зеленый провод, а из-под них стыдливо выглядывал небольшой белый ромбик, в котором Сергей опознал рыбное филе.

– Ах! – всплеснула руками повариха. – Забыла! Суп-то, суп! Мужчине ведь суп нужен! – Она кокетливо подмигнула.

– А какой у вас сегодня суп? – осмелился спросить Бабкин, предчувствуя худшее.

– Так консоме. С иичком!

Консоме добило Сергея. Он обессиленно откинулся на спинку стула, созерцая фасоль, и даже появление на столе чашки с прозрачным бульоном, в котором бултыхалось «иичко», не сразу смогло вывести его из оцепенения.

– Приятного аппетита! – пожелала Марья Федоровна и уплыла на кухню, покачивая бедрами чуть сильнее обычного.

Бабкин в три глотка проглотил бульон, сжевал яйцо, всыпал в себя фасоль и закусил рыбным филе. Оглядев голодным взглядом стол, он обнаружил то, чего не заметил раньше: компот и блюдце с хлебом. Спустя минуту ни того, ни другого на столе не осталось.

Из кухни высунулась повариха, громко спросила:

– А добавочки не желаете?

– Желаю!

Судя по тому, с какой скоростью женщина исчезла за дверью, восклицание получилось чуть более экспрессивным, чем он хотел.

– Спасибо! – запоздало крикнул ей вслед Сергей.

Вторая тарелка с фасолью исчезла так же быстро, как и первая.

– И консоме? – рискнула спросить Марья Федоровна, забирая посуду.

– Консоме обязательно, – мрачно ответил Бабкин. – Я очень люблю консоме.

Покончив со второй порцией обеда, Сергей подождал некоторое время, но повариха больше не появлялась. «Не будет мне третьей перемены блюд», – понял он. Тяжело вздохнул, поднялся и пошел к выходу.

Возле двери на стене за прозрачной пластиковой панелью висело объявление, и Бабкин подошел поближе, приглядываясь. Это оказалось не объявление, а меню на предстоящую неделю. Он прочел, ощущая, как бледный призрак голода раскрывает зовущие объятия за его спиной.

«Гречка вареная со свекольным салатом».

«Сезонный суп (травяной)».

«Рыба с гарниром из брокколи».

«Суп капустный, вегетарианский».

«Десерт из ягод».

«Тушеное филе курицы с гарниром из отварной моркови».

«Салат из зеленых яблок».

Образ тарелки борща с ломтем отварного мяса окончательно растаял в воздухе, оставив после себя слабый запах чесночной дольки, растертой по ржаной корочке.

Сергей достал телефон, набрал номер Макара Илюшина. И в ответ на бодрое илюшинское «Алло!» сказал тихо и угрожающе, не сводя глаз с супа капустного, вегетарианского:

– Ты куда меня прислал, скотина?

Глава 2

Моя мама собирает осколки от всех чашек и тарелок, которые я разбила. За двадцать пять лет их собралось столько, что можно было бы основать небольшую фабрику по производству чайных сервизов, если бы существовал способ делать посуду из осколков. А может быть, он и существует, только я об этом ничего не знаю.

Из осколков мама выкладывает панно. Когда мне было шесть лет, оно висело в моей комнате и было размером с подсолнух. Когда мне исполнилось пятнадцать, его перевесили в прихожую, потому что там больше места. Сейчас оно висит в кухне – мама считает, что так декоративнее и «вносит интригу сразу, как только проходишь в квартиру».

«Это должно показать тебе, что даже из неудачи можно извлечь пользу!» – объясняет мама.

Но склеенные осколки говорят мне лишь об одном: я – неуклюжая корова, которая за много лет даже не научилась нормально пользоваться посудой.

Моя тетя постоянно твердит, что я человек-праздник. Но вовсе не потому, что делаю радостной жизнь других, а потому, что мое появление обычно сопровождается звуками, сопоставимыми по громкости с небольшим салютом. Если вы слышали, как хлопнула дверь, следом что-то громко упало со шкафа, взвыла кошка и с грохотом свалился стул – значит, к вам пришла я. Здравствуйте.

Наверное, будь я высокой грузной женщиной, мне было бы легче. Имелось бы оправдание моей неуклюжести. Но мать с первого класса называла меня белобрысой килькой, потому что я мелкая, как рыбешка, и такая же тощая. И – да, белобрысая.

Я – материнское разочарование и живу с этим клеймом вот уже двадцать шесть лет. Меня назвали Лилей в надежде, что я вырасту высокой, царственной, с горделивой посадкой головы на лебединой шее. Из всего этого сбылась только шея, да и то лебедь для нее попался худосочный. «Горшок на дыне», как говорит тетя, когда она не в духе. Мама выражается изящнее: бледная поганка.

Я давно привыкла и пропускаю их слова через себя, чтобы они не задерживались внутри. Раньше я не умела этого делать, и осевшие во мне слова пускали корни, прорастали длинными колючими стеблями, царапали кишки и сердце. Очень сложно выдергивать из себя сорняки чужих фраз,

они цепляются и не хотят выходить. Но теперь я научилась, и все стало чудесно.

Если не считать того, что происходит сейчас.

Первый раз в жизни меня одолевают дурные предчувствия. Лес, светлый лес, столь любимый отдыхающими, кажется мне опасной чащей, а наш дом – ненадежным убежищем, в котором прячемся не только мы, но и кто-то еще.

По утрам, когда я просыпаюсь, воздух вокруг меня густой, и в нем плавают хвостики недосмотренных снов. Я все чаще ловлю себя на том, что голос мой звучит плаксиво, а слова теряются, едва слетев с губ, будто окружающее пространство тотчас подъедает их. Ему нравится тишина.

А мы шумим. Не секрет, что многие из нас мысленно привыкли считать себя хозяевами дома, и теперь им мучительно сложно расставаться с иллюзиями. Но дом не наш, и отныне мы в нем только гости.

К тому же он уже старый и, как ворчливый старик с дурным характером, то и дело подкидывает нам неприятные сюрпризы.

Лестница, ведущая в подвал, начала разрушаться несколько лет назад, и к этому лету целыми осталось пять ступеней из десяти. Григорий решил, что глупо не использовать такую большую площадь – ведь подвал глубок и очень просторен – и полез вниз. Хорошо, что Лидия стояла рядом и держала фонарь! Прогнившие ступени провалились под ее братом, а когда он схватился за перила, те треснули и обрушились, хотя сверху вовсе не выглядели хлипкими.

Лидия – могучая женщина: она ухватила Григория за воротник и вытянула наружу. Если бы лампу держала я, как и планировалось вначале, лежать бы ему в подвале с переломанными ногами.

Гейдманы всегда отличались упрямством. К тому же Клара Ивановна, прибежав на шум, подлила масла в огонь, обвинив их в трусости. Они и так были на взводе, потому что за завтраком их обоих косвенно обвинили в воровстве: оказывается, Клара Ивановна день за днем недосчитывается каких-то старинных предметов, принадлежащих Карлу Ефимовичу (правда, не может вспомнить каких). На этот раз в подвал полезла Лидия: мы спустили вниз узкую переносную лесенку, и она героически уцепилась за верхнюю перекладину, зажав фонарик в зубах.

Я ожидала какой-нибудь пакости, но Лидия осторожно спустилась и встала, вглядываясь в темноту.

– Зажги фонарь, – крикнул ей сверху брат.

Щелчок – и бледный круг света выхватил из мрака лысую тахту, узкий шкаф с пустыми стеклянными банками, сваленные грудой доски, все в

паутине и в пыли... Все остальное отвоевала темнота. Лидия нашла выключатель, но он не работал, и она побрела, перешагивая через завалы мусора, к другой стене.

– Здесь такой бардак... – услышали мы сверху ее гулкий голос.

А затем раздался истошный визг.

Мы втроем сидели, наклонившись над люком, и когда Лидия завизжала, двое из нас чуть не свалились вниз. Я увидела, как что-то длинное, словно змея, протянулось от стены к тахте, взбивая пыль, и из спинки тахты почти вертикально вверх выскочила крыса. Все это мы наблюдали буквально секунду, потому что Лидия завопила, свет фонаря заметался по всему подвалу, и она бросилась бежать обратно к люку.

Должна признаться, до сих пор я считала сестру Григория неповоротливой, как линкор. Но то, с какой скоростью она взлетела вверх по переносной лесенке, изменило мое мнение о ней. К счастью, упавший фонарик застрял у нее в рукаве – и хорошо, иначе кому-то пришлось бы лезть в чертов подвал третий раз, а ни один из нас этого не хотел.

Что-то подсказывает мне, что дело не только в крысах и сломанной лестнице... Я ни с кем не делюсь своими догадками, иначе меня высмеют. Мне и самой хотелось бы посмеяться над собой, но история, рассказанная пару месяцев назад местным доктором, Леонидом Сергеевичем, запала мне в душу.

Доктор крайне словоохотлив и отлавливает всех, кто готов его слушать, бесконечно изливая на жертву местные сплетни нынешних и прошлых лет. Поначалу я полагала, что его рассказ – одна из очередных легенд, которые нужны, чтобы заинтриговать приезжих и придать нашему пансионату интересный колорит. Но сейчас я думаю, что все в этой истории – правда, и мы ловим ее отголоски.

Много-много лет назад в этих лесах на месте, где сейчас пансионат, стояла небольшая крепость – так утверждает Леонид Сергеевич. Говорит, отдельные укрепления доходили до берега бурной обрывистой реки Ворши. Ворша протекает за лесом, до нее добрых четыре километра, и поселковым детям запрещено купаться в ее коварных водах – там полно омутов и водоворотов. Но со временем крепость разрушилась и пришла в полную негодность.

Не знаю, правда это или нет, но известно точно, что в восемнадцатом веке эти земли были подарены роду Вязниковых, и здесь построили живописное поместье, вокруг которого разбили небольшой парк. Из-за этого лес вокруг не совсем обычный: среди сосен попадаются одичавшие яблони и груши – старые, корявые, с изъеденными стволами. Они приносят

горькие плоды, и если куснуть их, то горечь потом не запить водой и не заесть конфетами.

Граф Вязников, по словам доктора, был женат несчастливым бездетным браком, который состоялся лишь затем, чтобы поправить его материальное положение. До женитьбы он жил в своем ветшавшем имении, в котором все было устроено по его вкусу, бродил бесцельно по парку и лесу и, говорят, знал наизусть возраст каждого дерева в саду и помнил каждый кирпичик в кладке поместья.

Жена Николая Александровича оказалась особой свирепого нрава, сварливой и крайне ревнивой. Я видела в альбоме репродукцию их семейного портрета. На нем граф немолод, но весьма хорош собой: подтянут, седоус... Выражение лица кроткое, а губы тронула мягкая извиняющаяся улыбка.

У его молодой жены Натальи – широко расставленные глаза, короткий нос с вывернутыми наружу ноздрями, как у арапа, и выражение упрямства на лице: «Мое. Не дам!» На портрете она сидит, выпрямившись, на неудобном стуле с высокой спинкой, а граф стоит за ней, положив руки жене на плечи. Но меня не оставляет ощущение, что это он должен сидеть на стуле, а она – держать его, чтобы не сбежал.

Поговаривают, Наталья лично била и порола служанок так, что их визг был слышен далеко за пределами усадьбы. Как-то раз граф попытался урезонить разгневанную супругу, и она в ярости швырнула в него лампой. Попала в лицо, и на щеке у Николая Александровича остался шрам.

Конечно же, в этой легенде не могла не появиться девушка с каким-нибудь трогательным простонародным именем вроде Дуняши или Парани. Она и появилась. Звали ее Любкой, Любашей, и, по свидетельству очевидцев, она была миловидна, тиха и добра. Должно быть, тем и пленила графа, уставшего от шумного характера жены.

К счастью для юной горничной, графу хватило осторожности скрывать свое чувство. Но Наталья все равно что-то заподозрила и стала придираться к Любаше по каждому пустяку. Сперва ее разжаловали из горничных, услав с глаз долой, а затем, поймав на какой-то провинности, отправили в «мешок».

«Мешком» в усадьбе называли погреб, вырытый неподалеку от барского дома. Над глубокой ямой с бревенчатыми стенами высился сарайчик, в котором на полках временно хранилась всякая снедь и сушились яблоки. В эту-то яму Наталья и придумала сажать провинившихся. Страшны были не только холод и голод, но и темнота, и одиночество. Там сновали крысы и ползали мелкие подземные твари,

прикосновение к которым вызывает непроизвольную дрожь. Самые строптивые девушки, посидев часов пять в «мешке», каялись и просили прощения, лишь бы снова не оказаться в нем.

Неторопливо повествуя об этом, доктор не забывал хитро поглядывать на меня, словно говоря: «Ну-ка, догадайся, к чему я веду». Но я догадалась почти сразу же, стоило ему упомянуть о погребке. Так вот какой участок выкупил Гейдман!

Я впечатлительна, и мое воображение живо нарисовало перепуганную до смерти девушку, съежившуюся в углу и зажмурившуюся от страха. При мысли, что все это происходило здесь, мне стало не по себе – словно человеку, услышавшему тихие шаги в доме, где никого нет, кроме него.

– Не делайте поспешных выводов, дорогая Лиля, – посоветовал Леонид Сергеевич, наблюдавший за мной. – Это история с хорошим концом...

Очевидно, любовница графа оказалась девицей с очень стойким характером, и те, кто описывал ее как мягкую робкую девушку, заблуждались. Она просидела в подвале сутки, но после того, как Наталья выпустила ее, не выказала ни раскаяния, ни сожаления о том проступке, за который попала в «мешок». Ее отправили туда снова, уже на более долгий срок. Люба спокойно выдержала и это.

Взбешенная непокорностью бывшей горничной, а больше всего тем, что ей не удастся сломить девушку, Наталья распорядилась отправить Любу в «мешок» на целую неделю и не кормить ее. Крышку подвала закрыли, а возле входа в сарай Наталья поставила сторожа, подозревая, что Любке помогают другие слуги.

Вопреки ожиданиям, Николай Александрович не стал защищать Любку. Быть может, он опасался, что его заступничество лишь повредит ей. Как бы то ни было, неделю ее заточения граф провел, почти не выходя из своего кабинета. И когда жена потребовала, чтобы он проводил больше времени с ней, а не с его книгами, Николай Александрович первый раз в жизни ответил ей резко.

По углам потекли шепотки: Любка-то уже померла, и звуков никаких из подвала не слышно – ни криков, не стонов. Довела ее Наталья Андреевна. Сгубила живую душу, взяла на себя грех великий.

Новоиспеченной графине стало не по себе. Но гордыня не позволила ей отдать другой приказ, и на неделю усадьба затаилась, ожидая, что будет.

То, что случилось по истечении семидневного срока Любкиного заключения, поразило всех. Девушка вышла из подвала исхудавшая, бледная, щурящаяся от яркого света, прошла несколько шагов, не обращая

внимания на жадные взгляды, и встала перед Натальей Андреевной. Очевидцы после говорили, что Любаша была красива, как никогда прежде. Наталья Андреевна не успела вымолвить и слова, как с ближайшего дерева слетели, хлопая крыльями, несколько белых голубей и опустились у ног Любы.

Вот тогда-то зрители и ахнули, уверенные, что на их глазах свершилось чудо: птицы заступились за невинную. Из толпы донеслись голоса: «Не трогай Любашу!» «Люба, не бойся ее!» И Наталья Андреевна отступила.

– А что стало с ними потом? – спросила я Леонида Сергеевича, когда он замолчал.

– Да ничего особенного. Любку выдали замуж за лесника, сплавив таким образом с глаз долой. Ничего о ее жизни больше не известно, кроме того, что в браке у нее родился единственный ребенок, мальчик. Графиня смягчилась характером, но отношения ее с Николаем Александровичем безвозвратно испортились, и с тех пор они жили как чужие люди. Граф увлекся охотой, хотя хорошим охотником так никогда и не стал. Однажды его лошадь понесла, и Николай Александрович разбился насмерть. Обычные судьбы, ничего выдающегося. Самое интересное в этих людях то, что они жили здесь до нас. Голубушка моя, можете быть уверены: призраков, звенящих кандалами, в вашем подвале не найдется.

Но, несмотря на все заверения доктора, от его рассказа у меня осталось гнетущее чувство. И, честно говоря, я была рада той крысе, что испугала Лидию.

Так что исследование подвала провалилось. Хорошо еще, сказал Олег, услышав рассказ, что обошлось без жертв.

Тогда все сделали вид, что приняли его слова за шутку, но два дня спустя Лидия подошла к окну в столовой – поправить сбившуюся штору – и тяжелая деревянная гардина вдруг плавно поехала вниз. Лидия замешкалась, и Григорию пришлось подскочить к ней и дернуть на себя, иначе она так и стояла бы, зачарованно глядя на падающую гардину.

А балка на чердаке, едва не свалившаяся Кларе Ивановне на голову! После этого случая наша хозяйка стала твердить о том, что мы хотим известить ее.

И ни один из нас не нашелся что ответить на это.

Сегодня, собираясь на завтрак, я уронила стул и сшибла лампу с буфета. Это старинный буфет, он стоит на четырех когтистых львиных лапах, растопырив их в стороны, и я не могу пройти мимо, чтобы не запнуться об одну из них. Мне кажется, что буфет вот-вот отзовется

свирепым рыком, но он только страдальчески скрипит в ответ.

Пока я восстанавливала порядок в отведенной нам комнате, завтрак уже начался. Я поспешно заправила волосы, выбившиеся из-под чепца, одернула юбку и отправилась вниз, в столовую.

К счастью, сегодня Клара Ивановна разрешила разговаривать. Если бы выпал молчаливый день, мое опоздание стало бы поводом для криков, но, поскольку все беседовали, я не навлекла на себя ее гнева.

Глубокий реверанс, в котором я присела перед хозяйкой, вышел не слишком грациозным. Но Клара так увлеклась, слушая спор Григория и Лидии, что ей было не до меня: она царственно взмахнула рукой, и я с облегчением пробралась на свое место и стала следить за разговором.

– Тебе этого не понять, – густым красивым басом сказала Лидия и бросила на брата высокомерный взгляд. – Ты так же далек от поэзии, как помоечный голубь – от райских островов.

– О-о, значит, ты у нас райская птица! – уязвленный Гриша принялся теревить завитки черной бороды и, кажется, едва не вырвал из нее клочок. – А твои острова, очевидно – творения, которыми ты осчастливливаешь публику!

– Да! Я дарю им радость!

Она вся напряглась и прислушалась к себе, словно курица, готовящаяся снести яичко. Для нас счастливый момент прошел незамеченным, но в Лидии что-то свершилось – она слегка выкатила глаза и провозгласила:

– Все ждут моих стихов неслыханных! Они цветам подобны вишни!

– Вишни?! – воскликнул Гриша. – Подобны! За те чудовищные вирши, которые ты плодишь по любому поводу, тебя надо лишить права писать! Что ты сочинила для последнего заказа? А? Нет, прочти, прочти!

Лидия, сдержанно улыбнувшись, сделала жест, говорящий о том, что истинному творцу не нужно признание толпы. Но унять брата ей было уже не под силу.

– Не помнишь... – злорадно протянул Гриша. – А я помню!

Он встал, вытянулся во весь небольшой рост и с выражением, точно мальчик на утреннике, продекламировал:

*– Мы поздравляем начальника нашего!
Нет его лучше и нет его краше!
Весь наш отдел юридический
Уважает ваш характер нордический!*

Олег загоготал. Клара Ивановна с сокрушенным видом покачала головой.

Лидия, слегка покраснев, отложила вилку и уставилась на брата воловьими глазами. Она больше и массивнее него в два раза, Григорий рядом с ней – просто карлик, и временами я опасуюсь, что она может прихлопнуть его как шмеля. Правда, подозреваю, что ей не хватит прыти: Лидия двигается неторопливо, с величавостью вдовствующей королевы, а Гриша – живчик, вечно скалящий острые зубы из черной курчавой бороды. Похожи у них лишь носы: крупные картофелины, только у Гриши – пористая, в красноватых прожилках, а у Лидии – безупречного оливкового цвета, ровная и гладкая.

– Ты смешон со своей завистью, – с достоинством проговорила она. – Творческой востребованности всегда завидуют. Но мне жаль, что ты не нашел в себе сил справиться с этим разрушающим чувством.

Гриша криво усмехнулся. Кажется, сестре удалось его поддеть: «творческой востребованностью» он похвастаться не может, и в этом одна из причин его желчности.

Дело в том, что Григорий – несостоявшийся режиссер. В оправдание своих неудач он ссылается на сложные обстоятельства, могущественных завистников, интриги... Конечно, его не устраивает место руководителя театрального кружка в детском доме творчества, и он отчаянно пытается выделиться, рьяно привлекая в театр новых подростков и надеясь, что о «студии Гейдмана» вот-вот начнут писать. Однако этого не происходит вот уже пятнадцать лет, и вряд ли что-то изменится в ближайшие пятнадцать.

А вот Лидия – настоящая сложившаяся поэтесса. В доказательство этого она может предъявить томик стихов. «Томик» представляет собой тонкую брошюрку, на обложке которой красиво выведено: «Лидия Гейдман. Ручей моей души». Эту книжку Лидия издала за свой счет тиражом в семьсот экземпляров. Пятьдесят штук ей удалось пристроить по знакомым, еще двадцать забрал из жалости владелец небольшого книжного магазина, с которым она познакомилась на поэтической встрече (другого автора), а остальные хранятся у Лидии в книжном шкафу. На полке стоят Пушкин, Блок, Ахматова – и шестьсот тридцать книжек Лидии Гейдман.

Но мир суров к таланту, и Лида не может зарабатывать поэзией. Поэтому она пишет на заказ стихи к разным праздникам. Сперва Лидия говорила об этом стеснительно, как возвышенный человек, вынужденный опускаться до грязной и грубой работы, но со временем пришла к выводу, что таким образом она несет поэзию в массы, и даже возгордилась.

– Завидовать? Тебе? Да я бы сгорел со стыда, если бы подписался под

теми несусветными стишатами, которые ты плодишь в невероятном количестве! – сказал Григорий, подцепляя вилкой кусок ветчины. – Клара Ивановна, вы знаете, что Лида осваивает классику?

– В каком смысле?

– Безжалостно эксплуатирует нетленки гениев, прививая к стволу их таланта обильные ветки своей графомании.

– Что ты городишь?! – возмутилась Лидия.

Гриша невозмутимо отправил в рот ветчину, прожевал ее и утерся салфеткой.

– А кто на восьмое марта накропал на заказ двадцать четверостиший? Я, что ли? Вот, послушайте: «Восьмое марта! День чудесный! Вставай скорее, друг прелестный! Тебя, желанья воплотив, мужской встречает коллектив!»

– Это творческий прием! – защищалась Лидия.

– Ты сама-то понимаешь, что написала? «Тебя, желанья воплотив, мужской встречает коллектив!» О чем это? Об элитном стриптиз-клубе для состоятельных дам? А вот такое: «Весна! Как много в слове этом! Идут мужчины за букетом, и словно лоси там и тут толпою женщины бегут».

– Вполне реалистичная зарисовка, – вполголоса заметила Клара Ивановна. – Действительно, и толпою, и бегут. Только отчего же лоси? Тогда уж серны!

– Но это еще не конец! Имеется продолжение. «Взгляни ж и ты на эти розы и на душистые мимозы! Мужчины дарят их тебе, добыв, как мамонта, в борьбе». Лидия, если бы я не знал, что бог лишил тебя чувства юмора, то подумал бы, что ты смеешься.

– Людям нравится!

– О да! – язвительно согласился Гриша. – Или, иными словами, пипл хавает! Не сомневаюсь! А на Новый Год? Что ты сочинила на Новый Год?

– Что?

– Уже не помнишь, да? Милосердное подсознание, не в силах справиться с кошмарным воспоминанием, стерло его из твоей памяти? А вот мне повезло меньше. Боюсь, я до смерти не забуду новогоднее поздравление, которое тебе заказали несчастные работники мясокомбината.

– Что еще за поздравление? – ухмыляясь, спросил Олег.

Все затаили дыхание, предчувствуя, что на этот раз Лидия забралась на недосыгаемую высоту. Гриша перевел дух, взглянул на сестру, сидевшую с надменным видом, и начал:

– Пусть будет свежим ваше мясо...

Я не выдержала и фыркнула. Вслед за мной засмеялась Клара

Ивановна. Лидия метнула на меня оскорбленный взгляд, и я постаралась спрятать улыбку.

– Ты все перепутал, – холодно сказала она брату.

– Точно! – Григорий хлопнул себя по лбу. – Меня так поразила эта строка, что я забыл про остальное. Лида, прости! – он умоляюще протянул к ней руки.

– Паяц, – бросила его сестра. – Тебе лишь бы насмешничать над тем, что неподвластно пониманию.

– Грешен, – покаялся Григорий. – Нам, гагарам, недоступно. Но твой укор напрасен – я вспомнил все четверостишие целиком.

Он откинул голову назад, вытянул вперед руку, откашлялся и прочел:

*– Скажу я так, устав от пляса,
Раз до курантов полчасика:
Пусть будет свежим ваше мясо
И длинной будет колбаса!*

Он прижал руку к сердцу, поклонился, и мы дружно зааплодировали.

– Может быть, это не самое удачное мое произведение, – созналась Лидия. – Но я вкладываю душу в стихи, и заказчики очень ценят это.

– Душу? – простонал Григорий. – Лида, да ты Лоханкин в женском обличье!

– Попрошу без оскорблений!

– Васисуалий, собственной персоной! – не унимался Гриша.

– Зато мне нет нужды создавать вокруг себя кокон из поклонников! – парировала Лидия. – Я самодостаточна! А ты, мой бедный друг, все пыжишься, ловишь новые души... Записываешь их в блокнотик, правда же?

Она рассмеялась, и Олег рассмеялся вслед за ней. Мой муж никогда не занимает ничью сторону, он всегда лишь на своей собственной. Вот и сейчас в споре Григория и Лидии ему все равно, кто победит, – он хочет лишь развлечений.

В этом он полностью поддерживает Клару Ивановну. Я исподтишка перевожу взгляд с мужа на нашу хозяйку, и мне кажется, что они похожи между собой куда больше, чем родные брат и сестра Гейдманы. Но это не из-за физиогномического сходства, нет! На их бледных лицах сквозь криво надетую маску скучающего безразличия проступает одинаковое жадное желание развлечений, скрытое упоение самым дешевым видом из всех

театральных представлений – руганью клоунов, переходящей в мордобитие.

Клара Ивановна откровенно любит нас, ждет, с какой еще стороны каждый из нас покажет себя. О, она великий экспериментатор! Впрочем, неудивительно, после стольких-то лет унижений... Мне стоит сказать ей спасибо уже за то, что она не заставила меня привезти сюда Федю.

При мысли о сыне, оставшемся на все лето с бабушкой, я вдруг чуть не расплакалась. «Господи, пожалуйста, только не это!» – взмолилась я, удерживая застывшие в глазах слезы. Клара ненавидит плакс, она может наказать нас, если увидит, что я реву. А Олег мне этого не простит.

Перепапку Лидии и Григория оборвало громкое распоряжение Клары: – Ну все, довольно шуток! Уберите со стола. Живо!

Наступило секундное оцепенение. Но тут же мы, все четверо, вскочили и засновали между столовой и кухней, перетаскивая посуду в глубокую раковину. Я успела уловить на лице нашей хозяйки выражение болезненного удовольствия, но оно тут же исчезло, сменившись улыбкой умиротворения.

Вот так, да. Только что мы посмеивались друг над другом, делая вид, что все мы – одна компания, притворяясь *равными*, но Клара тут же окатила нас ледяной водой, напомнив, кто мы есть на самом деле.

Слуги.

А слуги должны знать свое место.

Я взяла салатник и поспешила уйти из столовой, чувствуя на себе взгляд Клары Ивановны. Но моя вечная неуклюжесть снова подвела меня: выходя, я ударила плечом о дверной косяк, вскрикнула от боли – и выпустила тарелку из рук.

Сверкнув золотистой каемкой, салатник перевернулся в воздухе – и ударился об пол. Уверена: урони его кто-нибудь другой, он бы в худшем случае грустно треснул, не привлекая к себе внимания. Но в моих руках его судьба была предрешена.

На грохот обернулись все. Я съежилась над осколками, плавающими в лужице подсолнечного масла, и тихо сказала: «Извините». Но Клара Ивановна уже поднималась со стула, гневно постукивая веером о край стола, и стало ясно, что гроза неотвратима.

– Английский костяной фарфор, – визгливо сообщила она. – Но вам, милая моя, это неинтересно, правда? Вы ведь не считаете нужным заботиться о чужих вещах.

Я смотрела на нее снизу вверх и видела, что ее бледно-розовая помада

скомкалась в углах тонкогубого рта.

– Я давно хочу сказать, Лилия: меня не устраивает ваша работа! Вас даже близко нельзя подпускать к посуде!

«Ну так и не подпускайте», – хотелось сказать мне, но, конечно же, я не посмела. Олег, Лидия и Григорий за моей спиной позвякивали тарелками, явно стараясь делать это как можно тише.

– Вы едва не разбили стекло в шкафу, постоянно роняете вешалку, сломали ставни на окне... – пронзительный голос Клары Ивановны набирал силу, и я с ужасом подумала, что основной разнос у меня впереди. – Там, где вы, все ломается и выходит из строя. Не понимаю, как ваш муж подпускает вас к сыну! Голубушка, да вы просто стихийное бедствие! Вы можете быть опасны для ребенка.

Я вздрогнула и выпрямилась. *«Вы можете быть опасны для ребенка».*

– Что вы сказали?

Кажется, я проговорила это одними губами, но хозяйка поняла меня.

– Я сказала, – с удовольствием объяснила она, разделяя слова, – что не понимаю, как ваш муж подпускает вас к сыну. Не думаю, что вы хорошая мать. Уверена, вы и сами это понимаете, милая моя.

Мы стояли всего в нескольких шагах друг от друга, и я хорошо видела выражение ее глаз под нарисованными бровками, вздернутыми в ожидании моего ответа. В них плескалось веселье – и что-то еще, похожее на свирепую радость охотника, ждущего зверя в засаде с ружьем наготове.

Клара Ивановна забавлялась.

На ее шее отливали перламутром крупные бусы из жемчуга, и взгляд мой застрял на глубокой морщине прямо над ними. Клара Ивановна нестарая женщина, но шея у нее старческая, длинная, как у гусыни, и такая же красная. И еще эта морщина... Точно пунктир, подсказывающий ребенку, по какой линии отрезать.

– Вы успокоились? – осведомилась хозяйка. – Тогда займитесь делом. И выкиньте уже, наконец, этот кусок!

Только проследив за ее указующим пальцем, я заметила, что держу в руке осколок салатника, острый, как бритва. Осторожно положив его на край стола, словно он мог сам порезать меня, я вышла из комнаты. В голове колотилась одна мысль: «Все, хватит. С меня довольно».

От унижения и гнева у меня защипало в глазах. Щеки горели так, словно мне надавали пощечин. Отчасти так оно и было.

«Не думаю, что вы хорошая мать».

Рывком вытащив чемодан из-под кровати, я распахнула дверцу шкафа и схватила в охапку вещи вместе с вешалками. Мятое, скомканное,

свернутое в узел – пускай! Лишь бы оборвать это издевательство! Пусть они играют в эти игры без меня, раз их устраивают правила.

Сзади скрипнула дверь, но я не стала оборачиваться. Конечно же, это Олег: поднялся не спеша (он никогда ничего не делает в спешке) и теперь стоит за моей спиной, сунув руки в карманы.

Петли еще раз скрипнули, и еще... Удивившись, я обернулась и застыла над чемоданом с пижамой в руках.

Они стояли там все трое: Лидия, Григорий и Олег. Лица их были одинаково мрачны и серьезны. Мне стало не по себе.

– Это она отправила вас сюда? – спросила я, чтобы хоть что-то спросить. Зря: голос подвел меня, дрогнул, словно от страха.

Олег покачал головой:

– Не выдумывай. Она уже не сердится, так что можешь успокоиться. Бежать незачем.

Тихий бесцветный голос моего мужа обладает парализующим действием, гасит мою волю, и я, зная об этом, стараюсь не слушать его.

– Ты не можешь нас так подвести, – своим низким голосом сказала Лидия. – Взаимопомощь! Помни об этом!

Мне хочется стукнуть ее чем-нибудь тяжелым, но под рукой у меня только чемодан, а его я не смогу бросить, даже если очень захочу. Взаимопомощь!

– Лиля, признайся, что ты погорячилась, и все обойдется, – вплетает свой вкрадчивый голос в их трио Григорий. – Извинишься перед Кларой, сделаешь реверанс... Не глупи. Ты не можешь уехать.

– Конечно, не может, – с улыбкой подтвердил мой муж. – Она просто пугает нас.

– Лилечка, ну перестань! Все, все, успокойся. Ты же знаешь, мы на твоей стороне.

– Неужели?! – вырвалось у меня.

– А ты не знала? – Олег подошел ко мне и забрал из моих рук скомканную пижаму. Я попыталась не отдавать ее, но он сильнее меня, а улыбка на его лице, которая сделалась злой, лишила меня сил.

Тем временем Лидия, ни слова не говоря, вынула мои вещи из чемодана. Я дернулась, желая остановить ее, но Олег крепко взял меня за локоть и держал, не отпуская. Пальцы у него цепкие, как паучьи лапы: просто поразительно, как в таком слабом на вид человеке таится такая сила.

– Пойми, мы желаем тебе только добра, – уговаривал он, удерживая меня. Лидия и Григорий хором подтвердили, что да, только добра и ничего другого. – Клара – сложная женщина, мы все становились жертвами ее

характера. Так что ты не исключение. Относись к этому как к игре. А главное, помни, *что* мы выигрываем! Своим поступком ты ставишь под угрозу нас всех. Но если ты больше не желаешь позаботиться о нашей выгоде, как мы договаривались, – он понижает голос и теперь говорит со мной почти шепотом, ласковым и заботливым, – тогда подумай о том, что выигрываешь конкретно ты. Подумала? А теперь закрой чемодан, будь умницей.

Лидия и Григорий дружно кивают, словно близнецы, забыв про свои распри. Они слышат лишь слова, а я слышу то, что за ними, и Олег знает, что я все понимаю. Голос его ни на секунду не стал жестким, нет, он мягок и тих. Но послушаться его невозможно.

Муж наконец отпустил меня, поняв, что сопротивление сломлено. Я обреченно закрыла чемодан и медленно задвинула его под кровать. Он показался мне невозможно тяжелым, хотя всего десять минут назад я легко достала его.

– А теперь мы пойдем вниз, и ты извинишься перед Кларой, – посоветовал Олег, и даже позволил себе пошутить: – Это быстро и не больно.

Я кивнула, чувствуя себя онемевшей, и вышла за ним из комнаты.

Так, наверное последняя крыса, оставшаяся в живых, не в силах противиться настойчивой мелодии, мчит за дудочкой Крысолова, хотя от черных волн веет холодом неминуемой гибели, и ни одного из ее собратьев уже не видно над водой.

* * *

Сергей бежал по тропинке, чувствуя, как приятно пружинит земля под ногами. Утро было прохладное, очень ясное, и стволы сосен светились в голубом воздухе. Царила лесная тишина – то время, когда ухо не может вычленишь из негромкого хора едва слышных голосов чей-то один, и все они сливаются для него в ровный зеленый шум.

Тяжеловесный Бабкин не любил кроссы, но лучшего способа осмотреть всю территорию «Рассвета» он не придумал, и потому, встав в шесть утра, добросовестно отправился на пробежку. План пансионата он запомнил, теперь предстояло соотнести его с реальной картиной местности.

Накануне Сергей успел убедиться в том, что территория пансионата совсем невелика и отдыхающих в нем не больше сорока человек.

Черникова упомянула, что многие гости – постоянные клиенты, приезжающие к Светлому озеру из года в год. Большинство из них останавливались в главном корпусе, но были и те, кто, подобно самой Черниковой, занимал коттеджи: утепленные деревянные домики, разбросанные по лесу тут и там.

Главный корпус Бабкин бегло осмотрел еще вчера: двухэтажное кирпичное здание с мемориальной табличкой, сообщавшей, что прежде на этом месте находилось имение графа Вязникова. От имения сохранились лишь два фонтана перед входом, в одном из которых с трудом узнавалась дева с кувшином, а второй и вовсе представлял собой бесформенную фигуру. Дно фонтанов густым ковром устилала пожелтевшие сосновые иглы.

Позади главного корпуса, совсем рядом с черным входом в столовую, красовался аккуратный коттедж с вывеской «Администрация». Его, как догадался Бабкин, занимала заведующая с красивым именем Ольга Романовна Григорьева.

Ни возле корпуса, ни около домика заведующей никого не оказалось, только на подоконнике столовой сидела пушистая белая кошка с рыжей манишкой и рыжим хвостом.

– Кис-кис-кис, – негромко позвал Сергей, перешедший на шаг, чтобы отдышаться.

Кошка округлила желтые глаза и нервно дернула хвостом. Затем встала, потянулась на всех лапах и, бесшумно спрыгнув вниз, засеменила в сторону коттеджей.

– Ну, веди, – пробормотал Бабкин, направляясь за ней.

Коттеджей было пятнадцать, и возле первого же из них кошка исчезла, обернувшись на прощанье и внимательно поглядев на Сергея. Просто завернула за угол, а когда спустя несколько секунд Бабкин завернул следом, ее уже не было.

«Чеширский кот какой-то, а не кошка».

Системы в выборе места для коттеджей Сергей не заметил. Первые три домика разделяли сто метров, но четвертый уже терялся в глубине леса, почти невидимый за деревьями (именно его и занимали Черниковы). Пятый вырастал, будто из-под земли, на краю пруда, похожего на синее блюдо с изумрудной каймой ряски по краям. Шестой тоже прятался у подножия невысокого лесного холма, за которым, как обещал план, должно было находиться озеро Светлое.

Сергей взбежал на холм и остановился.

Обещанное озеро лежало перед ним. Бабкин сразу понял, откуда

взялось название: вода в озере казалась нежно-голубой, местами белесой. Но не цвет воды привлек его внимание, и даже не лодка с одиноким рыбаком, ссутулившимся над своей снастью...

На берегу озера стоял дом. От него-то Сергей и не мог оторвать взгляда.

Двухэтажная бревенчатая изба казалась сказочным обиталищем чародея, живущего в этом лесу. За ней смыкали строй высоченные ели, словно охранявшие повелителя, и темная, мрачно-торжественная зелень их хвои издалека была похожа на грозовую тучу. Кто-то много лет назад посадил здесь маленькие елочки, и они вымахали до самого неба, изгнав из своих владений низкорослые кустарники и деревья поменьше. Ни одно не смогло выжить под тенью широколапых ветвей.

Изба выглядела старой, не сказать – старинной, но, приглядевшись, Сергей понял, что перед ним все же новодел. Не строили русских изб с такими большими окнами, с верандой, обнесенной резной оградой, с балкончиком, выходящим к лесу.

Бабкин вытащил из кармана план, расправил и озадаченно наклонил голову. План убеждал его, что вместо большой просторной дачи на берегу озера стоит конура. Крохотный домик, нарисованный на листе, был раз в десять меньше, чем значки, обозначающие коттеджи. Сергей вдруг понял, что, бегая, сделал полный круг и главный корпус должен стоять совсем недалеко от избы. Приглядевшись, он даже рассмотрел очертания здания – всего лишь метрах в сорока за сказочным домом.

Он снова взглянул на план «Рассвета» и нахмурился: если судить по схеме, пансионат был вытянут вдоль берега озера, и выходило, что основной корпус находится в крайней левой точке территории, а «изба чародея» – в крайней правой.

– Руки тебе пообрывать, – пробормотал Бабкин, имея в виду составителя плана. – Сусанин какой-то.

Он спустился с холма и пошел по берегу озера, разглядывая затейливую вязь резьбы на коньке крыши.

На полпути Сергей спохватился, что вышел из роли спортсмена, и побежал. Но кроссовки увязали в песке, и, помучившись немного, он плюнул на конспирацию. В конце концов, ничего удивительного, что вновь прибывшему стало интересно посмотреть на необычную постройку.

Подойдя вплотную, Бабкин задрал голову вверх. Десять окон, по пять на каждом этаже, плотно зашторены. Но изнутри слышались голоса.

Сергей обошел дом кругом, отметив, что позади него имеются деревянный сарай и дряхлая погребница, и наткнулся на крохотный, совсем

кукольный огородик, где росли петрушка и укроп, покачивала пушистыми сиреневыми соцветиями мята, и даже огуречный куст осторожно высовывал свои плети из-под парника, будто проверял, не озябнет ли, если выползет целиком. Хозяева посадили здесь и малину, но без ухода та совсем одичала и закустилась.

Бабкин воровато оглянулся и, не удержавшись, сорвал листик мяты, растер в пальцах. В ту же секунду хлопнула дверь, и на крыльце заговорили – громко, повелительно. Не раздумывая, Сергей отпрыгнул в сторону и затаился в малиннике.

Из зарослей хорошо просматривались крыльцо и часть веранды со столом и плетеными стульями. Возле одного из стульев, взявшись руками за спинку, будто собираясь поднять его, стояла женщина столь необычного вида, что Бабкин, собиравшийся незаметно исчезнуть, в изумлении замер на месте.

Он дал бы ей около пятидесяти лет. Мелкая востроносенькая дамочка с редкими рыжеватыми волосами, убранными в мышиный хвостик, и недобрый лицом. На ней было ошеломительной красоты длинное платье из зеленовато-серой ткани. Оно струилось вниз, падало складками на пол, и даже Бабкину, плохо разбирающемуся в моде, одного взгляда было достаточно, чтобы понять: такая вещь не может принадлежать этому времени. Поразил его именно контраст между необычностью наряда и банальнейшей внешностью его обладательницы.

– Мне кажется, пора приступать к завтраку, – громко сообщила женщина. Это ее повелительный голос Сергей слышал минутой ранее.

– Но позвольте, Клара Ивановна, – запротестовал мужской баритон. – Еще нет семи!

– А вам, Григорий, надо бы оставить свои барские замашки! – визгливо сказала женщина. И нравоучительно добавила: – Завтракать в половине одиннадцатого вредно для здоровья! Подавайте!

– Слушаюсь!

Почти сразу Сергей увидел и обладателя баритона, шагнувшего на веранду и остановившегося в нескольких шагах от женщины в платье. Мужчина застыл в нелепой позе, чуть наклонившись вперед и согнувшись в спине: поза его выражала не то подобострастие, не то готовность выкинуть фокус. Что-то определенно шутовское имелось и в манерах, и в его голосе. Со спины Бабкину было видно лишь, что он невысок и очень черноволос: смоляного цвета завитки спадали ему на шею.

«Баритон» шагнул на крыльцо и скрылся в доме. Когда он вернулся, в руках его был поднос с чашками. Последние он расставил на столе с

проворством официанта. Только теперь Сергей обратил внимание, что мужчина тоже одет странно: серые хлопковые брюки, рубаша навывпуск из такого же материала и подобие фрака. Вид нелепый и даже отчасти пугающий своей нелепостью.

– А где ваша сестра? – раздраженно спросила дама, похлопывая ладонью по перилам. – И где эти двое?

– Сейчас будут. Одну секунду!

Он вновь исчез, и вскоре вернулся, но уже не один. За ним шла женщина в длинном и широком черном платье с белым фартуком. Голову ее покрывал белый чепец. Крепкая, широкая в кости, такая же черноволосая и курчавая, как мужчина, она не улыбалась и выглядела угрюмой.

– Доброе утро, Клара Ивановна! – поздоровалась она, ставя на стол поднос с чайником и бутербродами.

– Доброе утро, милочка, – небрежно ответила та, шагнула к столу и застыла, словно в ожидании.

На несколько секунд воцарилась странная тишина, которую даже Сергей из своего укрытия ощутил как напряженную.

– А что нам нужно сказать? – наконец пропела первая женщина.

Вторая поправила съехавший на лоб чепец и попыталась что-то выговорить.

– Не слы-ы-ы-ышу! – покачала головой первая.

Лицо второй покраснело как от натуги, губы шевелились, но из них не вырывалось ни слова.

– Лидия, – раздраженно сказала дама, – у вас что – во рту пересохло? Так выпейте воды!

– Прошу к столу, Клара Ивановна, – выдавила наконец женщина в чепце.

Мужчина с той же кошачьей быстротой и ловкостью разлил чай по трем чашкам, и та, которую они называли Кларой Ивановной, прошествовала к своему месту.

– Воды все-таки выпейте, – бросила она, прежде чем сесть. И неторопливо опустилась на заботливо подставленный мужчиной стул, откинув подол своего великолепного платья. Взмах руки – и, подчиняясь этому взмаху, брат с сестрой тоже сели за стол. Больше никто не говорил ни слова.

Пока Сергей смотрел на завтракающую троицу, в голову ему закралась мысль, что он стал свидетелем спектакля. Очевидно, перед ним актеры, задумавшие по какой-то причине провести репетицию ранним утром на природе. Чем еще можно было объяснить костюмы и все эти «прошу к

столу, Клара Ивановна»?

Он решил, что такая версия вполне объясняет все увиденные им странности. Правда, какое-то смутное чувство не давало утвердиться в этой мысли окончательно. Озадаченный Сергей смотрел на молчаливо жующих людей, пытаясь понять, во что они играют, но размышления его были прерваны появлением новых персонажей.

Первой на веранду вышла молодая женщина, одетая так же, как и предыдущая: черное платье, белый капор на голове. Бабкин не успел разглядеть ее лица – так быстро она прошла и остановилась там, где он не мог ее видеть. Он услышал лишь негромкий нежный голос:

– Доброе утро, Клара Ивановна.

– Доброе, доброе, – ворчливо проговорила та, отпивая чай. – Вы опоздали, милочка моя. И вы... – она обернулась к мужчине, топчущемуся на крыльце, и на него уставился обвиняющий палец, – вы тоже!

– Извиняюсь, – хмуро буркнул он, делая шаг к столу.

– *Что?!*

От громкого возмущенного выкрика Сергей вздрогнул, а из соседнего куста вылетела перепуганная пичужка.

– Что вы себе позволяете? – вознегодовала женщина в зеленом платье. – Вы невоспитанный, необразованный... «Извиняюсь!» Да вы помните, с кем разговариваете?!

– Прошу извинить, Клара Ивановна.

Слова мужчины прозвучали тихо, но их услышали все. Голос был заискивающий.

– Вы же знаете, Клара Ивановна, университетов мы не кончали, – продолжал мужчина тем же голосом без намека на издевку, – манерам хорошим не обучены...

– Олег, перестань! – вдруг звонко сказала женщина, которую Сергей не видел.

– А ты не командуй! – одернула ее хозяйка. – Раскомандовалась...

– Ведь правда, Лиль, – задушевно сказал мужчина, – Клара Ивановна с нами бьется, необразованными, а мы ее огорчаем. Извините нас, Клара Ивановна!

– Хорошо, – недовольным тоном сказала та. – Разрешаю вам сесть за стол.

Зазвякали ложечки в фарфоровых чашках, задребезжали блюда... Бабкин подождал еще, прислушиваясь и не сводя глаз с крыльца, но больше из дверей никто не вышел. Похоже, обитатели дома завтракали в полном составе.

Закончив трапезу, они чинно поблагодарили Клару Ивановну, и женщины в чепцах убрали посуду, а мужчины помогли им. Как Бабкин ни старался, он снова не смог разглядеть лицо второй женщины – слишком быстро она перемещалась между верандой и домом.

Когда с уборкой было покончено, Клара Ивановна церемонным жестом разрешила другим участникам чаепития удалиться. Бабкин почти перестал удивляться, но реверанс, в котором присели две женщины, и поклон мужчин заставили его вскинуть брови.

Четверо ушли в дом, а женщина в зеленом платье осталась стоять на веранде, любуясь озером. Но стоило утреннему прохладному ветру погнать по воде рябь, и она последовала примеру своих помощников, зябко кутаясь на ходу в тонкую шаль с длинными серебристыми нитями на концах.

Дверь, скрипнув, закрылась, и все затихло.

Бабкин выбрался из малинника, оцарапался о колючую ветку и в качестве компенсации за перенесенные страдания снял с куста несколько красных ягод. Обошел дом по широкой дуге и спустился к берегу озера, размышляя над сценой, свидетелем которой стал.

«Игры? Любительская постановка?»

Для постановки поведение всех участников выглядело слишком естественно, а для игры им слишком мало нравилось происходящее. Во всяком случае, троим из них. Бабкин был уверен, что женщина по имени Клара Ивановна получала удовольствие от того, что происходило на веранде, но по голосам остальных, за исключением разве что черноволосого крепыща, он мог сказать со всей уверенностью: им это не нравилось.

Сергей так задумался над загадочной сценой, что даже не заметил лодку, бесшумно подошедшую к берегу. Он встрепенулся лишь тогда, когда из лодки его окликнули.

– Утречко доброе вам, – сказал скрипучий насмешливый голос. – Погодка сегодня балует, а?

Сергей живо обернулся и мысленно обругал себя за то, что его так легко застали врасплох. Лодка ударилась днищем о песок, рыбак в капюшоне выпрыгнул из нее, подняв кучу брызг, и с трудом потащил за собой.

Как только нос лодки оказался на суше, Бабкин присоединился к нему и, не слушая благодарностей, в три сильных рывка вытащил утлую посудину на берег.

– Погода неплохая, – согласился он, выпрямляясь. – Как улов?

Рыбак откинул капюшон, усмехнулся:

– Так себе. Но разве ж улов – это главное? Для нас, городских страдальцев, просто посидеть, посмотреть на восход – уже благодать!

Под капюшоном обнаружился моложавый старичок с лукавым лицом, похожий на гнома. Сходство придавали седые усы и борода.

Бабкин подумал, что для любования восходом не обязательно забираться в лодку, но благоразумно не стал спорить и кивнул, показывая, что и ему, городскому страдальцу, не чужды такие чувства.

– А рыба здесь водится, водится, – наставительно продолжал рыбак, – только нужно наживку правильную подобрать. Мучнистого червя они не особо уважают и хлеб не всякий возьмут. Но если капнуть анисового масла, то дело пойдет веселее.

И, не сделав ни малейшей паузы, без перехода добавил:

– А вы, значит, заинтересовались семейством Гейдманов? Занимательные они люди, ничего не скажешь.

Он уставился на Сергея с откровенным любопытством. Отпираться было бессмысленно, и Бабкин, вспомнив правило Илюшина: «не знаешь, что говорить, – говори правду», смущенно сказал:

– Подошел разглядеть дом, а там такое представление началось...

Старичок замахал руками:

– Голубчик, мне вы можете не рассказывать об этом! Знаю, прекрасно знаю! Да все знают! Вы ведь впервые у нас, правда?

«У нас», – отметил про себя Сергей и кивнул.

– Ну вот! – будто бы обрадовался рыбак. – Конечно, непривычно... Эх, что ж это я! И не представился!

Он церемонно наклонил голову, протянул руку:

– Леонид Сергеевич, можно просто Леонид. Местный врачеватель. Эскулап, так сказать.

– Сергей.

Бабкин пожал узкую сухую ладонь, изучая нового знакомого. Пожалуй, ему было меньше лет, чем казалось на первый взгляд. «Не старше пятидесяти пяти, – определил Сергей. – Не такой уж он и старичок».

– Невероятно, конечно, что такое могло произойти. Никто не ожидал! Никто! И я не ожидал, хотя мог бы предположить, зная Карла. А ведь вот оно как все обернулось... – Доктор покачал головой, глядя на избу, в окнах которой засверкало солнце.

– Что обернулось? – рискнул спросить Бабкин. И добавил доверительно: – Вы же понимаете, я человек новый, ничего не знаю... Глуповато себя чувствую, честно говоря.

– Понимаю, прекрасно вас понимаю, – заверил доктор. – Я сам

испытываю в точности то же самое, когда захожу к ним. Сейчас немного по привычке, но еще пару месяцев назад каждый визит был для меня сущим наказанием.

Он по-птичьему наклонил голову, явно ожидая чего-то от Сергея. И тут Бабкина осенило: новый знакомец явно был из числа тех людей, что чувствуют себя прирожденными рассказчиками и подпитываются интересом слушателей. Их подстегивает спортивный азарт: выложить историю первым, чтобы стать свидетелем вызванных ею чувств. Никакое происшествие не остается без их внимания: в душе они подлинные летописцы, хоть недобрые люди и именуют их пренебрежительно сплетниками.

Доктору не терпелось выложить перед новичком часть сокровищ из своих запасов. Это полностью совпадало с намерениями Сергея, желавшего выяснить как можно больше.

– А что там случилось? – прямо спросил Бабкин и по огоньку, мелькнувшему в глазах собеседника, понял, что попал.

– О, такое дело, такое дело! – многообещающе пробормотал Леонид Сергеевич. – Секундочку...

Он повертел головой, углядел на берегу бревно и уверенно пошел к нему, увязая сапогами в песке. Бабкин побрел за ним.

Леонид Сергеевич опустил на бревно, выудил из дальнего кармана пачку «Кента», угостил Сергея и закурил сам.

– Вы, должно быть, знаете, что этот дом – единственный, не принадлежащий нашему пансионату? – спросил врач.

– Нет, впервые слышу.

– Однако это так. Он частный. Около двадцати лет назад Карл Ефимович выкупил у тогдашнего руководства «Рассвета» участок земли и дом на ней. Домик, правда, был поменьше и всего в один этаж. Карл не стал его сносить, а достроил, и получилась эдакая избушка. На курьих ножках.

– Разве это возможно – купить участок у пансионата? – удивился Сергей. – Тем более с домом?

А в те годы, кажется, и землю покупать было запрещено...

– Карл Ефимович был человек не простой, и связей там... – доктор многозначительно указал пальцем вверх, – у него хватало. Председатель райисполкома все-таки, он и не такое мог себе позволить. Ежу понятно, что он ее не купил в прямом смысле слова, но участок ему выделили. А в девяностых, когда все пошло вразнос, Гейдман уже оформил все это дело так, что комар носа не подточит.

– И ему безропотно отдали землю и дом? – усомнился Бабкин.

– А куда людям было деваться? Карл, старый пройдоха, предъявил документы, согласно которым он является наследником графа Вязникова. И пригрозил, что пойдет в суд, если они не договорятся по-мирному, и тогда уж заберет все, до чего сможет дотянуться.

– Он и в самом деле наследник?

– А кто ж его знает! Написать-то можно что угодно, бумага, она все стерпит. Если подумать, то где Николай Александрович Вязников, а где Карл Ефимович Гейдман! Но наверняка утверждать не могу, в жизни всякое бывает. Может быть, Карлуша и впрямь раскопал старые бумаги и решил воспользоваться неожиданно открывшимся родством.

Леонид Сергеевич усмехнулся в усы, и Сергей подумал, что сам доктор слабо верит в такую возможность.

– А что потом? – с интересом спросил он.

– Карл приезжал сюда отдыхать на целое лето. Так мы с ним и познакомились. Кстати, он меня и к рыбалке приохотил. Страстный был любитель этого дела! Разве что по имени каждую рыбу в этом озере не звал. А жена его прекрасно готовила. Когда жарила рыбу, такой запах стоял! М-м-м-м-м...

Доктор закатил глаза и некоторое время сидел неподвижно, заново переживая воспоминания. Прошла минута, и Сергей осторожно откашлялся.

– А? – встрепенулся Леонид Сергеевич, открывая глаза. – Да, так об Агриппине... Если хотите понять всю историю, то начинать придется с этой красавицы. Что, готовы, так сказать, совершить экскурс в прошлое? Или еще по сигаретке – и побредем на завтрак?

Сергей заверил доктора, что готов к экскурсу, а завтрак подождет. Его заинтриговало начало рассказа, а желание найти объяснение увиденному на веранде лишь подогревало любопытство.

– Ну, тогда слушайте. Агриппина, между прочим, была родом из этих мест. Точнее, из поселка, из Вязников...

* * *

1973 год

Будь он проклят, этот поселок! Сдерживая рыдания, Агриппина свернула в проулок, промчалась до знакомого лаза в заборе и нырнула в него, обдирая колени. Вылезла возле поленницы и забилась в укромное

местечко за досками, известное только ей, подтянула кровоточащие колени к подбородку, слизнула соленые капли.

Здесь можно было отсиживаться долго – не найдут. А в то, что преследователи рискнут полезть в лаз, даже если и обнаружат его в зарослях лопуха, она не верила.

Поселок городского типа... Она презрительно сплюнула на лист подорожника и усмехнулась, увидев, что слюна стала красной от крови. Про себя Агриппина, которую звали исключительно Грунькой, произносила это так: «Поселок городского, типа!» С такой расстановкой знаков выходило, что поселок, конечно, деревня деревней, но, типа, притворяется городским.

И жители его притворяются, думала Груня. Все до одного. У-у-у, оборотни!

Травили Груньку не все, а только мальчишки-подростки, но и осуждение в глазах взрослых она принимала за готовность к преследованию. Пожалуй, что и небезосновательно. Старик Прохор Семенович, воевавший в Великую Отечественную, вернувшийся в сорок пятом увешанный медалями и орденами и часто рассказывавший девочке истории из военного прошлого, при встрече с бывшей любимицей теперь переходил на другую сторону улицы, а столкнувшись с Груней нос к носу в магазине, громко и отчетливо сказал: «Шалава!» – и плюнул в ее сторону. И с тех пор плевал в нее, где бы ни увидел. Дошло до того, что Агриппина ходила в поселковый гастроном украдкой, прижимаясь к заборам и готовясь удирать при первом же намеке на встречу со стариком.

А когда живот стал заметен, ее совсем заклевали. Те, кто не считал своим долгом пристыдить, смотрели с молчаливым презрением, или же, подобно озверевшему Прохору Семеновичу, прямо высказывали Груньке мнение о ее моральном облике. Нравы в поселке были строгие, и девочкам в шестнадцать лет беременеть не дозволялось.

Когда Груня, не выдержав, пожаловалась дяде, тот устало взглянул на нее и сказал:

– А ты чего хотела? Сама виновата.

Верно, думала Груня. Сама виновата. Чем мог привлечь ее тридцатипятилетний лысеющий агроном, откомандированный в их поселок на три летних месяца? Что она выдумала, кого вообразила вместо похотливого трусливого человечка, на прощанье сунувшего ей украдкой несколько мятых червонцев? И о чем думала, когда закрывала глаза на все признаки, списывала утреннюю тошноту на несвежую пищу, на жару, на запахи – да на что угодно, кроме того, что было на самом деле?!

Когда она бросилась к поселковой врачихе, было уже поздно. Врачиха, если и имела когда-то представление о врачебной тайне и этике, давно об этом позабыла, и новость о Груниной беременности распространилась по поселку быстрее, чем девушка дошла домой из больницы.

В марте Груня родила. Мелкий, крикливый, болезненный младенец выпивал из нее все соки. С рождения, казалось, у него наметились две залысины, как у агронома, и даже характер прорисовывался похожий: Олежек рос осторожным, трусоватым мальчиком себе на уме.

Агриппина пару раз всерьез обдумывала, то ли ей утопиться самой, то ли утопить ребенка. Жизнь стала невыносима не потому, что была тяжела, а потому, что в ней не было ни единой радости, ни одного просвета. Вопреки собственным ожиданиям, Груня не полюбила сына, и оттого оказалась лишена единственного верного утешения несчастной женщины – утешения в своем ребенке.

От страшного шага ее уберег дядя. Валентин Петрович не мог смотреть, как равнодушно Груня обращается с Олегом, и понемногу сам стал принимать участие в воспитании мальчика. Его сестра, мать Груни, давно умерла, отец был неизвестен, и большая часть тягот, связанных с выращиванием строптивой маленькой девочки, десять лет назад легла на плечи Валентина. Теперь он с таким же тщанием взялся за сына племянницы, который звал его дядей.

Постепенно в сознании жителей Вязников утвердилось это сочетание: Валя и Олежек, большой и маленький. К тому времени, когда мальчику исполнилось десять, он проводил куда больше времени с дядей, чем с матерью. С Валентином Петровичем ему было спокойнее: тот никогда не кричал на него, в отличие от нервной, раздражительной Груни. К тому же дядя работал учителем в школе, много общался с детьми и знал, чем их заинтересовать.

Высокий, худой, с вечной отрешенной полуулыбкой на добром лице, Валентин Петрович разъезжал по всему району на своей старенькой «копейке» и из каждой поездки привозил растения. Много лет он увлекался биологией и мечтал сделать полный каталог травянистых растений средней полосы России. Самый полный! Может быть, даже названный его именем! «Каталог Валентина Чайки»... Думая об этом, Валентин Петрович зажмуривался от удовольствия, и перед глазами его возникал бордовый корешок книги, по которому тянулась золотая надпись. Валентину Петровичу повезло с фамилией – звучной, запоминающейся, – и втайне он был уверен: она может сыграть не последнюю роль в том, чтобы назвать каталог в его честь.

Груня так и не вышла замуж. Рядом с ней не было ни одного понимающего человека, не считая дяди, но тот все свои силы отдал ребенку. И понемногу она совсем одичала. Те, кто поначалу изводил девочку, со временем стали опасаться ее: Груня научилась злобно огрызаться, а самым усердным преследователям могла дать оплеуху.

Когда старый Прохор Васильев, встретив ее в магазине, в очередной раз по привычке плюнул в ее сторону, Груня схватила с прилавка первое, что подвернулось под руку, и пошла на него. Подвернулись счеты. Замахнувшись ими, девушка загремела, будто кастаньетами, но никто не рассмеялся: слишком бешеные стали у Груни глаза, и никто не усомнился в том, что она вот-вот разобьет старые, выдавшие виды счеты о голову старика.

Не усомнился в этом и сам Прохор Семенович: в один миг растеряв весь боевой задор, он бочком, бочком стал отодвигаться от Груни, словно краб, и спрятался за дверь. Ни один человек в зале не рискнул остановить ее: люди откатились волнами в две стороны. Но девушка остановилась сама. Постояла, не сводя глаз с двери, из-за которой виднелся край поношенного ботинка, вернула счеты на прилавок онемевшей продавщице и ушла, не забыв прихватить купленную буханку.

А в двадцать шесть лет сбежала из Вязников, оставив все – дом, деньги, сына – родному дяде.

Все эти годы у нее развивалось и крепло ощущение, что поселок сжимает ее со всех сторон, что дома сближаются, теснятся, оставляя все меньше свободного пространства. Ей было нечем дышать. Все Грунины попытки жить «нормальной», по меркам Вязников, жизнью оканчивались плохо: она убеждалась в своей никчемности и отступала. Неподалеку от них жила старая одинокая полусумасшедшая женщина, и Груня поймала себя на том, что, проходя возле ее дома, ускоряет шаг. Поняв, отчего она это делает, девушка ужаснулась: не сама несчастная помешанная пугала ее, а предвидение своей судьбы.

Ранним мартовским утром, в первый по-настоящему солнечный день, Груня сложила вещи и документы в спортивную сумку, написала дяде Вале записку, поцеловала его, спящего, в седой висок, посмотрела на сына и вышла из дома. Холодный весенний воздух пах свежими огурцами, слезились и текли верхушки сугробов, а вдалеке автобус скользил по обледенелой дороге, похожий на большое неуклюжее животное с квадратной мордой.

Груня издалека замахала водителю, побежала, оскальзываясь и едва не падая, и еще успела перед тем, как впрыгнуть в автобус, обернуться и

посмотреть на дом, где мирно спали Валентин Петрович и Олег.
Больше она никогда их не видела.

Полгода спустя

Карл Ефимович Гейдман пил крепкий кофе, сваренный домработницей, и изучал ее, особенно и не скрываясь. Предыдущую он уволил за воровство, и кто-то из знакомых посоветовал ему эту – деревенскую женщину с несуразным именем. Карл Ефимович ожидал, что появится расторопная бой-баба с широким задом и мутными глазами, а пришла ладно сложенная темноглазая деваха с бровями вразлет, серьезная и молчаливая. Пухлые губы, курносый нос и черный платок на голове, как у вдовицы.

Карл Ефимович приказал ей вычистить кухню, а заодно сварить ему кофе. Если домработница спрашивала, какой кофе он любит, значит, не была безнадёжной. Если начинала варить сама, смело можно было гнать ее в шею: кофе все равно оказывался паршивым, а домработница – не способной переучиваться. Нечего и время терять.

Такой у Гейдмана был тест, и ни разу он его не подводил. Но строгая девица, справившись с кухней, сама взялась за турку, ничего не спрашивая. Карл Ефимович понимающе вздохнул, но когда перед ним на подносе поставили белоснежную фарфоровую чашечку, наполненную почти черным напитком, он подчинился выжидающему взгляду девушки и нехотя отпил из нее.

Кофе был неописуемо хорош. Карл Ефимович не смог добиться внятного ответа на вопрос, кто научил домработницу варить его правильно, но про себя решил: возьмет ее за одно это умение, пусть даже она окажется бестолковой во всем остальном.

Но Агриппина не подвела. Она взгромозила на себя весь дом, и привычный Карлу Ефимовичу быт не претерпел никаких изменений, не считая изменений к лучшему. Груня по собственному почину терла серебро, мыла окна, чистила Карлу Ефимовичу ботинки и натирала тряпочкой хрустальные подвески великолепной люстры, сверкавшей в гостиной.

Она очень его боялась. Гейдман напоминал ей лешего. Но не забавного тощего старикашку, гугукающего в осиновом дупле, а недоброго хозяина леса, водящего дружбу с медведями и волками. Коренастый, с крепкой бычьей шеей, с тяжеловесным квадратным подбородком, выпирающим вперед, он казался воплощением свирепой силы. В свои пятьдесят пять лет плавал в проруби, разминался на снегу и легко тягал тяжеленные гири,

которые Груня еле перетаскивала двумя руками.

Первые недели она старалась не вжимать голову в плечи, когда он заговаривал с ней. Но Карл Ефимович был с новой домработницей на удивление ласков и ни разу не повысил на нее голос. Постепенно Груня осмелела и даже стала позволять себе посматривать на него. Иногда.

Ее новый хозяин был одиночкой. Не одиноким мужчиной, а именно одиночкой, то есть – не нуждающимся в присутствии другой человеческой особи рядом с собой. Груня узнала, что он был женат, но развелся, и из родственников у него есть только странноватая сестра-поэтесса, над которой он подсмеивался, и ее мелкие дети.

Карл Ефимович отвел новой домработнице отдельную комнатку, которая не запиралась изнутри. Груня, обнаружив это, приготовилась к тому, что хозяин попробует прийти к ней на ночь. И даже завела на тумбочке возле кровати тяжелые деревянные счеты (у нее осталась из прошлой жизни уверенность, что этот предмет может помочь ей защитить себя).

Но шли недели, а Гейдман не предпринимал попыток, которых она опасалась. Счеты перекочевали на стол, а потом и вовсе упокоились в шкафу. Через три месяца по мелким признакам Груня заключила, что хозяин не видит в ней женщину. Поняв это, она неожиданно расстроилась, хотя должна была бы обрадоваться, и от своего расстройств сама на себя рассердилась.

С горечью Груня стала отмечать, что Карл Ефимович суховат с ней. Она делала свою работу по-прежнему добросовестно, стараясь угождать ему во всех мелочах, и ее старания не остались незамеченными: в конце месяца Гейдман, и без того щедро плативший своей домработнице, выдал ей премию. Груня проплакала над этими деньгами полночи и на следующий день старательно прятала опухшие глаза. Но Карл Ефимович ничего не заметил.

Она стала невероятно чувствительной ко всему, что касалось хозяина. Догадывалась о его возвращении за пятнадцать минут, как верная собака, по одному движению губ улавливала, в каком он настроении, а по бледности его лица могла сказать об уровне давления точнее тонометра.

Развязка наступила тогда, когда Гейдман принес домой букет белых роз.

– Грушенька, поставь их в вазу, но не распаковывай, – распорядился он. – И приготовь серый костюм.

Потом он разговаривал по телефону мурлыкающим голосом и убеждал какую-то Галечку, что она будет неотразима, в чем бы ни пришла.

Побледневшая Груня слышала из-за приоткрытой двери отрывки разговора и не замечала, как сжимает стебли роз с такой силой, что шипы пронзают кожу до крови.

Она приготовила серый в синюю полоску костюм, который Карл Ефимович надевал по торжественным случаям, машинально достала подходящую к нему пару обуви. Гейдман ходил по квартире, напевая что-то себе под нос, и был похож на давно не кормленного тигра, знающего, что вскоре его ожидает теплое нежное мясо.

Прошло два часа, во время которых Груня не вымолвила ни слова. Она подала легкий полдник, стараясь, чтобы руки не дрожали, и вздрогнула, когда Карл Ефимович одобряюще прикоснулся к ее запястью.

Поев, он собрался и, уже стоя в прихожей, крикнул:

– Груша, давай цветы! Только воду стряхни!

Груня взяла розы, прижала к себе, вдыхая волны воздушного, прозрачного аромата, и понесла в прихожую. Но когда увидела Гейдмана, стоявшего в предвкушении встречи, с ней что-то случилось. Должно быть, запах цветов, предназначавшихся не ей, свел Груню с ума, но только она замерла, не дойдя до хозяина двух шагов.

– Ну что же ты? – ласково спросил тот, протягивая руку за букетом.

Сошедшая с ума Груня оттолкнула его руку и со всей силы ударила цветы об стену. Вниз посыпались лепестки.

– Уходите! – выкрикнула она, ломая крепкие стебли и швыряя их на пол к его ногам. – Уходите без цветов! Пусть она обойдется! Зачем ей цветы?! У нее же есть вы!

Последняя белая роза хрустнула, переломившись пополам в ее исколотых пальцах. Этот звук внезапно привел Груню в себя. Она с ужасом посмотрела на дело своих рук, перевела взгляд на онемевшего мужчину, закрыла лицо и бросилась к себе в комнату.

Там Груня выхватила из шкафа чемодан и принялась без разбору бросать в него вещи, чувствуя, что вся горит от стыда. Уйти, уйти скорее, просочиться по стеночке, не показываясь ему на глаза! Что она наделала... Что она наделала?!

Дверь за ее спиной скрипнула, но не успела Груня броситься к выходу, как сильные руки развернули ее, буквально приподняли вверх. Карл Ефимович смотрел на нее, и в глазах его было что-то, невидимое ей до сих пор.

– Дурочка, – очень тихо сказал он. – Какая же ты дурочка...

Спустя секунду чемодан полетел с кровати в одну сторону, Грунино платье – в другую. Она не помнила, как они оказались в постели: память ее

сохранила происходящее в виде вспышек. Его искаженное лицо; руки, сжимающие ее запястья; потолок, опрокидывающийся куда-то вправо. И счастливый провал сна, долгого и крепкого, как у ребенка.

Два месяца спустя Карл зашел в спальню, присел на краешке кровати возле Груни. Она выздоравливала после тяжелого гриппа, много спала и почти ничего не ела. Гейдман наклонился над ней, поцеловал влажный лоб и строго сказал:

- Выздоровеешь – пойдём в ЗАГС.
- Что? – Груня приподнялась на подушке.
- Что слышала.
- Зачем тебе это? Я и так...

Она хотела добавить «люблю тебя», но осеклась и замолчала. Они редко говорили о чувствах. Сказать по правде, никогда.

– Знаю, что ты и так, – спокойно сказал Карл Ефимович. – Считаю, что я хочу обеспечить себе старость. А то вильнешь хвостом, найдешь себе мускулистого мальчика – и только я тебя и видел. А мужа, может, постесняешься бросить.

Груня хотела что-то возразить, но Гейдман остановил ее:

- Все, я сказал! Вопрос решенный.

Через два месяца их расписали: очень скромно, без всяких торжеств. Агриппина Чайка стала Агриппиной Гейдман.

Олежку, оставшегося без матери, очень жалели, но сам он, узнав о ее отъезде, не горевал ни капли. Напротив, у него появилось чувство, что наконец-то все встало на свои места. Мать вносила сумбур в их жизнь, от нее веяло чем-то чуждым, разрушительным. С дядей все было иначе.

Олег рос неглупым мальчиком и понимал, что подобными мыслями не стоит делиться с окружающими. Поэтому он делал скорбное лицо всякий раз, когда речь заходила о Груне, и со свойственной детям чуткостью научился извлекать выгоду из положения кукушкиного птенца, подброшенного в соседнее гнездо.

И его дядя, Валентин Петрович, тоже втайне испытал облегчение, прочтя записку сестры. Освободившуюся комнату он тут же переделал в кабинет, перенес туда свои гербарии и стал еще больше похож на чудака-ученого, мечтающего открыть новый, неизвестный науке вид.

Иногда дядя брал Олежку в свои лесные вылазки. На заднем сиденье машины-развалюхи тряслись ящики с песком, прикрытые брезентовым полотном, а на переднем тряслись Олег с дядей. Валентин Петрович

выбирал место, огораживал его и, передвигаясь на корточках, с лупой изучал попадающиеся на пути травинки. Олег в это время шатался в окрестностях, не уходя далеко от машины. Иногда лес вздрагивал от победного вопля – это означало, что дядя наткнулся на растение, которого еще нет в гербарии.

Находку бережно везли домой в ящике с прохладным песком, и дядя совершал над ней разнообразные манипуляции, измеряя и обнюхивая чахлую былинку со всех сторон.

Тогда-то у Олега и выявился талант. Он зарисовывал принесенные из леса трофеи, и рисунки его были точны и красивы. Обрадованный Валентин Петрович уверял, что племянник станет художником, и готовился отправить его в Москву, учиться живописи. Олег тоже хотел стать художником, но в Москву при этом не хотел. Туда отправилась мать, а значит, было в этом направлении что-то пугающее, как в Кудыкиной горе, куда слетаются на шабаш ведьмы.

Кроме того, Олег не хотел работать. К шестнадцати годам он превратился в тонкого бледного подростка с глазами навывкате, бездеятельного и апатичного. Оживление появлялось на его лице только тогда, когда кто-то хвалил его картины. Все свои неудачи он списывал на бросившую его мать и, наконец, сам поверил в это.

Валентин Петрович, оправдывая племянника, говорил, что мальчик хороший, просто очень уж мечтательный. И это было правдой. Олег мечтал о том, как в Вязники приедет богатый человек, увидит его картины и будет молча стоять перед ними. Долго. Час, а может быть, и два. Потом недоверчиво взглянет на Олега и спросит: «Это...ты?! Ты написал?!» Олег скромно кивнет и потупится, а богатый человек будет горячо трясти ему руку, а потом купит две картины. И на эти деньги Олег сможет безбедно жить до самой старости.

А еще лучше – не купит картины (они Олегу и самому нравились, он заранее жалел, что придется расстаться с ними), а будет для художника этим... как его... спонсором. В смысле – меценатом! Такой расклад Олега устраивал полностью, и он не торопился ни получать образование, ни искать работу, уверенный в том, что все задуманное сбудется.

Как ни странно, почти так и случилось.

В две тысячи четвертом году Карл Гейдман похоронил жену, умершую от рака, и сразу попал в больницу. Врачи диагностировали диабет. Из больницы Карл Ефимович не вышел, а выехал – на инвалидной коляске. Прогнозы врачей были неблагоприятными, но Гейдман не собирался

оставлять этот свет в ближайшее время. У него имелись незаконченные дела.

Первое из них было связано с волей жены. Умирая, Груша попросила его узнать о ее сыне и помочь ему. Карл никогда не осуждал ее за принятое много лет назад решение оставить ребенка, ему было попросту все равно. Но он обещал жене выполнить просьбу.

Второй долг Гейдман желал закрыть перед самим собой. Его старшая сестра Маргарита, наивная особа со склонностью к мелодраматизму, пишущая плохие стихи и считающая себе хорошей поэтессой, в сорок лет вышла замуж за ленивого прохиндея, жившего за ее счет. Брак продержался недолго: прохиндей исчез через три года, найдя новую творческую душу. Но остались двое детей, которых Маргарита воспитывала кое-как, то балуя, то наказывая. Перед смертью она впала в полубессознательное состояние и ни о чем уже не могла попросить младшего брата. Но Гейдман и без ее просьб знал, что делать.

* * *

– Так вот, голубчик, он собрал их всех под одной крышей, – сказал доктор, выпуская колечко дыма. – Детей сестры и сына жены. На лето они приезжали сюда все вместе, и в городе были на его обеспечении.

– Что значит «на обеспечении»? – не понял Сергей.

– Понимаете, получилось так, что ни из кого из тех, кто принадлежит к младшему поколению Гейдманов, не вышло толку. Все они творческие люди, и умение зарабатывать деньги – не их сильная сторона. А Карл Ефимович, как вы, наверное, уже поняли, был мужчиной предприимчивым, умным и хитрым, и к старости скопил сумму, позволявшую ему жить безбедно. У него ведь и две квартиры в Москве имеются. Впрочем, это к делу не относится – так, штрих к портрету. Вот он и содержал пару лет всех этих отпрысков. Из которых один – не забывайте – ему даже не кровный родственник!

– Но на веранде я видел пять человек, – вспомнил Сергей. – Кто еще две женщины?

– Э-э-э, не торопитесь! Одна из них – жена Грушиного сына, Олега. Он ведь женился, и сынишка у него имеется. А еще одна – та особа, из-за которой здесь этим летом начался весь сыр-бор.

– Неужели третья супруга этого вашего Гейдмана? – усмехнулся Бабкин.

– Между прочим, вы зря иронизируете! Карл был мужчиной хоть куда даже в инвалидной коляске. Но все же это не третья его жена. Он слишком сильно любил Грушу, чтобы жениться снова. Но вы ведь помните, что он заболел после ее смерти и уже не мог ходить? Одно время справлялся сам, но возраст сказывался, и два года назад у них в доме появилась сиделка. Зовут ее Клара Ивановна. Она и есть пятая.

Сергей вспомнил крупную женщину в чепце и покачал головой: он все еще не понимал, каким образом история семьи Карла Гейдмана привела всех ее участников к той сцене, что он наблюдал.

– Терпение, терпение! – призвал доктор, заметив его жест. – Я все разъясню! Надо вам сказать, что жизнь у Клары Ивановны сложилась нелегкая. Во-первых, она должна была ухаживать за неходячим инвалидом. Во-вторых, на ее плечи легли хлопоты по дому. А в-третьих, семья Карла дружно ее невлюбила и принялась третировать, проявляя при этом изобретательность.

– А что же сам Гейдман?

– Не могу сказать, что он это поощрял, – задумчиво сказал доктор. – Но и не препятствовал. Окружающие списывали это на его болезнь и слабость. Но, думаю, правда состояла не в этом.

– А в чем же?

– В том, что Карл Ефимович никогда не был добрым человеком и не считал нужным заботиться о ком-либо, кроме себя и жены. К старости он заскучал, ему требовались развлечения. А для умного человека лучшее развлечение – это наблюдение за другими людьми. Вот он и наблюдал, посмеиваясь в бороду. Перед ним разворачивалась такая картина! Кипели такие страсти! Сиделка была дурнушка без намека на чувство юмора, очень державшаяся за свою работу, и в то же время заносчивая и крайне самолюбивая. Вы понимаете: сочетание этих качеств делает человека идеальной мишенью для издевок. Лидия, племянница, придумала вот что: достала для сиделки платье английской прислуги начала девятнадцатого века и заставила беднягу носить его. Ей приказали обращаться ко всем домашним «сэр» и «миссис». «Миссис Лидия», «сэр Олег» – как звучит! Когда бедную Клару обязали делать книксен, она едва не взбунтовалась. Я был при этом. На секунду я испугался, что она бросится на Лидию и начнет душить ее! Но Клара взяла себя в руки и послушно сделала книксен под дружные смешки. Помнится, я еще тогда подумал, что они перегнули палку и эта женщина им отомстит.

Вот так и обстояли у них дела пару лет: Карл развлекался, все остальные тоже веселились от души. Кроме сиделки. Сиделка была

всеобщим козлом отпущения, и я искренне недоумевал, почему она не бросит все и не сбежит из этого дома. Григорий, племянник, придумал глупейшую шутку про Карла и Клару, которая украла у него и кораллы, и кларнет, а затем сбежала со всеми деньгами. Они постоянно дразнили ее этой дурацкой скороговоркой. Вообще во всем этом было столько злого ребячества, что я диву давался.

– Но почему же она не ушла?

– Думаю, из-за денег. Я же сказал, Гейдман хорошо платил ей. Вот Клара и терпела. А родственники Карла, уверовав в свою безнаказанность, отплясывали на ней как хотели.

– Но ведь Карл Гейдман умер. Почему же она до сих пор там? Или у них еще кто-то заболел? – скептически поинтересовался Сергей.

Доктор захихикал.

– Голубчик вы мой... – выговорил он. – Да ведь Карл Гейдман оставил завещание... завещание... – Хихиканье перешло в смех. – Завещание оставил! Ой, не могу... В котором все... ах-ха-ха!.. отписал сиделке! Ни одного... хи-хи-хи... родственничка... родственничка... не осчастливил! Ни одного нахлебника не сделал богаче! Ох, бог мой... – Леонид Сергеевич вытер выступившие на глаза слезы.

И тут Сергей понял.

– Вы хотите сказать, – медленно начал он, – что сиделка – это худая женщина в зеленом платье? Та, что командует остальными?

– Разумеется! А вы о ком подумали?

Картина, которая уже сложилась в голове Бабкина, перевернулась, и все герои ее попадали вверх тормашками.

– Это сиделка... – повторил он ошеломленно.

– Клара Ивановна, – подтвердил Леонид Сергеевич с нескрываемым удовольствием. – Собственница дома, квартир и всех его накоплений. Теперь вы понимаете? Что скажете, а? Каков жизненный финт ушами! Нет, голубчик, чем больше живу, тем больше убеждаюсь, что судьба – дамочка с хорошим чувством юмора.

– Тогда уж не судьба, а сам Гейдман, – возразил Бабкин, не в силах до конца поверить в рассказ Леонида Сергеевича.

– И ведь вы совершенно правы! – вскричал доктор так громко, что Сергей покосился в сторону дома – не услышали бы оттуда. – Голову дам на отсечение, что все это он придумал заранее!

– Потому и не препятствовал издевкам... – задумчиво протянул Бабкин. – Развлекался, говорите...

– Точно так, – убежденно ответил его собеседник. – Заранее знал, как

все обернется. У меня даже закрадывается подозрение, что наш Карл притворялся атеистом, а на самом деле верил в загробную жизнь. Хотел вдоволь насмеяться, поглядывая с небес на то, что будет твориться после его смерти. Вы ведь видели, не правда ли?

– Видел... Только сам не понял, что именно.

– О, сначала у всех был шок! – уже серьезно сказал доктор. – Включая Клару Ивановну. Два года быть девочкой для битья, а потом – такой сюрприз! Но, конечно, куда хуже пришлось семье Гейдмана. Представьте: оказаться в полной финансовой зависимости от человека, которого они увлеченно шпыняли и считали за пустое место. Я видел их вскоре после смерти Карла: они со страхом ждали расплаты и винили в произошедшем друг друга. Все они перессорились, потом их примирило совместное решение: обратиться в суд. Но тут выяснилось, что Гейдман незадолго до смерти проходил обследование и был признан психически здоровым. Это сильно подорвало их веру в то, что они выиграют дело, и суд отменился.

В начале лета сюда, в пансионат, прибыла Клара Ивановна и разрешила приехать семье. Вступив в наследство, она будто бы по инерции продолжала выплачивать всем им деньги – ту сумму, которую они привыкли ежемесячно получать от Карла. Они и приехали в надежде, что все будет как раньше. Что показывает нам, насколько наивными могут быть взрослые люди. Как дети, честное слово!

– Их встретил не тот прием, которого они ждали? – усмехнулся Сергей.

– «Не тот» – мягко сказано! Встреча происходила без меня, но я видел, с какими лицами выходили Гейдманы из дома. Кое-кто из них сразу хотел уехать, но ему не дали.

– И кто же?

– Жена Груниного сына, Лилия. Кажется, единственная, кто не участвовал в травле сиделки. Но она очень зависима от мужа, и голос ее не играет в семейных делах никакой роли.

– А что же остальные? Неужели остались?

– Остались, милый мой, остались! Не знаю, что Клара говорила им. Но в конце концов все они сдались и начали играть по тем правилам, которые диктовала им Клара. И вот тут-то наступило время ее торжества! Роли поменялись! Теперь она – знатная дама, а они – прислуга. Они обязаны обращаться к ней с почтением, быстро исполнять ее распоряжения и угождать мелким прихотям. И носить одежду слуг, когда Клара этого требует.

– Так они не постоянно ходят как ряженые?

– Нет, в том-то и дело. Клара непредсказуема. Ни один из них так и не научился предугадывать, когда она выступит в роли хозяйки, а когда в роли простой славной благодетельницы. Есть у меня подозрение, что это – часть ее плана.

– А какой у нее план?

Доктор огляделся, будто проверяя, не подслушивает ли их кто-нибудь, и доверительно наклонился к Сергею:

– Никому не говорите, но, по-моему... Она хочет их извести!

Бабкин отстранился и пристально посмотрел на доктора, словно пытаясь найти на его лице признаки душевной болезни.

– Сами понаблюдайте, раз не верите, – пожал плечами Леонид Сергеевич. – Если, конечно, вам представится такая возможность. Мне-то они доверяют, я у них летний семейный доктор. – Он усмехнулся в усы.

– Зачем это сиделке? Логичнее, если бы было наоборот!

– Может быть, берет реванш за два года унижений? – Доктор поднялся, и Сергей тоже вынужден был встать. – У нас тут пару недель назад был случай: из поселка прибежала женщина искать свою четырнадцатилетнюю дочь. Говорила, что девчонка утром поехала к нам на велосипеде – продавать ягоды, но в обещанное время не вернулась. Так Клара Ивановна начала намекать, что все это неспроста и что в ее доме живут двое мужчин, которые поглядывали на эту пропавшую Катю с однозначными намерениями. Мол, допросить бы их с пристрастием, может быть, что-нибудь и выяснилось бы!

Леонид Сергеевич осуждающе покачал головой:

– Очень это глупо выглядело.

– Пойдите... – сказал Сергей, в голове которого вихрем пронеслись разнообразные мысли. – А девчонка-то нашлась?

– Ну конечно! – Доктор явно удивился такому вопросу. – Вечером приехала, целая и невредимая.

– И где же она была? – с видимым безразличием осведомился Бабкин.

– А! – тот махнул рукой. – В лесу заблудилась. Решила срезать путь, поехала незнакомой тропинкой и заплутала.

– Заплутала... – повторил Сергей. – Решила срезать путь и заплутала...

– И в этом нет ничего удивительного, – охотно подхватил Леонид Сергеевич. – Нынешним летом просто эпидемия подобных случаев!

– Неужели?

– С эпидемией я, пожалуй, погорячился, но у нас терялись уже три девицы. Мать третьей подняла всю округу на уши, а потом выяснилось, что девчонка уснула на поляне и проспала весь день. В общем, взбаламутила

народ, и отдыхающие пошли искать эту дурочку. Не все, конечно... Говоря по правде, мало кто поверил в ее исчезновение. Но жена Олега, Груниного сына, уговорила мужа, и они обошли весь пансионат, а потом еще и в лес отправились.

– А кто вторая? – Бабкин постарался придать вопросу оттенок простого любопытства.

– Да так, одна легкомысленная отроковица, тоже из Вязников. В столовой работает ее родственница, и девчонка часто навещает сюда. Ольга Романовна ее не гоняет, а зря. Пустая девица, финтифлюшка.

В голосе доктора сквозило осуждение.

– И она тоже исчезла утром, а появилась вечером? – спросил Сергей, внимательно наблюдая за его лицом.

– Почти что так. После обеда Марья Федоровна, повариха, вышла покормить кошку и заметила велосипед девчонки. Тут она забеспокоилась. По ее словам, племянница не могла приехать в «Рассвет» и не зайти к ней. Две поварихи прошлись по окрестностям, покричали девицу.

– И нашли ее спящей на поляне? – без улыбки поинтересовался Бабкин.

Доктор взглянул на него и покачал головой:

– Нет, через пару часов сама вышла откуда-то.

Сонная, взлохмаченная... В общем, всем было понятно, что произошло, только непонятно, с кем именно.

– А были варианты? – усмехнулся сыщик, догадавшись, что имеет в виду Леонид Сергеевич.

– Были, отчего же нет. Девица, хоть и молоденькая, очень даже аппетитная. А то, что безнравственна, так и на это много любителей.

– Педофилов, – утвердительно вставил Бабкин.

– Ни в коем случае! – запротестовал доктор. – Она взрослая девушка, ей шестнадцать! Прелестное сочетание хитрости с глупостью. Кажется, наш пансионат она рассматривает как озеро с карасями, а себя – как рыбака. В общем, ловит свой шанс выбраться из Вязников. Дуреха!

И, подытожив краткой характеристикой свое отношение к третьей девушке, доктор направился к лодке.

– Идемте же! – позвал он, обернувшись на неподвижно стоящего Сергея. – Что вы застыли? Опоздаем на завтрак, а сегодня, если не ошибаюсь, вареное яйцо и морская капуста!

Последняя фраза мигом вывела Бабкина из его раздумий.

– Яйцо? – встревоженно спросил он, устремляясь за своим провожатым. – Подождите... Что значит «вареное яйцо»? Что –одно?!

Глава 3

Нынче после завтрака мне удалось ускользнуть. Стыдно сказать, но я сбежала из дома, пока все были поглощены очередной ссорой между Лидией и Григорием, и нырнула за погребницу. Там растут лебеда и полынь, пахнет луговой горечью, горячей дорожной пылью и кибиткой (хотя, признаться, мне не доводилось нюхать кибиток), и на секунду, прикрыв глаза, я представила, что у меня все хорошо, что мы с Федей живем одни и нам больше не нужно никого бояться.

От этих кощунственных мыслей я вздрогнула и открыла глаза. Что я говорю?! Мы и так никого не боимся! Федька-то уж точно: он живет все лето у моих мамы и тети, носится босиком по лужам, рисует молочные усы возле губ и знает всех коров по именам, а быка – еще и по отчеству.

Мама часто жалуется мне на него. Неудивительно: она понятия не имеет, как обращаться с мальчишками! Единственный мужчина в нашей семье, да и то условный, это кот Шампиньон. Три поколения меланхоличных женщин взирают со стены в гостиную: прабабушка, бабушка и мама с тетей. Я могла бы пополнить этот ряд одиноких дам, но меня угораздило выйти замуж. То есть посчастливилось, как говорит мама.

Я знаю, что мне очень повезло. Мне твердили об этом так часто, что у меня выработался рефлекс: стоит матери начать: «и помни, что тебе...», как я бодро заканчиваю: «очень повезло». И еще ни разу не ошиблась с продолжением.

Видите ли, у каждой женщины в нашей семье есть талант, призвание. Мама – дизайнер: она из обломков, обрывков и ненужных кусочков чего ни попадя создает эстетические кошмары, но ужасы нынче в моде, и ее творения охотно раскупаются. Бабушка, учитель музыки, прекрасно пела: у нас даже сохранились записи. Меня каждый раз пробирает дрожь, когда я слышу арию из «Травиаты» в ее исполнении, но затрудняюсь сказать, связано ли это с воздействием бабушкиного голоса или же с тем, что она была приверженцем порки детей в любых неоднозначных ситуациях.

Моя тетя унаследовала от нее музыкальность и пошла по материнским стопам: она преподает в музыкальной школе и дает частные уроки. Иногда, возвращаясь домой, я вижу детей, выходящих из нашей квартиры после окончания занятий. Когда дверь за ними закрывается, у них становятся такие счастливые, такие радостные личики! Разве нет в этой радости заслуги моей тетушки?

Мне же, увы, не досталось ни одного таланта. Даже малюсенькой способности. Даже заурядного уменья, которым я могла бы если не блеснуть, то хотя бы чуть-чуть погордиться.

Мама рьяно пыталась выжать из меня призвание, найти хоть какую-нибудь зацепку, которая позволила бы назвать меня одаренной. Меня отдали на танцы – я ухитрилась в первый же день занятий разбить зеркало и стукнуть чешками по ушам другую девочку. Стукнула я ее потому, что она обозвала меня коровой – как я теперь понимаю, вполне заслуженно. Но в шесть лет я еще не успела свыкнуться с тем, что прозвище это справедливо, и отомстила как могла.

Вслед за танцами на меня обрушилось фигурное катание. Я была строго-настрога предупреждена, что коньки – не чешки, и наставлять с их помощью других детей на путь истинный нельзя. Первое занятие прошло без эксцессов, но на втором я врезалась в бортик и сломала два пальца себе и три – тренеру. Мне казалось, что соотношение справедливо, но тренер счел иначе, и на фигурное катание меня больше не водили.

Кружок рисования, к счастью, прошел для всех безболезненно. Не считая моральной травмы, нанесенной руководительнице кружка – милейшей женщине, убежденной в том, что даже зайца можно научить рисовать. Возможно, применяй она свои методы обучения на зайце, они и впрямь дали бы толк. Но ей попалась я. Когда моей маме надоело видеть в альбоме жутковатые каляки-маляки вместо ожидаемых шедевров, кружок рисования для меня закончился.

Затем последовала секция художественной гимнастики, которую сменил теннис, а его, в свою очередь, хоровое пение. Мама металась со мной по кружкам, пытаясь понять: где же, в какой области скрывается вожделенное дарование? Как суматошный золотоискатель она рыла то здесь, то там, дожидаясь, не блеснет ли, не ослепит ли своим сиянием прожилка моего таланта, но снова и снова отшвыривала в сторону пустую руду.

В отчаянии мама попыталась пристроить меня в конный спорт. Секция женской академической гребли, в которую меня отдали после того, как сросся перелом (заслуга не лошади, а земного притяжения: я грохнулась со стоящего смирно животного и сломала руку), стала последним этапом: выяснилось, что я и весло – вещи еще менее совместимые, чем я и лошадь. С травмой кисти я вновь попала в больницу. После этого мама сдалась.

Не подумайте, что я росла хулиганкой – совсем наоборот! Я была тихой безропотной девочкой, старательно выполнявшей все, что мне говорили. Меня до слез огорчали мои «успехи», а еще больше реакция

мамы, поджимавшей губы с видом «я так и знала» всякий раз, когда очередное ее начинание оканчивалось неудачей. Я чувствовала себя виноватой в том, что не могу кружиться в танце легко, как другие девочки, что не в силах нарисовать простейшее яблоко с хвостиком, что голос мой пискляв и фальшив.

– Никчемная у тебя девица растет, – как-то раз осуждающе сказала бабушка моей маме. И припечатала, не заботясь о том, слышу я или нет: – Твое педагогическое фиаско.

Да, каждую мою неудачу мама воспринимала как плевков ей в душу. Она, вкладывавшая в меня столько сил, рассчитывавшая гордиться мною, получила на выходе ребенка сомнительных достоинств. Гордиться было нечем. Она злилась и кричала на меня, а я только тупо моргала, вжав голову в плечи. «Никчемная девица» привязалось ко мне: мама нашла объяснение своим неудачам в том, что ей выдали изначально бракованный продукт, и не уставала напоминать мне об этом.

Примерно тогда я начала заикаться и ронять все, до чего случайно дотрагивалась. С возрастом прошло лишь заикание.

– Единственное, в чем ты превосходишь других детей – так это в неуклюжести, – сухо сказала мама, когда в десять лет я уронила новогоднюю елку. – «Слон в посудной лавке» в отношении тебя звучит как комплимент.

– Косорукая Лиля, – вздохнув, добавила тетя Лера, и это прозвище тоже надолго закрепилось за мной.

Панно, которое мама склеивала из осколков разбитой мною посуды, увеличивалось с каждым годом, и я в ужасе закрывала глаза, проходя мимо него. Оно разрасталось, меняло форму, ухмылялось щербатым оскалом из чашечек, блюдец, тарелочек... Оно пожирало все мои попытки стать ловкой и аккуратной, пережевывало их с хрустом, какой слышится, если наступить на осколки тонкого фарфора, и брезгливо выплевывало в меня острую белую крошку.

А в восемнадцать лет я вышла замуж за Олега. Это был первый мужчина в моей жизни, и первый, кто предложил мне выйти за него замуж. Мне показалось, что он любит меня, а я – его, и я согласилась.

Как ни поразительно, но Олег мигом нашел общий язык с моими мамой и тетей! Он до слез хохотал над их рассказами об идиотских ситуациях, в которые я попадала, а вскоре и сам смог добавить в архив семейных преданий много веселого. Втроем они признали, что меня нужно оберегать от самой себя и никто лучше Олега не годится на эту роль.

Он оказался существом того же вида, что и вся моя родня: творцом,

художником, взирающим со снисходительным сожалением на тех, кому ничего не дано. И мама не стеснялась напоминать, как невероятно, сказочно мне повезло. Помимо таланта к Олегу прилагалась красивая фамилия – Чайка, и постоянный доход от продажи картин. «Лиля, ты очень счастливый человек, – строго говорила тетя. – Очень! Ты не заслужила такого счастья».

Не знаю, чем объяснить, что первый год моего брака я была несчастна настолько, что не могла даже плакать. Наверное, мама была права, называя меня истеричкой. Но в октябре родился Федя, и все изменилось: как будто я всю жизнь жила без солнца, а потом наступил рассвет. Или как если бы человека, родившегося в пустыне и видевшего вокруг только песок, привезли на берег океана.

До сих пор у меня в ушах иногда звучит обвиняющий хор голосов.

Мамин: *«Тебе нельзя доверить ребенка, ты его уронишь!»*

Тетин: *«Воспитанием вашего сына должен заниматься Олег!»*

Мужа: *«Ты ни к чему не способна!»*

Клянусь, я старалась изо всех сил! К счастью, с Федей моя злосчастная неуклюжесть куда-то исчезала. Он рос чудесным мальчиком, жизнерадостным, хохочущим по любому пустяку. Олега его залиvistый громкий смех выводил из себя, и он требовал, чтобы мы оба замолчали. Мы с сыном прятались под стол, устраивали палатку из одеял и сидели там, как заговорщики: я рассказывала тысячи историй, сочиняя их на ходу, он слушал с широко раскрытыми глазами, поблескивавшими в темноте. «Ма-ам, а что было дальше с царевичем Хлоркой?» (я не умела придумывать имена и заимствовала их у окружающих предметов. У Царевича Хлорки был враг, принц Вантуз, и невеста, принцесса Духовка).

– Лиля! Лилия, где ты?!

Голос Олега! Я вздрогнула, как будто он неожиданно подкрался, сорвал со стола одеяло и застал нас врасплох: маленьких, прижавшихся друг к другу, разгоряченных от своих тайн и сказок, поведенных таинственным шепотом. Меня вдруг охватило острое нежелание видеть мужа. Я вжалась в стену, затем очень осторожно выглянула из своих зарослей и увидела, что он спускается с крыльца, недовольно вертя головой по сторонам.

– Лилия! Где ты, черт возьми?! Ты нужна Кларе Ивановне...

Нет, только не это!

Я поползла обратно, словно надеясь укрыться в траве. Можно было обежать погребницу с другой стороны, будто играя в прятки, но тут моя ладонь нащупала на выщербленной стене, нагретой солнцем, изогнутую

скобу – ручку двери. Я с усилием потянула ее на себя, и часть стены отделилась, превращаясь в дверцу, немного приоткрылась, сминая лебеду и польнь.

– Лилька! – заорал Олег совсем рядом и выругался: – Вот дура...

С бьющимся сердцем я протиснулась в образовавшуюся щель, в душную темноту, и поспешно закрыла тяжелую дверь, чуть не прищемив пальцы. Остался небольшой просвет, в который я, прижавшись щекой к занозистой доске, видела мужа: как он идет, крадучись, будто выслеживает меня, и поводит носом влево-вправо.

Я отшатнулась от входа, будто мой взгляд мог притянуть Олега, подождала немного и рискнула посмотреть снова. Вдруг он подошел и стоит рядом, с улыбочкой рассматривая постройку и предвкушая, как вытащит меня отсюда? Но старая заброшенная погребница не привлекла его внимания: он ушел дальше, к лесу, и его вкрадчивый голос растаял среди мрачных елей.

Я постояла с минуту, закрыв глаза, а потом открыла их и обвела взглядом низкие стены. Сперва, когда я только попала сюда, мне показалось, что внутри царит кромешная тьма. Но сейчас я убедилась, что это не так. Не тьма, а мягкий полумрак, из которого один за другим выступают контуры предметов, словно приближаются ко мне. На самом деле это мои глаза с каждой минутой все больше и больше привыкали к темноте, и вот я уже разглядела широкие полки вдоль стен, большие, как люльки, дырявые корзины, наваленные грудой в углу, грабли и лопаты, связки сухих веток, свисающие с потолка, мотки до ужаса пыльных веревок... В узком столбе света, падавшего снаружи, тучей роились пылинки, словно крошечные насекомые.

В пяти шагах от меня на полу лежал какой-то предмет, покрытый густой, почти вязкой, как грязь, пылью. Что-то, похожее на большую и широкую дверную ручку... Поморщившись от запаха пыли, я взялась за нее, но поднять не смогла, и только после второй неудачной попытки вдруг сообразила: это и есть ручка – ручка от люка в полу!

«Уж не тот ли это погреб, в котором сидела бедная Любаша? – пришло мне в голову. – Хоть доктор и говорил, что он был точно под нашим домом, но откуда ему знать наверняка? А по описанию похоже...»

Мне потребовались все силы, чтобы, ухватившись двумя руками за ручку, поднять люк вверх. Наконец я смогла откинуть его, и передо мной открылся черный квадрат погреба с уходившей в глубину лестницей. Оттуда на меня дохнуло плотным затхлым воздухом, земляной сыростью напополам с червяками.

«Интересно, что там, внизу?»

Мне представились ряды банок с клубничным вареньем, огурцы в тусклом рассоле, сквозь который просвечивают белые зубки чеснока, соленые помидоры с тончайшей кожицей, лопающейся от натяжения тугих помидорных телес... Наверное, после смерти Карла Ефимовича сюда никто ни разу не спускался.

Я жадно вглядывалась в заманчивую черноту, понимая, что лезть вниз без света – бессмысленная затея. Можно было бы вернуться за фонарем, но пройти в дом незамеченной мне вряд ли удалось бы.

– Ну и ладно! Подумаешь, подвал! – тихонько сказала я, отодвигаясь от люка. – Пустой подвал, ничего особенного!

В спину мне деликатно уткнулся край полки. Я обернулась, и первым, что бросилось мне в глаза, оказался черный фонарь с широкой выпуклой кнопкой. Это был современный фонарик из тех, что работают без батареек и аккумуляторов и называются вечными, хотя ломаются куда чаще обычных.

Я схватила его так быстро, словно боялась, что он исчезнет так же неожиданно, как появился. Раз-два-три-четыре-пять-шесть: резкие, почти судорожные сжатия, словно я тренировала кисть на эспандере – и вот лампы проснулись, замигали... Неуверенный слабенький свет стал ярче, перестал дрожать, и я с волнением присела над люком, опустила фонарь вниз, не переставая нажимать на кнопку.

Так и есть! На полках в отраженном луче что-то блеснуло. Чувствуя себя кладоискателем, я перехватила фонарик поудобнее и полезла вниз по лестнице, с большой осмотрительностью проверяя каждую ступеньку под ногами. У меня в памяти еще свежи воспоминания о том, как Григорий едва не ухнул в подвал. Последняя перекладка – и я встала, осматриваясь, вода вокруг фонариком.

Пол под ногами оказался не земляной, как я ожидала, а дощатый – трухлявый, прогнивший насквозь. Ежась от промозглого холода, я прошла по шаткому настилу и остановилась перед полкой, на которой и в самом деле выстроились трехлитровые банки, закатанные железными крышками – те покрылись коркой ржавчины. Но за толстым слоем пыли я никак не могла разглядеть, что внутри. Фонарик светил все слабее, и мне пришлось поднести его близко-близко к стеклянной поверхности банки и самой наклониться вплотную. Что-то круглое, небольшое, белое и, кажется, с коричневой сердцевинкой...

Ближе, ближе, еще ближе... Я накренила банку, вытерла ладонь о джинсы, всматриваясь в ее содержимое, которое от моего движения

заколыхалось, будто ожило...

И вдруг поняла, что это такое.

В банке за стеклом в прозрачной жидкости плавно покачивались человеческие глаза.

Я дико закричала и шарахнулась назад в ужасе. Под ногой что-то хрустнуло, я споткнулась и упала на спину. На мгновение мне показалось, что банка вместе с ее кошмарным содержимым вот-вот опрокинется с полки, упадет, разобьется прямо передо мной, и эта мысль вызвала у меня приступ безумного отвращения. Как жук, перевернутый кверху лапками, я отчаянно заколотила по полу, пытаясь отодвинуться назад и испытывая то же ощущение, которое испытывает во сне бегущий человек, недвигающийся с места.

Банка не упала. Вместо этого пол подо мной вдруг треснул, обрушился, и я провалилась, не успев даже вскрикнуть второй раз.

Удар. Тишина. Темнота. Кажется, земля вокруг. Первой моей мыслью было, что я провалилась в чью-то могилу, и волосы у меня на голове встали дыбом. Но в следующую секунду, дернувшись в страхе, я услышала звук, который внезапно успокоил меня.

Стук. Стук перекатившегося фонарика, который я выпустила во время падения, о что-то твердое: по звуку, кажется, камень.

Я лихорадочно ощупала то, на чем лежала. Под сгнившими досками, вместе с которыми я свалилась, была каменистая поверхность.

Еще несколько секунд поисков – и рядом со мной нашелся теплый цилиндр фонарика. У меня было такое чувство, будто я встретила знакомое живое существо. «Зарядив» его, я включила свет – и ахнула.

Я находилась в пещере, или, вернее, в горизонтально идущей шахте – широкой и круглой, как нора. Быть может, под воздействием пережитого ужаса я могла бы подумать, что ее прорыло неведомое подземное страшилище, гигантский червь, перемоловший тонны сырой земли... Но один факт не позволил этой гипотезе стать предположением. Факт, которому не смог противостоять даже мой ужас, ввергавший меня в безумие и заставлявший придумывать немислимые картинку сродни тем, что рисуют в американских комиксах.

Все стены этой пещеры, сколько хватало света фонаря, были выложены камнем. Даже я, готовая принять самое жуткое и неправдоподобное объяснение за правду, не могла представить себе гигантского кольчатого червя, любовно облицовывающего плиткой стены своей столовой. И мифическое чудовище, пожирающее проваливающихся под землю туристов, тоже вряд ли стало бы занимать таким образом свой

досуг. По всему выходило, что чудовищ и червей можно пока не опасаться.

Мало-помалу моя паника рассеялась. Я задрала голову и с невыразимым облегчением увидела, что падала с совсем небольшой высоты: обломившиеся края досок находились на расстоянии моей вытянутой руки, и при желании я легко могла бы забраться обратно. Но пока мне не хотелось возвращаться туда. Мне не терпелось исследовать мое новое убежище.

После короткого осмотра стало ясно, что это не что иное, как благоустроенный подземный туннель. В том месте, где я упала, он имел выход в подвал под нашей погребницей. Возможно, когда-то там была потайная дверь, а, может, этот ход держали на крайний случай, и беглецы должны были разобрать половицы, чтобы спуститься в него. Мой же путь облегчили и сократили сгнившие доски.

Теперь стало понятно, почему настил в подполе показался мне шатким. Он был фальшивым.

Но куда же ведет этот подземный ход?

Забыв про страшную находку в подвале, я села, стараясь не дотрагиваться до стен, покрытых кое-где черно-зеленым, похожим на плесень налетом, и с любопытством взгляделась в глубь лаза.

Я всегда считала себя трусихой, но трусость моя распространяется лишь на людей. Меня не пугают ни крысы со змеями, ни темные комнаты, и мне странно представить, что на кого-то могут наводить ужас кладбища или дома с привидениями. Никакое привидение не может быть страшнее хорошо знакомого тебе человека. Мне кажется, это они должны нас бояться, а не мы их.

Но перед этим ходом, выложенным грязно-белым камнем, я стояла в колебаниях. Точнее, сидела, поскольку выпрямиться в полный рост было невозможно. По стенам и потолку змеились белесые нити – корешки растений, кое-где они становились толстыми, как щупальца кальмара, и затягивали проход своей паучьей сетью. В одной из таких сетей терялся свет моего маленького фонаря.

Собравшись с силами и говоря себе, что другой возможности исследовать это загадочное место может и не представиться, я встала на корточки, зажала фонарь в зубах и поползла. Свет запрыгал передо мною: вверх-вниз, вверх-вниз... Достигнув «паутины», я растащила ее руками в разные стороны, освободив себе проход, и осторожно двинулась дальше.

Стоило лучу фонаря переметнуться вперед, как оставшееся без света пространство молниеносно погружалось во мрак и камни чернели. Бархатная темнота за мной смыкала объятия, тянулась ко мне щупальцами

корней, изучающе водила по щекам, шее, дотрагивалась до обнаженных рук – точно слепец, встречающий гостя в своем заброшенном доме, где сотни лет не было слышно ничьих шагов, кроме его собственных.

Воздух вокруг был густым и пах известью, но мне казалось, что это густеет вокруг меня время, замедляет свой ход, поворачивает обратно, раскачивает маховик, унося в те годы, когда люди, подобно муравьям, рыли этот ход и укрепляли его. Сколько лет прошло? Двести? Триста? Больше? Вот когда я пожалела о том, что не расспросила доктора подробнее! Ведь он говорил о древней крепости, когда-то стоявшей на этой земле...

Камни подо мною были влажными, и ладони вскоре сделались скользкими и липкими, как кожа лягушки. Во что превратились джинсы, мне даже не хотелось задумываться. Мазнув лучом фонарика по потолку туннеля, я заметила, что он стал выше. Можно было бы подняться и идти, низко согнувшись, но я предпочла ползти: кто знает, как сильно время и природа потрудились над творением людей, и не обрушится ли на меня этот потолок от случайного прикосновения, замуравывая в земляной галерее?

Я проползла еще несколько метров, и вдруг передо мной выросла преграда: каменная башенка поднималась в центре хода, широкий прямоугольный столб, подпиравший свод туннеля. Я сообразила, что это и есть опора. Слева и справа было достаточно места, чтобы обогнуть башню. Протискиваясь мимо нее, я задела плечом кирпичную кладку – и отшатнулась: прикосновение было ледяным.

В следующие десять минут мне встретились еще две таких опоры. От последней, когда я посветила на нее, проворно метнулось какое-то насекомое: большущее, размером с мою ладонь. Оно передвигалось так быстро, что я успела увидеть только блеснувший рыжий панцирь и длинные острые выступы на хвосте, похожие на усы. Меня передернуло, когда я представила, что это создание могло свалиться на меня откуда-нибудь сверху. Но, судя по его поведению, оно боялось меня еще больше, и это немного успокаивало.

– А не встречаются ли здесь змеи? – вслух спросила я, ожидая услышать поддакивание эха: «змеи, змеи, змеи...»

Но мой голос тут же съелся темнотой.

– Будем считать, что не встречаются, – пробормотала я, карабкаясь дальше. – Это мой ход, я его открыла. Здесь не должно быть змей.

Вскоре я потеряла счет времени. Часов я не ношу, телефон остался дома. По моим ощущениям, я провела в галерее не меньше часа. Как далеко можно было уползти за час? Наверное, не очень...

Я замерзла, натерла колени, ползти с каждым шагом становилось все труднее, но назад я не повернула бы ни за что на свете. Единственное, что могло заставить меня остановиться – это отсутствие света. В темноте я оказалась бы беспомощна. Пока мой верный фонарик освещал дорогу, я не собиралась сдаваться.

И стоило мне подумать об этом, как луч на миг сделался ярче – и исчез. Галерея погрузилась во мглу.

Я изо всех сил принялась нажимать на кнопку, но то ли перегорела лампочка, то ли что-то сломалось, но мне не удалось выжать даже крошечной искорки из фонаря. Я потрясла его, попробовала вслепую открутить крышку – бесполезно. Фонарь умер.

Не могу сказать, что я сильно испугалась, но перспектива ползти обратно в крошечной тьме меня не обрадовала. То существо в хитиновом панцире, с колючками на хвосте, убежало лишь потому, что попало в центр луча, и кто знает, какие еще существа скрывались от меня заблаговременно, лишь заметив издали бледно-желтое пятно, обшаривавшее стены? Что они станут делать теперь, когда я лишилась единственной защиты?

Приказав себе не фантазировать раньше времени, я обдумала создавшееся положение. Мне не было известно, куда выводит подземный ход и выводит ли вообще куда-нибудь. За сотни лет он, конечно, мог обвалиться, и почти наверняка так оно и случилось – в противном случае кто-нибудь наткнулся бы на него раньше меня. Может быть, мне под силу оказалось бы расчистить завал, но без фонаря и инструментов об этом нечего было и думать!

Получалось, что надо возвращаться.

Я уже собиралась повернуть назад, но что-то остановило меня. Глаза мои по-прежнему ничего не видели, но у меня появилось ощущение, будто что-то изменилось...

И вдруг я поняла: воздух! Воздух в туннеле стал другим! Исчезла вязкость, затхлость, и пахло уже не известью и землей, а обычными лесными запахами: соснами, сухой травой, отцветающим иван-чаем...

Где-то поблизости был выход на поверхность!

Забыв о возвращении, я рванула вперед со скоростью встреченного насекомого. И тут стало ясно, отчего последняя сотня метров галереи далась мне так тяжело: туннель шел под уклон. Я заметила это только сейчас, после вынужденной передышки: он довольно круто поднимался вверх, и я ощущала себя так, будто забираюсь в горку.

Но и это придало мне сил. Вокруг меня стали слабо, едва заметно проявляться очертания стен. И хотя источника света я по-прежнему не

видела, было очевидно, что царство глухой тьмы осталось позади.

Я двигалась вперед с таким энтузиазмом, что, когда ход внезапно оборвался, не поверила своим глазам и ощупала неожиданную преграду, подозревая какой-то подвох или обман зрения. Но глаза не лгали: резко сужавшийся проход был целиком заложен досками. Я недоверчиво постучала по ним, сначала слегка, потом сильнее, со все возрастающей злостью. Выходит, я пробиралась сюда с таким трудом лишь затем, чтобы в двух шагах от цели повернуть обратно?!

Я толкнула деревянный заслон, но он не шелохнулся. Забарабанила изо всех сил, но доски, похоже, были чем-то пропитаны, и это предохранило их от гниения – они устояли против моих ударов. Лоб у меня покрылся холодным потом. Я решила попробовать выбить их ногами, но в последний момент остановилась. Мне пришла в голову одна мысль...

Кем бы ни были строители подземного хода, вряд ли они планировали замуровать тех, кто будет им пользоваться. И вряд ли пробиравшиеся через него люди могли позволить себе потерять время на то, чтобы выломать крепкий заслон. Нет, это была защита от внешнего проникновения... Для тех же, кто внутри, должен быть иной способ выбраться наружу, чем с помощью физической силы.

Подумав об этом, я закрыла глаза и медленно провела ладонями по дереву – сухому, как лучина для печи. От него исходил едва уловимый смоляной запах, который подтверждал мою догадку о том, что его обработали каким-то составом.

Скупой свет не помогал мне: я по-прежнему почти ничего не видела, скорее угадывала контуры в полумраке. Пальцы мои ощупывали каждый сантиметр гладких обструганных досок, но не находили ни скважины, ни зазора, ни щелей – ничего из того, что могло бы помочь мне открыть эту дверь – а в том, что передо мной именно дверь, я теперь почти не сомневалась.

То, что в ней нет скважины, обескуражило меня. Как же можно открыть дверь, в которой не сделали отверстия для ключа?!

«М-да, задачка не для слабых умов. Значит, тебе не справиться», – насмешливо сказал в моей голове Олег. Как всегда, когда я терялась в трудных ситуациях, меня настигали уверенные голоса моих близких, не считавших нужным скрывать от меня малоприятную истину.

«Я всегда была с тобой честной, – возразил голос матери. – Ты не должна переоценивать себя. Помнишь, как ты училась водить машину? Если бы не мы, к чему бы это привело?»

«При чем здесь машина, мама?!» – я не выдержала и вступила в

разговор, проигранный уже тысячу раз в реальной жизни и столько же – в моем воображении.

«Давай смотреть правде в глаза, Лиля! – призвала тетя. – Ты безнадежна. Ты не справишься. Иди обратно, так будет лучше».

«Мы заботимся только о тебе!»

«Дурочка ты безрукая, мы желаем лишь добра... Сама видишь, у тебя нет ключа. Откуда ему взяться? Значит, у тебя ничего не получится».

«Что же поделать, если ты *в самом деле не сможешь* открыть эту дверь!»

От каждой новой реплики между мной и дверью словно выросло новое препятствие, и мне сперва нужно было справиться с ним, а потом еще с одним, и еще, и еще, и еще...

– Как же можно открыть дверь, если в ней нет скважины? – вслух с отчаянием повторила я, лишь бы отвязаться от голосов.

И вдруг ответ сам нашел меня.

Нет скважины – значит, нет и ключа. Все очень просто.

«Эта дверь открывается как-то иначе!»

Голоса выжидательно затихли.

– Допустим, есть секретный механизм, – неуверенно прошептала я. – Он должен быть простым, чтобы каждый, кому сказали о секрете, мог бы выбраться наружу. Например, потайной рычажок...

Я еще раз изучила дверь, но вновь убедилась, что она гладкая и доски плотно прижаты друг к другу.

«Не заклиниванием же тебя открывали! Должно быть что-то... что-то... Скажем, то, что отодвигает засов на той стороне! Или приводит в действие пружину... Нет, постойте, какую пружину? Пружина – это слишком сложно, это не годится. Скорее, такой же деревянный просмоленный брус, который нужно сдвинуть... Но чем? Здесь ничего нет, кроме этой проклятой двери и камней!»

Рассердившись, я замахнулась, собираясь ударить кулаком по упрямому дереву, не желавшему поддаваться, но тут меня осенила мысль, от которой я так и застыла с поднятой рукой.

«Кроме проклятой двери и камней...»

– И камней!

С бьющимся сердцем я ощупала кладку стены вокруг выхода. Слева и справа – ничего, камни плотно прилегают друг к другу и почти не отличаются по размерам. Я прижала ладони к «полу», на котором впустую просидела столько времени, и похлопала возле своих ног. Справа пальцы мои уперлись в камень, сильно выступавший вверх по сравнению с

остальными. Если бы я стояла, об него даже можно было бы споткнуться, но высота лаза не позволяла подняться здесь ни в полный рост, ни даже согнувшись пополам.

Булыжник холодил ладонь, он был как огромное яйцо, наполовину закопанное в землю – такой же ровный, с заостренной верхушкой. Но когда я обхватила его всей кистью, мои пальцы сами собою легли в небольшие шершавые ямки, явно искусственного происхождения. Несмотря на всю напряженность момента, меня разобрал смех, когда я подумала, что это допотопный шар для боулинга. Рассмеявшись, я с силой нажала на него. Ничего не случилось. Я положила сверху левую руку, оперлась всем своим весом, и тогда камень, преодолев сопротивление, подался, ушел вниз.

Получилось!

Я продолжала изо всех сил давить на него, и там, под землей, что-то зашевелилось. Я услышала треск, скрежет с другой стороны двери, и по каким-то неуловимым изменениям поняла, что больше ее ничего не удерживает.

Замерев, не снимая руки с камня, почти целиком ушедшего под землю, второй рукой я осторожно толкнула дверь. Она не сдвинулась ни на сантиметр. Бросив камень, я нажала обеими руками и почувствовала, что она понемногу открывается! Что бы ни держало ее, это был не засов.

Стоило мне расширить щель, и внутрь, будто поток зеленой воды, хлынул свет! У меня заслезились глаза, но я успела разглядеть переплетение стеблей и листьев и поняла, отчего свет показался мне зеленым.

Дверь оплели побеги и разрослись так тесно, что образовали прочную стену: она и мешала мне выбраться из заточения.

Что ж, по сравнению с тем, что я преодолела, сопротивление какого-то вьюнка представлялось детской задачей. Не знаю, сколько времени я усердно обрывала цепкие ростки, протягивая руку сквозь щель как можно дальше, чтобы ухватить побольше зловредных зеленых усов. Кожа на моих руках позеленела и теперь действительно стала напоминать лягушачью.

Но когда я, уже совершенно без сил, выползла наружу, то испытала приступ такого острого счастья, перед которым меркли и израненные ладони, и сбитые колени, и пережитый в подвале ужас.

Первый раз в жизни у меня что-то получилось!

Я лежала на траве и глубоко дышала, ощущая себя Дантесом, выбравшимся из заточения. Солнце надо мной дробилось в мелких зубчиках листьев, вокруг смыкала колючие стебли пахучая дикая малина, а

в двух шагах из земли торчали какие-то жерди, угрожающе накренившись над моей головой. Немного придя в себя, я приподнялась на локте и огляделась.

Туннель заканчивался в небольшом холме – одном из многих, выросавших в самых неожиданных местах этого леса. Отвесная сторона холма заросла старым хмелем (это его я приняла за вьюнок): так чистая поверхность пруда затягивается ряской, под которой уже не видно воды. Отсюда мой подземный ход казался самой настоящей норой, уходившей в глубь земли – норой черной, узкой, страшной, в которую ни один разумный человек не сунется без необходимости.

Вплотную к хмелю подходил такой густой малинник, что, вздумай я выбраться через него, мне бы не удалось продвинуться дальше, чем на шаг. Как будто леший намешал здесь все, что пришлось ему по душе: кустарники малины, цветы иван-чая, высоко тянувшиеся вверх розовыми макушками, небрежно набросанные сосновые ветки, бурьян, остролистную осоку, и еще добавил по краям каких-то кустов, похожих на гигантский укроп, с маленькими белыми цветами.

Именно в таких непроходимых зарослях и должны встречаться медведи. Я бы не удивилась, если бы из бурелома по соседству раздалось рычание и бурая туша поднялась из нее, угрожающе поводя носом.

Этого страшного медведя я представила так явственно, что меня пробрала дрожь, и я подползла поближе к своему лазу. Кто бы ни жил там, внутри, вряд ли он опаснее медведя. Но тут, как нарочно, мне вспомнилась банка, которую я нашла, и я немедленно отодвинулась от двери и прикрыла ее пологом хмеля. Нет, даже самый свирепый медведь-людоед не навел на меня такого ужаса, как человек, коллекционирующий глазные яблоки себе подобных.

Но все-таки, что это за жерди? И почему я сижу на крохотной вытоптанной полянке, непонятно как возникшей в этих непроходимых зарослях? Неужели и в самом деле лежище хищника?!

Но тут я разглядела, что к сухим жердям прислонены подпорки из рогатин, а сверху свисают обрывки истлевших веревок, и тотчас успокоилась. Осмотрев сооружение внимательнее, я убедилась, что догадка справедлива: передо мной были остатки шалаша, одна его стена, точнее остов, чудом сохранившийся скелет. Должно быть, его построили тогда, когда через малинник вела тропинка, и его обитатель чувствовал себя в полной безопасности, скрытый холмом и навесом из веток и листьев...

Как ни удивительно, но и на меня снизошло спокойствие и чувство защищенности. Даже мысль о том, что строителем шалаша мог быть тот же

человек, с результатами деятельности которого я кратко ознакомилась в погребке, не заставила меня испугаться. Наверное, мне в это просто-напросто не верилось.

Я внимательно исследовала площадку, подмечая следы давнего человеческого присутствия: вот кусок парниковой пленки, вот скрюченная железная вилка с одним-единственным уцелевшим зубом... Интересно, что можно было есть вилок в лесу? Стоило мне задуматься об этом, как желудок стиснуло голодным спазмом. Солнце висело над головой: похоже, сейчас около двенадцати часов, а завтракали мы в семь...

«Нужно возвращаться... Но только не через туннель!»

Без фонарика нечего было и думать соваться туда. Во тьме я могла попросту проскочить «люк», из которого провалилась в галерею, а у меня не было пока ни желания, ни сил выяснять, как далеко она выходит на поверхность с другой стороны. К тому же нельзя сбрасывать со счетов того, кто хозяйничает в подполе. Или хозяйничал... Судя по заброшенности подвала, прошло не меньше пары лет с тех пор, как кто-то спускался вниз.

От голода и от мыслей о психопате (кем же еще он мог быть, кроме психопата?) голова моя стала соображать с необычайной ясностью. Первым делом я проверила, как действует конструкция, открывающая дверь изнутри подземелья.

Для этого мне пришлось заползти в нору. На пороге мне попались два торчащих из земли на высоту моей ладони черных бруса, и я поразились, как не заметила их раньше.

Камень с углублениями для пальцев вернулся в первоначальное положение и, не закрывая двери, я вновь надавила на него.

Стоило мне утопить камень в землю, как черные брусья в двух шагах от меня неторопливо поехали вниз, будто кто-то невидимый нажимал на них с той, солнечной, стороны. Так вот почему я не заметила их, когда выбиралась наружу!

Я вылезла из пещеры и прикрыла дверь. Дождаться, когда «засов» снова вернется на место, не стала – только расправила длинные лианы плюща со смешными чешуйчатыми шишечками так, чтобы они закрывали проход. Когда я закончила, ни один человек с расстояния в десять шагов не смог бы сказать, что за этим качающимся от ветра зеленым водопадом может скрываться дверь.

Оставалось вылезти из малинника. И здесь мне помог тот, кто когда-то соорудил шалаш: по едва заметным следам, разве что не обнюхивая землю, я нашла остатки тропинки среди колючих злых побегов. Правда, мне пришлось пробираться ползком, на животе, обдирая локти и собирая

животом очень недовольных букашек и кусачих муравьев, но в конце концов я, извиваясь ужом, выползла на поляну. Поднялась, стряхивая насекомых, и обернулась, оценивая проделанный мной путь.

Метров пятнадцать, не больше! А мне-то казалось, что я героически преодолела по меньшей мере километр! Оглядевшись вокруг, я вдруг поняла, где нахожусь: в километре от нашего дома, в глубине соснового леса. И этот холм был мне знаком – гуляя, я несколько раз проходила мимо него! Что ж, теперь я хорошо знала, в какую сторону идти и как найти потом это место.

Пошатываясь, на подгибающихся ногах, я побрела по дорожке. Чем ближе я подходила к дому, тем явственнее вставала у меня перед глазами стеклянная банка, в которой колыхалась прозрачная жидкость. Я не заметила, как добралась до мрачных елей, за которыми виднелась наша изба, а за ней – нежно-голубое озеро, и остановилась, напряженно обдумывая, что говорить в оправдание своего отсутствия.

Но в голову, как назло, не лезло ни одной мысли. Стоять до вечера под прикрытием тяжелых ветвей было глупо, и я осторожно двинулась к сараю, отряхивая с себя самых упорных муравьев, проехавших на мне весь путь от шалаша до еловой чащи.

Дойдя до погребницы, я остановилась, не сводя взгляда с двери, почти сливавшейся со стеной. Мне не верилось, что всего несколько часов назад я прижималась к этой стене, дыша полынной горечью, в страхе, что муж вот-вот меня найдет.

Что-то мешало мне, болталось на поясе, и я сняла с ремня фонарь, о котором совсем забыла. Машинально щелкнула переключателем – и вдруг на двери, скрытой в тени навеса, возник неуверенный желтый кружок. Неужели заработало?!

Фонарик и впрямь ожил. И хотя луч его выглядел совсем бледным в дневном свете, я отчего-то почувствовала уверенность, что больше он не сломается.

Только этой уверенности мне и не хватало. Не раздумывая больше, я шагнула к потайной дверце и решительно потянула на себя железную ручку, холодившую пальцы.

Мне было очень, очень страшно, но меня не оставляло чувство, что я во всем должна разобраться сама, раз уж вошла в это дело. Впервые мне удалось сделать то, на что я никак не считала себя способной, и теперь я не могла уйти, не выяснив все до конца.

Существовала и еще одна причина, отчего я собиралась снова лезть в подпол одна, не позвав на помощь ни мужа, ни Григория. Тогда мой

подземный ход перестал бы быть моим. Я ощущала себя ребенком, нашедшим сокровище. Подо мной лежал не просто вырытый много лет назад туннель – это было зримое доказательство того, что я на что-то способна! Я не хотела делиться им ни с кем. Меня бы высмеяли, оттерли в сторону и незаметно забрали бы мое сокровище, запретив даже приближаться к нему.

И еще – шалаш, лесной домик... Смешно, но мне хотелось вернуться туда, сидеть в малиннике скрытной птичкой, зная, что никому не под силу найти меня там. Открой я тайну подземного хода, и про шалаш можно было бы забыть.

«Может быть, я расскажу потом, когда точно выясню, что находится в банке... Вдруг я ошиблась? Зачем поднимать тревогу раньше времени?»

Я уговаривала себя, а сама спускалась вниз по лестнице, снова с каждой ступенькой погружаясь в холод, точно заходя в воду Светлого озера. Вот и дно. И черная дыра провала, вокруг которой торчат зубастые края обломившихся досок. Я посветила вниз, избегая приближаться к полкам, и увидела совсем неглубоко под собой обломки сгнившего дерева.

Далеко обойдя пролом, чтобы не упасть снова, я медленно начала приближаться к полке, избегая светить на нее фонариком, избегая даже смотреть на нее! В горле у меня пересохло. В эту секунду я горько жалела, что не позвала с собой кого-нибудь. Но вместо того чтобы бежать отсюда прочь, я продолжала крохотными шажочками двигаться к банке.

В четырех шагах от нее фонарик затрясся в моей руке. Я ничего не могла поделать с этой предательской дрожью. Погреб вокруг меня обернулся склепом, холод подземелья стал ощущаться как стылое дыхание смерти. Жуткий образ пробрался ко мне в голову, омерзительный и тошнотворный, как прикосновение к разложившемуся трупу...

Я представила, что имои глаза плавают там, в банке, глядят слепым мертвым взором сквозь стекло. К горлу подкатила дурнота. Я резко поднесла руку ко рту, и тут вечная неуклюжесть сыграла со мной злую шутку: тяжелым корпусом фонаря я ударила саму себя по губам.

Но этот удар нечаянно оказался целителен: я пришла в себя. Физическая боль вытеснила гадкую фантазию. И все равно не могу описать, что мне потребовалось преодолеть, чтобы заставить собственную руку поднять фонарь и направить его на ряд одинаковых банок.

Запрещая самой себе отводить взгляд, я подошла близко и с отвращением уставилась на плавающие белые шарики. Господи, какой кошмар... Если бы в эту секунду ко мне сзади кто-нибудь прикоснулся, я сошла бы с ума.

Словно замороженная, я смотрела на коричневый зрачок в белой сфере яблока. Он был похож на ядро грецкого ореха – такой же морщинистый, точно скомканный. И в самом деле, поразительное сходство...

Я сама не заметила, что наклонилась так близко к банке, что стукнулась об стекло носом. «Глаза» находились прямо передо мной. Я смотрела на них – десять секунд, двадцать, минуту... И вдруг начала смеяться. Должно быть, в смехе моем слышались истерические ноты, но я ничего не могла с собой поделать – облегчение было слишком велико. Не было, ничего не было! Не было психопата-убийцы, коллекционирующего части тела своих жертв! Не было заспиртованных глазных яблок, спрятанных в подполе! Не было десятков трупов – ничего из того, что навязало мое болезненное воображение под воздействием темноты!

И если бы я раньше вспомнила о любви Карла Ефимовича к маринованным перепелиным яйцам, это позволило бы мне избежать многих жутких минут.

Продолжая нервно смеяться, я безбоязненно сняла ближнюю банку с полки и, зажав под мышкой, принялась взбираться обратно по лестнице. Наверху я поставила ее ближе к двери и внимательно рассмотрела.

Пожалуй, ошибиться и впрямь было несложно. По заказу Гейдмана местная повариха готовила для него яйца по особенному рецепту: разрезала их на две части и каждую часть фаршировала половинкой грецкого ореха. Самое смешное заключалось в том, что пару лет назад меня угощали этим лакомством, и оно показалось мне ужасной гадостью. Сейчас я готова была поклясться, что нет ничего лучше, чем перепелиные яйца в маринаде!

Со смешанным чувством невыразимого облегчения и глубокого стыда за саму себя и свои страхи я выбралась из помещения и со спокойной душой направилась к избе. Обогнула угол дома, и возле крыльца нос к носу столкнулась с Григорием.

Судя по ужасу, отразившемуся на его лице, выглядела я живописно.

– Господи, Лилия, – проблеял он. – Что с тобой случилось?

– Неудачно упала, – совралось у меня само собой.

– У тебя джинсы мокрые!

– ...в озеро, – дополнила я. – Извини, мне нужно переодеться.

Взбежав по ступенькам, я обернулась. Гриша, наклонив голову, разглядывал ровный, точно края тарелки, берег озера, очевидно, пытаясь понять, как с него можно куда-то упасть. Я постаралась неслышно прикрыть за собой дверь, чтобы не отвлекать его от размышлений, и устремилась в кухню. Меня мучил голод, и, представляя себе холодную куриную ножку, ждущую меня в холодильнике, я совершенно упустила из

виду, что Клара Ивановна недавно ввела новую традицию.

Ланч!

Лидия, Олег и сама Клара Ивановна восседали за круглым столом и вкушали второй завтрак. Не знаю, каким чудом Григорию удалось избежать его. Все трое были преисполнены осознания важности момента – попробуй не преисполнись, когда Клара Ивановна контролирует каждое твое движение, включая непроизвольное подергивание лицевых мышц. На большом блюде стыла вареная картошка, а Олег готовился разделять курицу – ту самую, которую я собиралась украсть из холодильника. И в эту ответственную минуту я влетела в столовую и предстала перед ними.

Лидия несолидно ойкнула. Олег уронил нож, и тот громко звякнул о край тарелки. Клара Ивановна выпучила глаза. Все трое молча уставились на меня, забыв про свой ланч.

В стороне стоял старинный буфет с зеркальными дверцами, и, переведя взгляд с нашей хозяйки на свое отражение, я поняла, почему Григорий и все остальные так отреагировали на мое появление. То, что отразилось в зеркале, превзошло мои ожидания.

По моему облику можно было подумать, что последний месяц я провела на обширной плантации, внося свою скромную рабочую лепту в благосостояние ее владельца, и была неоднократно бита им за некачественный труд. Джинсы, перепачканные и мокрые, протерлись на коленях, а футболка выглядела так, словно ее изваляли в луже, прежде чем отдать мне. Левую щеку пересекала длинная кривая царапина (я так и не вспомнила, когда заработала ее), под правым глазом почти картинно размазалась грязь – точь-в-точь серо-сиреневый фингал. Верхняя губа после удара фонариком распухла и покраснела.

Хуже всего выглядели руки. Борьба с плющом не прошла для них бесследно, и мои ладони стали напоминать лапы зеленого великана Шрека, мультфильмы про которого очень любит Федя.

В волосах у меня запуталась старая паутина со всем ее содержимым, включая давно почившего восьминогого хозяина. Его кривые лапки торчали вверх, а рядом с ним упокоилась сушеная муха, внося в композицию долю экспрессии.

– Лидия, что это?! – придя в себя, взвизгнула Клара Ивановна, выпучив глаза и тыча пальцем в мою прическу. Все остальное почему-то меньше поразило ее.

Не знаю, в чем была причина, но я вдруг почувствовала себя легко и свободно, как будто, пробравшись через подземный ход, ободрала об его каменные стены нарощую на мне за много лет боязнь ляпнуть что-нибудь

не то, страх быть высмеянной и наказанной.

– Готовлюсь к Эскоту, Клара Ивановна, – почтительно сказала я с полупоклоном. – Нельзя отставать от Европы!

Она впервые не нашлась что сказать. Зато Олег пришел в себя.

– Где ты была?! – резко спросил он. – Отвечай!

– Гуляла после завтрака. Нагуливала аппетит. Клара Ивановна, вы позволите?

Клара Ивановна не ответила. Я мелкими шажочками приблизилась к блюду, стоявшему посередине стола, и, пошевелив над ним пальцами, от которых остро несло хмелем, решила: прежде, чем кто-то успел что-нибудь сказать, примерилась к куриной ноге, ухватила скользкую теплую ляжку и с хрустом оторвала ее. Лидия испуганно вскрикнула.

– Простите, – извинилась я. – Мне нужно принять душ. Я присоединюсь к вам позже, с вашего позволения, Клара Ивановна.

Я пошла к выходу, сдерживая желание вцепиться зубами в нежное куриное мясо сию же секунду. Навстречу мне в коридоре повстречался Григорий, возвращавшийся в компанию нашей мучительницы, и я благожелательно улыбнулась ему, предвкушая скорую трапезу.

Но, очевидно, я недооценила силу образа «женщина с куриной ногой». Вместо того чтобы ответить мне улыбкой, Гриша отпрянул в сторону и прижался к стене. Взгляд у него стал такой, словно он опасался, что участь обезножевшей курицы может постичь и его.

Я пожалала плечами, прошла мимо и поднялась на второй этаж, в свою комнату. В одном из ящичков совсем недавно мне попадался большой фонарь, надо было найти его.

* * *

– Почему вы ничего не сказали мне?!

– Что именно? – весьма правдоподобно удивилась Евгения Черникова.

Она провела Сергея в дом, несколько раздраженная тем, что он заявился так рано.

– А вы не догадываетесь?

Бабкин обернулся к ней, и Черниковой, про себя называвшей сыщика «этот увалень», вдруг стало не по себе. Она крайне редко тушевалась в присутствии мужчин, но теперь едва не покраснела от смущения, как девчонка под тяжелым давящим взглядом.

Бабкин был чертовски зол.

Во-первых, завтрак в пансионате «Рассвет» превзошел худшие его ожидания. У Сергея было недоброе предчувствие, что еще три-четыре дня, и морская капуста покажется ему вкусной пищей. На эту печальную мысль его навело наблюдение за остальными отдыхающими, которые с видимым аппетитом поедали вонючие темно-зеленые волокна, похожие на умерших от истощения червяков.

Во-вторых, приезд Илюшина откладывался. Дело, которое Макар должен был закончить в один день, вдруг вышло на новый виток, и напарник позвонил во время завтрака, чтобы сообщить: пока Бабкину придется работать одному.

В-третьих, клиентка утаила важные сведения, и Сергей узнал их случайно от постороннего человека. Если бы не болтливость доктора, дело все еще представлялось бы ему в ином свете.

– Так почему? – рассерженно повторил он. – Три исчезновения за последний месяц! Не одно, а три! Вы понимаете, что это все меняет?

– Понимаю. Но и вы поймите меня: я должна была удостовериться, что вы в состоянии сами узнать нужную информацию!

Сыщик едва не вспылал. Он помолчал, затем ровно сказал:

– Я вам не мальчик, чтобы проходить тест на профпригодность. Либо мы работаем, а не проверяем друг друга, либо вы ищете специалистов по своему вкусу. Решайте.

В эту минуту Сергей почти хотел, чтобы Черникова сказала «нет», тем самым дав ему законное основание вернуться в Москву. Но она поджала тонкие губы и произнесла, глядя перед собой:

– Извините. Наверное, я действительно... – вторую часть фразы выговорить оказалось значительно труднее, но Евгения справилась с собой и закончила: – ...была не права.

– Что еще вы мне не сказали?

– Больше ничего. Только это.

– Что вы знаете об исчезновении девушек?

– Ничего!

– Этого не может быть. Как минимум вы должны были видеть их. А если не вы, то ваша дочь. Давайте позовем Матильду и спросим ее об этом.

– Нет, не позовем и не спросим! – отрезала Черникова.

– Почему же?

– Потому что я запрещаю Матильде общаться с ними!

Повисла пауза. Женщина свирепо смотрела на Бабкина, словно сторожевой пес, опасющийся вторжения чужака в конуру с щенятами. Сергею стало и смешно, и досадно. Он попытался скрыть улыбку, но у него

ничего не получилось.

– Что смешного? – сердито спросила Черникова.

– Если вы запрещали с ними общаться, то Матильда наверняка знает больше, чем вы думаете. Кстати, чем был вызван запрет?

Черникова молчала, насупившись, и Бабкин напомнил:

– Мы, кажется, договорились, что вы рассказываете все, что знаете.

– Черт с вами! – в сердцах сказала Евгения. – Я расскажу. Но, предупреждаю, это не имеет никакого отношения к их исчезновению! Просто они мне не нравились, вот и все. Особенно Верка! Наглая, развязная девица, пристающая к мужчинам... Зачем моей дочери такая компания? Удивляюсь Григорьевой, которая закрывала на все глаза.

– На что – на все? – насторожился Бабкин.

– Ольга Романовна замужем, и очень удачно, – объяснила Черникова. – Муж у нее хирург в частной клинике. Весьма успешный и привлекательный мужчина! Он приезжает к ней каждые выходные. А эта мелкая дрянь откровенно крутит перед ним хвостом и заигрывает! Думаете, почему она все время вертится в пансионате?

– У нее здесь работает родственница.

Женщина от души расхохоталась:

– Ох, только мужчины могут быть такими наивными! Ей сто лет не сдалась престарелая тетушка! Верка – провинциальная щучка с острыми зубками, она спит и видит, как бы затащить к себе в постель мужа заведующей. А вы, мужики, ну такие дурни!

Она с горечью махнула рукой, без малейшего сомнения причисляя Бабкина к сонму дурней. Сергей не собирался возражать.

– А вторая? – спросил он.

– Такая же, только в уменьшенном масштабе, – не задумываясь, ответила Евгения. – И поглупее. Господи, Сергей, вы поймите: они из Вязников! Вы были в этой дыре, видели, как там люди живут?!

Сергей хотел ответить, что живут так же, как везде в России, но не стал. Не имело смысла спорить с клиенткой, убежденной, что любая жительница Вязников мечтает уехать в Москву.

– Когда Верка пропала, мы с Матильдой ходили за грибами, и поэтому я не знаю подробностей. Но не сомневаюсь, что она кувыркалась в чьей-нибудь постели!

– А другая девушка?

– Что – «другая девушка»?

– Тоже кувыркалась?

– Не знаю, – поколебавшись, призналась Евгения, не уловив иронии. –

Катя младше и не такая распушенная... Она приезжает несколько раз в неделю с корзиной яблок, встает возле столовой и за пару часов продает весь товар отдыхающим. Предприимчивая девчушка. Но я все равно хочу, чтобы у Матильды был другой круг общения!

– Хорошо, хорошо, это я понял, – нетерпеливо бросил Сергей. – Значит, обе девочки появлялись здесь регулярно? Правильно?

– Два-три раза в неделю, иногда чаще, – Черникова с каждым новым вопросом теряла терпение и наконец не выдержала: – Но почему такой интерес к ним?

Бабкин в изумлении воззрился на нее:

– Что, в самом деле не видите связи?

– Нет. Вы должны заниматься тем, кто похитил мою дочь, а вместо этого зачем-то расспрашиваете меня о двух мелких шлюшках! Это даже не странно, а неприлично! Я могу запретить вам вести расследование в этом направлении! И запрещаю! По-моему, вы просто-напросто удовлетворяете свое мужское любопытство!

Лицо Черниковой исказила гримаса злости. Сергей, сначала оторопевший от этой вспышки, начал кое-что понимать. Его клиентка не допускала возможности, что у ее дочери и двух поселковых девчонок, которым она дала такую жестокую характеристику, может быть что-то общее. Пусть даже это «общее» состояло лишь в том, что один и тот же человек замешан в их исчезновении. Найди он такого злоумышленника, Евгения Черникова, пожалуй, принялась бы доказывать его непричастность к похищению Матильды.

– Думаю, все-таки эти случаи связаны, – сказал Сергей, решив пока пропустить мимо ушей нелепое обвинение и запрет на расследование. – И простите, но вы переоцениваете силу своих внушений дочери.

Черникова встала, налила из чайника стакан воды и выпила залпом, как пьют водку.

– Матильда! – крикнула она. – Матильда!

Девочка вбежала в комнату так быстро, что у Бабкина закралась мысль, не подслушивала ли та.

– Да, мам?

– Скажи мне, – строго обратилась к ней Черникова, – ты разговаривала с девочками из Вязников? Верой и Катей?

Матильда покачала головой.

– Только один раз, когда покупала у Кати яблоки! – вспомнила она.

Евгения торжествующе взглянула на сыщика, словно хотела сказать: «Вот видите!»

– Матильда, помоги нам, – попросил Бабкин. – Мы с твоей мамой не можем вспомнить, по каким дням Катя и Вера приезжают сюда. По четвергам и вторникам?

– Нет, они приезжают, когда захотят, – живо ответила девочка. – Только Вера обычно выбирает субботу, потому что...

Она вдруг запнулась, и на личике появилась растерянность.

«Детская уловка, дружок, – посочувствовал ей мысленно Сергей. – Но ты попалась».

– Что?! – ахнула Черникова. – Матильда!

– Мама, я не это хотела сказать... – пробормотала та, оправдываясь, – мы с ними ни разу даже не...

– Не смей мне врать!

– Спокойно, спокойно, – остановил ее Бабкин. – Матильда, подойди ко мне, пожалуйста.

Девочка приблизилась, понунив голову и сильно покраснев. Сергей сделал Черниковой знак не встречать.

– Почему Вера выбирает субботу? – мягко спросил он.

Матильда метнула на мать быстрый испуганный взгляд. Евгения открыла рот, чтобы что-то сказать, но Бабкин покачал головой, и она сдержалась.

– Так почему? – повторил он настойчивее. – Матильда, нам нужна твоя помощь.

– Потому что ей нравится Илья Степанович, – едва слышно прошептала девочка.

– Илья Степанович? Это муж заведующей?

Матильда кивнула и покраснела еще сильнее.

– Вера встречается с ним по субботам? – Бабкин осторожно нащупывал тропинку, мысленно уговаривая Черникову не влезать в их разговор и удержаться от резких высказываний. – Они проводят время вместе?

Девочка отрицательно покачала головой.

– Они не могут, ведь у него есть жена, – наивно проговорила она. – Вере просто хочется смотреть на него, вот и все.

– Когда она рассказала тебе об этом? Или вы часто общаетесь?

– Мы разговаривали только пару раз! – воскликнула Матильда. – Честное слово! И это было давно!

– Как давно?

– Наверное, когда мы только приехали. Они сами подошли ко мне познакомиться! Им было интересно, где я живу, и я показала наш домик.

Вера сказала, что ей нравится Илья Степанович, потому что он похож на одного американского актера, а Ольга Романовна глупая и старая. А я сказала, что она вовсе не глупая! И все. Мы поспорили, они обиделись и ушли.

Бабкин долго расспрашивал девочку, но больше Матильда ничего не могла добавить. Таким образом, она лишь подтвердила то, что он услышал от ее матери двадцатью минутами раньше. Еще Матильда призналась, что Вера с Катей ей не понравились, и потому она перестала с ними дружить, но Сергей подозревал, что это было высказано в расчете на мать.

Одно он считал бесспорным: дочь Черниковой и впрямь была очень простодушна для своего возраста. Он дал бы ей не больше десяти лет. Конечно, девочка могла мастерски притворяться, но Бабкин считал, что выискивать гениальную актрису в этом ребенке ему не по силам. «Если уж она врет, мне ее не расколоть. И дюжине детских психологов тоже. Будем надеяться, малышка говорит правду».

В конце концов Матильду отпустили. Когда дверь за ней закрылась, Бабкин выразительно посмотрел на Черникову:

– Убедились?

– Это ни о чем не говорит! – она не собиралась сдаваться. – Они всего лишь болтали!

– Это как минимум говорит о том, что вы неправильно оцениваете положение дел, – жестко сказал Сергей, решивший больше не идти на поводу у клиентки и не уступать ей. – Три девочки, включая Матильду, пропадают и возвращаются, и каждая твердит о том, что заблудилась в лесу, но толком ничего не помнит! Я уверен: если бы мы сделали девчонкам из Вязников анализ крови, результаты показали бы то же самое, что и у вас: наличие вещества, отшибающего память.

– Ну и что же? – упрямовствовала Черникова.

– А то, что если я прав, то это система, а не единичный случай! И расследовать его надо, исходя из этого!

Бабкин встал, рассерженный ее упорством и нежеланием признавать очевидное.

Евгения Черникова умела хорошо чувствовать границу, за которую не стоило заходить.

– Ладно, допустим, – примирительно сказала она. – Я действительно погорячилась с этими деревенскими дурочками, очень уж они меня раздражали. Но что вы теперь будете делать?

– Сначала поеду в райцентр, потом в Вязники. Для начала неплохо бы пообщаться с местным следователем прокуратуры. Заодно познакомлюсь с

девицами, которых вы так живописно обрисовали.

До райцентра Сергей добрался на удивление быстро, хотя по пути в голове у него безостановочно, словно заевшая пластинка, вертелся детский стишок: «по кочкам, по кочкам, по маленьким дорожкам, в ямку – бух!» Машина ухала в ямы, выбиралась из канав, переваливалась через колдобины, напряженно рыча, и, кажется, сердилась на водителя за то, что он загнал ее в такую глушь.

Но в конце концов дорога сама вывела Бабкина к прокуратуре, стоявшей на главной улице райцентра. Двери здания были приветливо распахнуты, и он расценил это как хороший знак. На ходу доставая паспорт, Сергей перебежал через дорогу и нырнул под прохладные своды.

А ровно через десять минут вышел наружу и недобро взглянул на двери, не оправдавшие его надежд. Начальник следственного подразделения по фамилии Мурзоев был на месте, но беседовать с Сергеем об исчезновении девушек наотрез отказался. Стоило ему узнать, что перед ним частный сыщик из Москвы, как из просто неприветливого следователь сделался грубым и выразил пожелание, чтобы все умники, рассчитывающие сшибить легкую деньгу, ехали бы обратно в Москву и не портили нормальным людям настроение.

Бабкина было непросто вывести из себя, поэтому он только пожал плечами и поинтересовался:

– Что будешь делать, когда мать пострадавшей напишет заявление? А если она к тому же шум поднимет? У тебя на участке за три недели – трое пропавших.

– Нет никаких пропавших. Все на месте, – невозмутимо ответил Мурзоев. – Баба дурит, никто ее слушать не станет.

– Я ж от тебя ничего, кроме информации, не прошу.

– А зачем мне облегчать тебе работу? – искренне удивился мужчина. – Тебе платят, ты и вкалывай. А то вы привыкли на нашем горбу в рай въезжать!

У Сергея появилось подозрение, что следователь пьян. Но развалившийся на стуле самодовольный толстощекий человек смотрел на него совершенно трезвыми глазами.

– Ты пойми: круг подозреваемых ограничен теми, кто живет в пансионате, – Бабкин попробовал сделать еще одну попытку. – Проверить их не так сложно. А если с девчонками...

– Слушай, – перебил его Мурзоев, – ты русский язык понимаешь? У себя в Москве будешь объяснять про круг подозреваемых. Нам тут умники

не нужны, своих дураков хватает.

– Это точно, – не удержался Сергей. – Я заметил.

– Чего-о-о?

Следователь привстал, но Бабкин был уже за дверью.

«От следака никакой помощи, попробуем с девицами», – Сергей вышел из машины на главной площади Вязников и огляделся.

«Площадь Евросоюза, значит. Так-так-так...»

Первым, кто обращал на себя внимание на площади с громким названием, был Ленин. Он высился посреди сквера, покрытый бурозелеными проплешинами и белыми подтеками, и по кепке его топтались бесцеремонные голуби. У постамента курили подростки, кто-то катался на скейтборде, и стук переворачиваемой доски эхом отражался от низких кирпичных домов, смыкавших кольцо вокруг сквера.

Сергей неторопливо пошел по улице, чувствуя, что его провожают недобрый взглядом. Ощущение было таким сильным, что он обернулся, словно проверяя, на месте ли машина, и наткнулся на следовавшего за ним пенсионера в потертом пиджаке.

– Чего встал-то? Чего встал? – дед злобно зыркнул на него. – Понаехали тут московские... Ворье!

Сергей не собирался связываться с полоумным стариканом, поэтому уступил дорогу и подождал, пока тот обгонит его. Но пенсионер неожиданно развернулся и побрел обратно, ругаясь себе под нос.

Бабкин пожал плечами и пошел дальше. Разглядывая окрестности, он вынужден был признать, что поселок Вязники производит невеселое впечатление. Стоял погожий день, но солнечный свет только подчеркивал облезлость домов, с которых ободранной кожей слезала штукатурка. «А асфальт здесь, похоже, после немецкой бомбежки не меняли», – подумал Сергей, обходя ямы, встречавшиеся на пути.

Он шел мимо забора, густо исписанного матерными надписями, мимо пародии на детскую площадку, где в песочнице сидела одинокая кошка и, судя по озадаченной морде, размышляла, куда делся столь нужный песок, мимо грязного рынка, возле которого продавщица выкрикивала: «Мороженое! Мороженое!» таким яростным голосом, словно мысленно присовокупляла к каждому возгласу одно из слов, написанных на заборе. Прохожие обходили ее стороной и опасно косились.

На противоположной стороне улицы Сергей заметил странное двухэтажное здание, которое при ближайшем рассмотрении оказалось школой. Странность заключалась в цвете. Школа была выкрашена оттенком

желтого, который Бабкин сходу окрестил цветом подгоревшего омлета. Над входной дверью всех подошедших приветствовал плакат, посмотрев на который, Бабкин вздрогнул.

Вероятно, человек, рисовавший плакат, не задумывал ничего плохого. «Мы ждем тебя, ученик!» – было написано прописными буквами на белой ткани. Если бы художник на этом остановился, то плакат ничем не отличался бы от сотен похожих.

Но у художника были творческие амбиции. Только этим, подумал Бабкин, можно объяснить, отчего после восклицательного знака он не оставил белое незакрашенное поле, а изобразил учителя с глобусом в руках.

Возможно, художника подвело плохое знание предмета изображения. Или же у него были личные счеты к преподавателю географии. Как бы то ни было, рисунок мог составить достойную конкуренцию афише к фильму «Возвращение живых мертвецов». Учитель с глобусом, многозначительно ухмыляясь, протягивал вперед длинную тонкопалую руку, другой прижимая к себе голубой шар, и его ровные, как шланги, ноги волнообразно изгибались по всей длине. Рисуя кисти рук, художник проявил неуместную склонность к детализации и изобразил на каждом пальце заостренный синий ноготь.

Вкупе с призывом «Мы ждем тебя, ученик!» картинка выглядела неоднозначно.

– Памяти покойного педагога, – пробормотал Сергей, разглядев шедевр. – Ладно, пойдем дальше.

По словам Черниковой, большинство взрослых мужчин в Вязниках работали на мебельной фабрике – единственном предприятии, обеспечивавшем поселок рабочими местами. Фабрика выпускала только деревянные стулья и табуретки. Директор фабрики с гордостью утверждал, что следует классическим традициям производства мебели: дизайн их вещей не менялся уже больше двадцати лет.

Еще не дойдя до фабрики, Бабкин издали заметил плакат над проходной. После географа с глобусом он полагал, что удивить его больше ничем нельзя. К тому же здесь не было рисунка, только лозунг.

Но из любопытства он все-таки сделал небольшой крюк, подошел ближе к проходной, запрокинул голову и прочел:

«Работник! Проверяй свой инструмент не реже раза в месяц!».

Контролер на проходной увидел перед воротами здорового стриженного верзилу, одетого по-городскому: в джинсы и клетчатую рубашку – не иначе, турбазовского. Верзила издал странный звук, нечто

среднее между всхлипом и хрюканьем, и сложился пополам. Он хлопал себя по коленкам, хохотал и зачем-то фотографировал плакат, сохранившийся еще с советских времен. Контролер подумал, что надо бы запретить это дело, но затем оценил габариты верзилы и решил не связываться.

Отсмеявшись, Бабкин перешел обратно на свою сторону улицы и вынул из кармана листочек с адресом Катерины Ивановой – последний сообщила ему Матильда.

Потерпев фиаско с первой задачей, Сергей с некоторой опаской приступал к решению второй. Предстояло поговорить с обеими девочками, и Сергей заранее настраивал себя на то, что ему придется нелегко.

Он не понимал женщин и честно признавался себе в этом. А юные девушки и вовсе ставили его в тупик. Поэтому он приближался к дому, где жила Катя Иванова, со смешанными чувствами. Рассказ девочки мог многое прояснить, но лишь в том случае, если бы она согласилась с ним разговаривать.

И тут Бабкину неожиданно повезло: возле дома он заметил двух девчонок, по описанию очень похожих на Катю Иванову и Веру Осипову. Младшая, пухлощекая толстушка в обтягивающих шортиках и маечке, придерживала за руль велосипед. Старшая стояла рядом, крутя на пальце сумочку: темноволосая, загорелая, в коротком полудетском платьице, которое, казалось, вот-вот свалится с оголенных плеч. Личико у нее было некрасивое, но яркое: над выпуклым лобиком вилась густая челка, губки надуты, как у рыбки, и накрашены чем-то сиреневым, и над синими глазами до самых бровок тоже закрашено чем-то таким... цветастым.

Девушки обернулись к нему, откровенно изучая, и захихикали, заметив, что он приближается к ним.

Сергей страдальчески вздохнул, приказал себе собраться – и расплылся в широкой улыбке:

– Здравствуйте, красавицы! Вы, случайно, не Катя и Вера?

– Случайно да, – кокетливо ответила старшая.

– А вы кто? Откуда вы нас знаете? Вы из Москвы приехали, да? – засыпала его вопросами младшая.

– А он нас еще не знает, – вместо нее ответила Вера. – Но, наверное, не против узнать?

Она повела плечом и взмахнула ресницами. Платье съехало с плеча вниз на пару сантиметров.

«Ого! – про себя присвистнул Сергей, не ожидавший, что его сразу возьмут в оборот. – Что, вот так сразу, даже не познакомившись?..»

Но тут Вера исправила положение, спросив, как его зовут.

– Сергей, – представился Бабкин.

– О-о-о! Мое любимое имя! Очень приятно, Сережа.

Бабкин заметил, что второй девочке стало не по себе. Не такая развязная, как подруга, она явно почувствовала себя не в своей тарелке. Правда, ему показалось, что и Вере приходится преодолевать неловкость, играя роль, к которой она не успела привыкнуть.

– Девушки, где мы с вами можем побеседовать? – спросил он, чувствуя себя совратителем несовершеннолетних. И добавил, чтобы избежать двусмысленности: – Я частный сыщик, мне нужна ваша помощь.

Девчонки переглянулись. Но на их лицах Бабкин, пристально наблюдавший за обеими, не заметил ни страха, ни растерянности – только удивление.

– А что, кого-то убили? – осторожно спросила Катя.

Вера притихла, ожидая ответа.

– Боже упаси, – искренне рассмеялся Сергей. – Нет, все не так страшно. Просто в пансионате «Рассвет» потерялась девочка, а потом нашлась.

– Знаю, – кивнула Вера. – Матильда.

– Она самая. Мне сказали, что у каждой из вас тоже был похожий случай. Не расскажете?

– А зачем? – опасливо спросила толстушка.

– Вот ты, Катька, дура, – лучезарно улыбнулась ей Вера, не дав вставить Бабкину и слова. – Чтобы найти это место, где все теряются, понятно же! Да?

Она взглянула на Сергея, ожидая подтверждения своим словам, и тот кивнул. В конце концов, отчасти так оно и было.

Он никак не мог придумать, каким образом разделить девушек: ему хотелось поговорить с каждой из них по отдельности. Не придя ни к какому решению, он уже собирался прямо сказать им об этом, но Катя его опередила.

– А я не могу сейчас разговаривать. Мне нужно до магазина доехать, – виновато объяснила она. – Бабка попросила купить кое-чего. Я куплю и вернусь, ладно?

– Конечно, – великодушно разрешил Сергей.

Вера бросила на него короткий взгляд, облизнула губы, и он тут же решил, что беседовать им нужно в таком месте, где они будут на виду. Но становиться предметом обсуждения для всего поселка ему тоже не хотелось.

Пока он размышлял, обе девочки послушно ждали. Вера помахала на себя ладонью, будто веером, и еще приспустила лямки платья, открывая незагорелую полоску над грудью.

Бабкин увидел полоску и тотчас пришел к выводу, что нет ничего страшного в том, чтобы побеседовать при свидетелях.

– Где тут у вас набережная? – спросил он, вспомнив рассказ Черниковой.

– Набережная? – разочарованно протянула девушка. – А разве мы не к вам поедем?

– Пока нет... Может быть, после, – вывернулся Сергей, не желая разочаровывать поселковую красавицу окончательно. – Так где набережная?

– Здесь недалеко! – Катя показала, куда нужно идти. – И там есть скамеечки!

– Вот и чудненько. Тогда мы ждем тебя где-нибудь на скамеечке.

Девочка вскочила на велосипед, живо заработала крепенькими смуглыми ножками и скрылась за поворотом. Оттуда донеслось лихое дребезжание велосипедного звонка.

Вера ухватила Бабкина под локоть и повлекла за собой, очень неубедительно делая вид, что не обращает внимания на взгляды редких прохожих. К счастью для Сергея, единственная пешеходная улица Вязников начиналась неподалеку.

«Набережная Сколычева» – гласила надпись на табличке, висевшей на таком дряхлом доме, что, казалось, он весь держится на единственном гвозде – том самом, которым приколотили табличку.

– Кто такой Сколычев? – любопытствовал Бабкин.

– Это наш мэр, – хихикнула Вера. – Он сделал набережную и захотел, чтобы ее назвали в его честь.

– Увековечил себя, значит, – кивнул Сергей. – Ясно.

Будь Бабкин мэром Вязников, он доплатил бы за то, чтобы набережную не называли его именем. Но у честолюбивого мэра, очевидно, были другие соображения.

Они стояли на плохо заасфальтированной извилистой дороге, огибавшей два больших пруда. По обеим сторонам прудов скособочились деревянные дома, явно стыдящиеся того места, где они обречены были стоять. В ближнем пруду плавали два лебедя, при ближайшем рассмотрении оказавшиеся истощенными гусями.

Девушка подвела Сергея к скамейке, прятанной в кустах, и они сели так, что гуси-лебеди оказались прямо перед ними. Вера придвинулась

ближе, почти прижалась горячим бедром к его ноге. Бабкин почувствовал, что его окутывает атмосфера романтического свидания, и поспешно перешел к делу:

– Расскажи, что случилось восьмого августа? Ты приехала к тете, правильно?

Вера обернула к нему раскрасневшееся лицо.

– Вы так много обо мне знаете, – хрипловато проговорила она и сделала попытку положить ладонь на руку сидящего рядом сыщика.

Для Сергея это было уже чересчур.

– А ну хорош кривляться! – рявкнул он. – Или разговариваем нормально, или иди на все четыре стороны.

Вера тут же отдернула ладонь и с обиженным видом поправила бретельки платья.

– А чего вы сразу ругаетесь-то? – совсем другим голосом сказала она. – Уж и пошутить нельзя.

– Не смешные у тебя шутки.

– А другим нравятся! – запальчиво возразила Осипова. – Ну не хотите – не буду!

Налет опытной обольстительницы слетел с нее, и теперь перед Бабкиным оказался обычный уязвленный подросток, обделенный вниманием.

Он решил не давить на девочку и примирительно предложил:

– Давай попробуем сначала. Ты в самом деле потерялась? Или выдумала?

– Ничего я не выдумала!

– Тогда – что случилось?

Девушка сидела молча, насупившись, и нервно теребила подол платья. Сергей попробовал зайти с другой стороны.

– Вера, я тебе верю, – проникновенно сказал он. – Давай попробуем восстановить, что произошло в тот день. Хорошо?

Последовало молчание, которое Бабкин решил расценивать как согласие.

– Утром ты встала, позавтракала и вывела велосипед из сарая... – осторожно начал он. – Было около девяти утра, правильно? Тебе нужно было съездить в «Рассвет», чтобы...

Он сделал паузу и выжидательно посмотрел на Веру.

– Чтобы забрать лекарство у тетки, – нехотя сказала она. – Матери срочно надо было, а тетка до вечера работала.

– Отлично. Лекарство. Ты приехала... Кстати, кого-то встретила по

дороге?

Осипова отрицательно покачала головой.

– Значит, приехала, никого не встретив по дороге. Поставила велосипед возле входа в столовую, но внутрь не зашла, хотя твоя тетя уже была там. Куда ты пошла?

– Не помню, – буркнула Вера.

– Вер, не выдумывай.

– Да не помню я! – воскликнула она с отчаянием. – Чего вы ко мне привязались?

– У тебя провал в памяти? – нахмурился Сергей.

Девушка вызывающе взглянула на него, готовясь ответить грубостью, но, увидев, что он спрашивает серьезно, немного успокоилась.

Провал – не провал... Черт его знает! Последнее, что она помнила отчетливо – солнечный блик на руле велосипеда, прислоненного к кирпичной стене, а следом – ощущение влажного холода. Сначала холодок был внутри, потом – снаружи. Она съеживалась, пытаясь согреться, и кто-то добрый накрывал ее пледом (или шкурой?), подносил ко рту чашку с горячим отваром.

Во всем этом не было бы ничего неприятного, если бы не одно воспоминание: белая рука, тянущая ее за собой куда-то на дно, в черноту, в страшную тишину рыбьего брюха – или какой-то другой подводной твари, молчаливо стоящей в воде с широко разинутой пастью. Тот, кто приносил ей жертву, увлекал Веру за собой, а она ничего не могла поделать. Если бы возможно было вернуться назад, то она сразу отказалась бы... Но в тот момент предложение выглядело так невинно! И хотя девушка не могла вспомнить, что ей предлагали, но знала, что в этом не было ничего ужасного, и ничто не предвещало кошмара с мертвой белой рукой, тянувшей ее вниз.

А потом все закончилось. Вера, задыхаясь, вынырнула из сна и обнаружила себя стоящей среди сосен неподалеку от столовой, с тяжелой головой и пересохшими губами. Мысли путались, уводили куда-то прочь от случившегося, и отчего-то хотелось хихикать, хотя, видит бог, оснований для смеха не было. Но ее смешило все: криво растущие ветки сосен, падавшие шишки, выбежавшие откуда-то люди, возмущенно спрашивавшие, где она была... Осипова только посмеивалась, глядя на них.

Потом ей захотелось спать, кто-то посадил ее в машину и отвез домой. Там ей еще досталось от матери за то, что она не привезла лекарство, да еще и посеяла где-то золотую цепочку с крестиком, и вымотанная всем этим Вера уснула в своей комнате и не просыпалась до следующего утра.

Все это она мало-помалу выложила Бабкину, с трудом подбирая слова. Тот внимательно слушал, сопоставляя рассказ девушки с тем, что говорили Матильда и ее мать.

– У тебя у самой есть какое-нибудь объяснение тому, что произошло? – спросил Сергей, когда Вера замолчала.

– А чего тут объяснять? – мрачно сказала Осипова. – Я ехала по солнцу, мне голову напекло. Наверное, возле велосипеда бухнулась в обморок. У меня такое было как-то раз на уроке.

– Тебя искали два часа. Если бы ты лежала возле велосипеда, тебя бы сразу обнаружили.

– Значит, в лес отошла... – буркнула девушка. – Да какая разница? Кому это интересно?

– А тебе самой не интересно?

– Не-а.

Она пожала плечами и бросила веткой в любопытных гусей, подплывших слишком близко.

– Ты была у врача?

Вера исподлобья взглянула на сыщика:

– Это еще зачем?

– Как тебе сказать... – начал Сергей. – Например, сдать анализы. Вдруг кто-нибудь...

Девушка вскочила, лицо ее исказилось от ярости, и Бабкин замолчал на полуслове.

– Пошли вы знаете куда со своими анализами?! – прошипела ему в лицо Осипова. – Думаете, я не в курсе, чего вам наговорили? В курсе, не беспокойтесь! Говорили, что я была с одним мужчиной! Они так говорят, потому что завидуют мне, ясно? Все завидуют! Потому что мимо меня ни один нормальный парень пройти не может, а на них никто не смотрит. Они никому не нужны!

Бабкин не стал уточнять, кого Вера имеет в виду под всеобъемлющим «они».

– Их всех бог накажет! – не успокаивалась девушка. – Потому что он всех наказывает, кто плохо думает о других. Вы не подумайте, я им плохого не желаю! Вот как начнут у них всякие беды случаться, тут-то они меня и вспомнят. Руку там сломают, или дом сгорит, или все деньги украдут... А чтоб меня унижать, отправлять анализы сдавать, такого закона нет! И вы меня не заставляйте, а если заставите, то у вас...

– Стоп-стоп-стоп, – перебил Бабкин. – Я понял. Тогда у меня тоже что-нибудь сгорит или отломается.

– И у вас, и у Ольги Романовны. Это она вам наябедничала, я знаю, – нехорошо улыбнулась Осипова. – Она меня боится.

Сергей тут же вспомнил все, что ему говорили по поводу заигрывания Веры с мужем заведующей.

– Зачем ей тебя бояться? – он пожал плечами. – По-моему, ты выдумываешь.

– Конечно, боится! – в голосе Веры прозвучала глубокая убежденность. – Не хочет делиться своим мужем, вот ей и страшно.

Бабкин едва не поперхнулся:

– Что значит «не хочет делиться своим мужем»? Он что, бесхозный батон?

– Вы ничего не понимаете, – презрительно сообщила Осипова. – Он ее вытащил отсюда! В Москву увез!

– Откуда – «отсюда»?

– Да из Вязников же! Она раньше здесь жила, а потом вышла замуж и уехала! И больше ни одного разика тут не появлялась! Она местная, понимаете?

Сергей подумал, что если это правда, то в действиях Ольги Романовны и Агриппины Чайки прослеживается поразительное единодушие во всем, что касается поселка.

– Ей досталось все, что она хотела! – возмущалась Осипова. – Вы ее видели? Она ведь уже почти старая! У нее все руки в морщинах и мешок на шее. Пусть и нам даст пожить!

– Так вот зачем тебе нужен ее муж? – догадался наконец Бабкин. – Чтобы он и тебя, как паровоз, вытащил отсюда? За ним хочешь, в Москву, любовницей?

Выражение ее лица из негодующего стало хитрым, глаза заблестели.

– Вы не думайте, я не из-за денег или чего там еще, – оправдалась Вера, облизывая губы. – Он мне правда нравится!

– И то, что он женат, большой роли не играет, – хмуро заметил Сергей больше себе, чем ей.

Вера выразительно пожала плечами, словно говоря, что, если ему так уж хочется, пусть играет, но она-то знает, как обстоят дела на самом деле. И пошла к берегу, нарочито покачивая бедрами на ходу так, чтобы взлетал подол коротенького платья.

Сергей первый раз в жизни столкнулся с таким сочетанием глупости, цинизма и простоты. «Образцовая папуасская логика, – думал Бабкин, глядя, как Вера наклоняется над водой. – Твой мужчина сделать тебе добро. Теперь пусть твой мужчина делать мне добро. Если не сделать – моя твоя

убить».

Сзади затренькал велосипедный звонок, и к скамейке подъехала Катя, описала круг, виляя передним колесом.

– Все! – выдохнула она, спрыгивая на землю. – Купила!

Катя Иванова плюхнулась на скамейку и только тут заметила Веру, с независимым видом выхаживающую по берегу пруда.

– Верка вам уже рассказала, да? Вы ей не верьте, – заговорщическим шепотом попросила девочка. – Она все врет!

– Что врет?

– Про себя все! Муж заведующей на нее даже не смотрит!

– Та-а-ак, – протянул Бабкин, толком не зная, что сказать. – А на кого он смотрит?

– Я откуда знаю? – отчего-то обиделась Катя. – Мне до них вообще как до фиников.

Она вынула из-за уха прядь, пожевала ее и деловито заправила обратно.

– Я тут ни при чем. Правда, Верка мне кое-что пообещала... – Девочка взглянула на Сергея неожиданно трезвым оценивающим взглядом и замолчала.

– Говори уж, раз начала.

Катя подумала немного и наклонилась к Сергею:

– Сколько?

– Чего сколько?

– Сколько вы мне заплатите?

– За что я тебе заплачу? – рассмеялся Бабкин. Деловитая толстушка была забавна в своей серьезности.

– За то, что я расскажу, – ее ничуть не оскорбил его смех. – Вам же нужно все узнать от меня. А я просто так говорить не буду!

Заметив его взгляд, девочка слегка отодвинулась в сторону.

– А чего вы так смотрите? Мне, между прочим, деньги нужны. У меня бабушка болеет!

– Бабушку-то сюда не приплетай, долгих ей лет здоровья, – холодно попросил Бабкин.

Катя недовольно передернула пухленькими плечиками:

– Ну и пожалуйста, раз вы мне не верите!

– Не верю, – подтвердил Сергей. – Да и рассказ твой мне не особенно нужен: мне и без тебя все рассказали. Поехала ты, Катюша, утром к «Рассвету» продавать ягоды и решила выбрать не обычную дорогу, а незнакомую тропинку. Ну и заблудилась. Проплутала, уснула, а когда

проснулась, выбралась к поселку. Вот и весь твой рассказ.

Девочка снова помусолила во рту хвостик, напряженно что-то обдумывая.

– Не ягоды, а яблоки, – наконец сказала она.

– Какая разница...

– И еще мне сны снились странные. Вы о них не можете знать. Я никому не рассказывала.

– Тебе снилось, будто тебя утаскивают на дно, – наугад сказал Сергей, и по изумленному взгляду толстушки понял, что угадал. – Ты была в темноте. И еще тебе было холодно.

– Нет, холодно не было, – тихо возразила Катя. – Просто страшно. Сначала я шла, а потом пришлось лечь, и больше я ничего не помню.

«К врачу бы вас обеих, голубушки, – мрачно подумал Бабкин, поглядев на Веру, которая в отдалении ждала подругу. – Так ведь вы не пойдете. И Мурзоев, ленивая сволочь, пальцем не пошевелит, чтобы вас уговорить».

Какая-то деталь царапнула его в разговоре с толстушкой, и он снова прокрутил в памяти их разговор. Итак, она отправилась с утра в пансионат, чтобы быстро распродать свой товар и вернуться в поселок. Доктор, кажется, обронил, что девчонка собиралась продавать ягоды... Она говорит, что не ягоды, а яблоки, но это и неважно... Стоп!

– Яблоки! – объявил Сергей, поняв, что это была за деталь.

– Что – яблоки?

– Где они?

Девочка непонимающе уставилась на него, и Бабкин нетерпеливо взмахнул рукой:

– Ну, корзина! Или ведро? В чем ты их везла?

– А-а-а, эти! Да, в корзине. Одна на руле, а еще одну я привязала к багажнику.

– Умница. И где они?

Катя задумалась.

– Одна так и осталась на багажнике, – сказала она наконец. – Я ее сверху тряпкой перетянула, чтобы яблоки не сыпались.

– А вторая?

– А вторая... Вторая пропала, – растерянно призналась девочка. – Я про нее совсем забыла.

«Куда же делась корзина? – задался вопросом Сергей. – Может быть, так и валяется в лесу? Нужно будет еще раз обойти пансионат и поискать ее».

У него понемногу вырисовывалась версия произошедшего, и он

задумался над тем, где похититель мог прятать девчонок.

– Теперь у меня и корзины нет, – неожиданно заняла над самым его ухом Катя. – Бабка меня знаете как заругает?

– Две недели не ругала, а теперь заругает? – рассеянно поинтересовался Сергей. – Не ной. Что ты хочешь? Чтобы я тебе сплел корзину?

– Я вам столько полезного рассказала, а вы мне даже заплатить не хотите! – продолжала хныкать девочка. – Так нече-е-е-естно! Как же я с Верой поеду?

– Куда поедешь? – обернулся Бабкин, выведенный ее нытьем из раздумий.

Катя огляделась вокруг, убедилась, что никто не подслушивает, и прошептала, выпучив глаза для убедительности:

– В Москву! Или в этот, в Питер! Мне Верка обещала, что возьмет меня с собой. Я у нее буду домработницей. Она станет в передаче сниматься, и ее все будут узнавать! Только нам деньги нужны, чтобы снимать квартиру.

– В какой еще передаче?

– «Дом-2», – важно объяснила Иванова, поглядывая, какое впечатление произведут на Сергея ее слова.

Сергей вздохнул и мысленно извинился перед Черниковой. Похоже, она была права, описывая нравы местных девушек и их желание выбраться из поселка.

– А в Вязниках тебе не нравится? – спросил он серьезно.

Толстушка в ответ взглянула на него как на ненормального:

– Вы чё?!

Она обвела пухленьким пальцем пруды, захватив и гусей, и дорогу с выбоинами, и Верку, и обветшавшие дома, и сказала с глубокой уверенностью:

– Не, мне в принципе здесь неплохо! Только жить здесь я не хочу.

Сергей молча полез в карман и со вздохом вытащил две тысячи. Денег было не жалко, но Бабкин не мог не думать о том, как выглядит взрослый мужчина, сующий несовершеннолетней девчонке тысячные купюры.

Толстушка оживилась, увидев деньги.

– В фонд помощи вязниковским беженцам, – неуклюже пошутил Бабкин, пытаясь сгладить неловкость момента.

Но Катя без малейшего смущения сунула деньги в карман шорт и вежливо сказала «спасибо». Он еще пораспрашивал ее, пытаясь выудить со дна ее памяти детали происшествия, но девочка была абсолютно

уверена, что спала, и вспоминала неприятный сон без особого энтузиазма.

То же самое вышло и с Верой.

Когда ей надоело бродить по берегу пруда и она нехотя подошла к скамейке, Сергей подключил ее к игре «Вспомнить все». Он надеялся, что, соревнуясь друг с другом, девчонки припомнят еще что-нибудь... Но из этого ничего не вышло. Каждая из них повторяла то, что он уже слышал.

Их апатичность и очевидное безразличие к произошедшему поразили Бабкина. У него закралось подозрение, что девицы не очень ловко пытаются утаить правду.

Но, расспросив обеих с пристрастием, он убедился, что причина в другом. У Кати и Веры уже сложилось объяснение случившемуся, и переломить их уверенность оказалось Сергею не под силу.

– Да чего гадать, если все ежу понятно? – твердо сказала толстушка. – Там в лесу этот, как его... бермудский треугольник, короче. Кто в него заезжает, тот сразу засыпает. А чего? По телевизору в прошлом месяце показывали, как одна женщина пошла в еловую чащу, а ей там медведь встретился. С косматой головой. Заорал, как больной, и утащил ее к себе в берлогу. И месяц там держал, прикиньте!

– А потом что? Съел?

– Да ну вас, – обиделась за медведя Катя. – Зачем сразу есть-то?

– Правильно, – согласился Бабкин. – Сразу – незачем. Нужно было до зимы ее завялить.

– А тетка эта смогла убежать и вернулась домой! А через девять месяцев – прикиньте! – ребеночка родила. А у ребеночка ушки-то – мохнатые!

Девочка торжествующе оглядела слушателей.

Сергей не нашел что сказать. Зато нашла Вера.

– Ка-а-а-а-а-а-а-а... – протянула она, – так нам с тобой еще повезло, значит! А то и мы могли бы родить этого, с мохнатыми ушками!

Бабкин хотел заметить, что такую возможность еще нельзя исключить, но гневный вопль заставил его обернуться. За его спиной Катя ойкнула в ужасе, и Сергей мог ее понять.

К ним приближалась тощая жилистая старуха с черной повязкой на глазу – вылитый пират, чудом избежавший виселицы. Для своего почтенного возраста она ковыляла невероятно быстро, и к тому же размахивала клюкой вместо того, чтобы опираться на нее при ходьбе. Старуха рубила воздух перед собой, вопила во весь голос, и казалась буйнопомешанной, выбравшейся на свободу и намеревающейся привести в исполнение планы кровожадной мести.

– Бабушка... – пролепетала Катька.

– Бабушка?! – неприятно удивился Сергей.

– Ах ты сволочь! Гнида беспутная! Срамник! Извращенец, чтоб тебе сдохнуть! – надрывалась старуха, и теперь до Бабкина отчетливо дошло, что все это адресовано ему. – Что ж ты, вошь лобковая, творишь?! Ох, я тебе щас срам-то поотшибаю...

От ее бесноватости Бабкину стало не по себе. Более того, он внезапно испытал горячее желание спрятаться за спиной толстенькой девочки, стоявшей позади него и что-то виновато бормочущей про «магазин» и «выследила». Верка незаметно сбежала, не дожидаясь развязки, и Сергей, подавив побуждение последовать ее примеру, сделал шаг вперед, навстречу костерящей его на все лады старухе.

– Бабушка, вы отчего ругаетесь? – вежливо спросил он, надеясь обезоружить ведьму любезностью.

В следующую секунду клюшка обрушилась ему на плечо, и только молниеносная реакция Сергея спасла его от сломанной ключицы.

– Фаши-и-ист! – выдохнула бешеная бабка, колотя клюкой. – Чтоб ты сдох, подлюга! Вот тебе! На! На! Получи, кобелиное твоё нутро!

Отчаянно уворачивавшийся Сергей заметил в одном из окон белое лицо: кто-то с интересом наблюдал за спектаклем, не собираясь вмешиваться.

– Баб, не надо! – пискнула Катерина.

– Сейчас и ты получишь, дурья башка! Остолопка! Корова скудоумная!

Пока она осыпала ругательствами внучку, Сергей успел занять стратегически выгодную позицию – за скамейкой. Старуха сделала мушкетерский выпад, попытавшись достать его, но скамейка была слишком широкой, а клюка короткой, и до Сергея ей дотянуться не удалось.

– Вот скоро прищучат тебя, гаденыша! – прошипела неугомонная старуха, яростно сверкая единственным глазом.

– За что прищучат-то, доброжелательная вы наша? – спросил Сергей, восстанавливая дыхание.

– За то самое! За то, что девок портишь, стервец! Ишь, нашел радость! Погоо-о-одь, пого-о-одь, щас я мужиков-то позову, они тебе все объяснят, все! – пообещали ему. – Жди здесь, судить тебя будут.

Старуха потрясла клюкой.

– Ну бабушка! – жалобно заныла Катька. – Он ни при чем! Он мне дал...

«...денег», – мысленно закончил Сергей фразу девочки, и его прошиб ледяной пот. В долю секунды Бабкин представил последствия, и перед его

мысленным взглядом промелькнула злорадная физиономия следователя Мурзоева, прижавшего наглое московского сыщика по нехорошей статье.

– Обещание! – выпалил Бабкин. – Я дал вашей внучке обещание, что больше не буду ее ни о чем расспрашивать!

Катька озадаченно замолчала.

– Расспрашивать?! – пронзительно выкрикнула старуха. – Что ж ты врешь мне в глаза, бесстыжая твоя харя?! Знаю я, о чем ты ее собрался расспрашивать!

Она проворно обогнула скамейку, но Бабкин был настороже и перемахнул через деревянную спинку. Теперь они с Катей оказались с одной стороны, словно сообщники, а старуха – на другой.

– Послушайте, – увещевательно сказал Сергей. – Простите, не знаю, как вас по имени-отчеству...

– И знать тебе ни к чему, паскуда! – отрезала бабка.

– Фаина Ивановна, – тихонько подсказала Катерина.

– Фаина Ивановна, я – частный детектив, расследую исчезновение девочки. Мне сказали, что Катя тоже потерялась в лесу три недели назад, и я решил с ней поговорить.

– Потерялась, как же! – фыркнула старуха, не сводя с него сверлящего взгляда. – Давай, лечи здоровую! Что ж ты Катьку одну на разговор зазвал, без взрослых, а? Чем бы я тебе помешала?

– Виноват, Фаина Ивановна! – покаялся Сергей, посматривая на клюку. – Я Катю не одну зазвал, а с подружкой. Только она уже ушла.

– Видала я, как она ушла! Удрала твоя Верка, чуть трусы не потеряла. Если они у ней и были, у шалавы!

– Бабушка! – укоризненно заныла Катерина.

– А ты вообще молчи, дура кривоногая! Куда ты с ним пошла, а? Мало тебе того раза? Позорище, ох, позорище! Срамотища на все село!

– Да я просто потерялась! – с отчаянием в голосе выкрикнула девочка. – Баб, ну сколько раз тебе говорить – не было ничего, не было!

– Сейчас не было, так в другой раз будет! Или хочешь в лесу с проломленной черепушкой лежать да с бутылкой рядом, на потеху всякой мрази?! А ну подойди сюда! – снова рассвирепела старуха. – Встань рядом, и чтоб ни шагу! Ух я тебя щас!

Она замахнулась палкой, но не ударила, а только стукнула по скамье. От громкого звука гуси всполошились и поплыли к дальнему берегу, недовольно гогоча. Катерина вздохнула, подошла к бабушке и понурилась, скорчив выразительную физиономию для сыщика, словно желая сказать: «Ну вот видите, как все нехорошо вышло!»

Но Сергей даже не заметил ее стараний.

– С проломленной черепушкой? – повторил он, пристально глядя на одноглазую старуху. – И с бутылкой рядом? Откуда вы такие ужасные картинки берете, Фаина Ивановна?

– Откуда-откуда... Откуда надо, оттуда и беру! – огрызнулась та. – Ишь, любопытный нашелся! Проваливай давай отсюда!

– И все-таки? – настаивал Бабкин, отчего-то почти перестав опасаться, что его снова шарахнут клюкой. – Что за проломленная черепушка?

– Так об этом все знают! – влезла Катька. – Про ту девчонку, которую изнасиловали... Ой!

Крепкий подзатыльник заставил ее прикусить язык.

– Молчи, когда тебя не спрашивают! – приказала старуха. – Давай, домой ехай! Чего стоишь, глазами лупаешь?! Ехай, тебе сказано!

Не глядя на Бабкина, Катерина подхватила велосипед и засемила по дорожке вдоль пруда.

– Нечего ей ужаси слушать, – хмуро сказала Фаина Ивановна, глядя внучке вслед. – Что надо, я ей сказала, а что не надо – ей без меня скажут.

Сергей, подумав, признал этот подход довольно мудрым.

– Ты и правда из этих, из детективов? – подозрительно спросила старуха. – Или соврал? Документы покажь!

– Правда, правда. Паспорт могу показать, если хотите, только в нем моя профессия не записана.

– Давай сюда! – приказала Фаина. – Запомню тебя, и если что...

Она не договорила, только погрозила Сергею кулаком. Сыщик достал паспорт и протянул старухе, совершенно уверенный, что она ничего не сможет прочесть без очков.

Однако он ошибся. Старуха долго изучала страницу с фотографией, пощипывая жесткие седые волоски на подбородке и то и дело сверяясь с объектом, стоящим перед ней. Глаз ее сверлил Бабкина добрых две минуты, и наконец она вернула ему паспорт, не задавая больше вопросов.

Сергей опустил на скамейку, уже совершенно не боясь, что на голову ему обрушится удар палки, и сказал задумчиво:

– Три девочки потерялись. Только у одной родители обратились в милицию. Отчего так, а, Фаина Ивановна?

Сзади помолчали, потом раздались шаркающие шаги, и старуха присела рядом с ним, пристроив клюку так, чтобы не упала.

– У Верки мать – чисто курица, суетливая да глупая, ей до девки и дела нету. А я-то сходила к нашим оболтусам, как не сходить... Назвали меня выжившей из ума старой дурой. Ну, мне-то чего? Раз уж я и дура, и старая,

так с меня как с гуся вода, верно? Заставила я их взять у меня заявление. Побегали они, понаписали писулек, да и объяснили мне, что дело закрыто.

«Вот даже как...» – про себя сказал Бабкин.

– Я им твержу: вернулся он, снова хороводы вокруг Вязников водит, – горячась, продолжала старуха. – А они мне ржут в лицо – чисто кони.

– Кто вернулся?

Фаина осеклась и посмотрела на Бабкина здоровым глазом – мутноватым, слезящимся... От ее взгляда у Сергея по коже побежали мурашки. «Жуткая все-таки бабулечка», – подумал он, стараясь, чтобы эта мысль не отразилась на лице.

– А кто девку у Курехиных убил? – хрипло сказала старуха. – Вот он и вернулся.

– Когда убил? – ничего не понимая, спросил Сергей. – И кто – «он»?

– Знала бы кто, вот этими руками бы придушила его. – Фаина потрясла перед Бабкиным морщинистыми черными ладонями. – Никто не знает. Уж сколько лет прошло – почитай, не меньше двадцати – а так и не нашли его, нехрестя.

Сергей начал соображать.

– Пойдите-ка... Двадцать лет назад в поселке убили женщину?

– Да какая она была женщина! Почитай, девчонка совсем, чуток всего Катьки постарше. А я ведь как предчувствовала – после второй пропажи сказала Лене, соседке: неспроста это все, ох, неспроста! А она мне: да не выдумывай, подумаешь, потерялись! А я ей: сто лет никто не терялся, а тут обе две одна за другой, да такие девки спелые, будто на подбор! А Лена мне: нечего, говорит, панику сеять. Панику! – оскорбленно повторила Фаина Ивановна, вспоминая обиду двадцатилетней давности. – А как Курехиных-то девчонку нашли, так тут Лена язык и прикусила!

– Обе, одна за другой? – переспросил Сергей. – Потерялись в лесу? Девочки?

– А я тебе о чем толкую? – рассердилась Фаина Ивановна. – Сначала первая, через неделю – вторая! И, главное дело, ведь искали их! Про первую точно не скажу, а вторую-то уж точно! А найти-то и не смогли. Каждая потом к людям вышла, морда сонная, глаза опухшие, и не соображает ничего. Толком ни словечка сказать не может! Какое уж тут «заблудилась», скажи на милость?! Заблудила – так-то оно вернее будет!

– Через какое время пропала третья девушка? – напряженно спросил Сергей.

Старуха ненадолго задумалась.

– Да почитай что сразу же... Только она к вечеру не вернулась, а

наутро ее и нашли, горемыку. Тут-то уж все поняли, что с первыми двумя он, значит, примерялся к делу своему страшному, а уж над третьей и надругался.

– Надругался?

– Говорят, бутылкой насильничал ее. – Фаина понизила голос до едва слышного шепота. – А потом и забил до смерти.

Она перекрестилась.

– А те две девушки, которые пропадали до убийства... они сейчас в Вязниках? – спросил Сергей.

– А вот этого я тебе не скажу, – покачала головой Фаина Ивановна. – Столько лет прошло... я их и не вспомню. Может, тут, а может, и подались куда за хорошей жизнью...

Она подтянула к себе клюку, поднялась, и Сергей машинально тоже встал.

– А Катерину ты оставь в покое, – совсем другим голосом, недобрим и угрожающим, проговорила старуха. – Поговорили – и будет. Увижу тебя еще раз поблизости – не пожалею, морду твою разворочу, так и знай. И за мной не ходи, нечего!

Не прощаясь, она поспешно заковыляла прочь.

– Где нашли убитую девочку? – Бабкин повысил голос, но с места не тронулся, памятуя о предостережении.

– У вашей Курехиной спроси, – бросила Фаина через плечо. – Я-то им человек чужой, а она, бедная, поди, все помнит! Может, чем поможет тебе.

– Кто такая наша Курехина? – крикнул ей вслед Сергей, но старуха вскинула руку, будто отгоняя надоедливую муху, и он понял, что ответа уже не дождетя.

Набережная опустела. Бабкин постоял на месте, переваривая услышанное, вернулся к машине и поехал обратно в районный центр.

Следователь Мурзоев не успел никуда уйти. При виде Бабкина толстое лицо расплылось в неприятной улыбочке:

– Вернулся? Что еще забыл, а?

– Заткнись и слушай, – зло оборвал его Сергей.

Мурзоев замер с открытым ртом.

– Ты почему мне не сказал, что двадцать лет назад уже были такие же случаи? – спросил Бабкин сквозь зубы. – У тебя на участке маньяк работает, а ты, сука ленивая, морду воротишь и свидетелей к черту посылаешь!

– Слышь, ты за языком-то следи... – попробовал обороняться следователь, но Сергей не слушал. Его охватила ярость. Этот

самодовольный хамоватый местный божок, сходу завернувший Бабкина, даже не выслушав его просьбу, был не только глуп – вдобавок он был совершенно уверен в своей безнаказанности.

– Ты что, труп дожидаешься? Понимаешь, что с тобой тогда будет? Тебя не просто пинком под твой жирный зад выставят – под суд пойдешь, ясно, Мурзоев? А я тебе в этом помогу. Сейчас напишу письмо прокурору области о том, что у тебя происходит, а копии разошлю всем, от генерального до начальника следственного комитета. А для верности и СМИ подержаю – они на такой горячий сюжетец слетятся как мухи! Статью о халатности еще никто не отменял, так что ежели у тебя четвертую девчонку убьют, думай сам, что тебя ждет.

Мурзоев что-то невнятно пробормотал, но рассвирепевшего Бабкина было уже не остановить. Он перегнулся через стол, исподлобья глядя на следователя, понизил голос:

– А когда по моему письму сюда для разборок приедет бригада из Москвы и начнет вас всех трясти, ты, Мурзоев, первый повалишься. И ни одна скотина из твоих тебя не защитит. Не до того им будет.

– Да не горячись, – примирительно пробормотал Мурзоев, меняясь на глазах. – Ну ты тоже хорош: без звонка приехал, никто из людей тебя не представил... Как я тебя должен был встречать?

Бабкин чуть не сплюнул от злости. Перед ним был образцовый холуй, а с людьми такого типа ему всегда приходилось нелегко.

– Мне нужен доступ в архив, – мрачно сказал Сергей, отодвигаясь от следователя. – К делу об убийстве девчонки в Вязниках.

– Я в то время еще не работал, – криво усмехнулся Мурзоев, надеясь разрядить обстановку.

Бабкин на ухмылку не ответил.

– Сегодня в архиве никого нет, завтра он закрыт, потому как суббота, – заторопился тот. – Короче, давай так: в понедельник подходи, попробуем решить твой вопрос.

– Ты меня не понял. Ничего «пробовать решать» не надо. Надо просто пойти в архив и найти там нужное дело. Сейчас.

Мурзоев заколебался, но, взглянув на визитера, решил, что проще согласиться. В ушах его все еще звучали слова о бригаде из Москвы, и это мешало ему нормально сосредоточиться.

– Паспорт давай, – буркнул он. – Сейчас пропуск в архив сделаю...

Стены в комнате были выкрашены тем жутковатым оттенком серо-зеленого цвета, какой имеет дохлая земляная жаба и который любят

использовать в присутственных местах. Пахло старыми бумагами, пылью, ношенными тапочками и, едва слышно, хлоркой. Отчего-то именно последний запах заставил Сергея вспомнить, что он с утра ничего не ел, а завтрак его был скуден и жалок.

– Га-а-аль! – протяжно позвали за стеной. – А, Га-а-аль! Ты домой обедать пойдешь?

– Я котлеток взяла, полсковородки, – отозвалась невидимая Галя, и по звуку ее голоса Бабкину представилась полная румяная женщина с щеками как свежеиспеченные булочки. Именно такие женщины считают котлеты не штуками, а сковородками. – А чайку сами сообразим. Не-е, не пойду!

– Ну, как хочешь, – разочарованно вздохнули за стенкой. Но через пару секунд снова встрепенулись: – А что, котлеты-то холодные будешь, или как?

– Так они холодненькие еще и вкуснее! – засмеялась соблазнительница Галя, и Сергей судорожно сглотнул. – На хлебушек их положить, вот и обед! Эх, красота!

Голод, одолевший Бабкина, едва не погнал его клянчить котлеты у незнакомой хозяйственной женщины. Но он взял себя в руки.

Архивное дело двадцатилетней давности лежало перед ним на столе. Толстая коричневая папка с потертыми сгибами: над ней витал смутный сухой запах, по которому безошибочно узнавался налет времени. Так пахнут старые фотоальбомы, лежащие в дальнем ящике шкафа и рассматриваемые лишь изредка.

Бабкин развязал белые тесемки, перевернул первую страницу и начал читать.

Олеся Курехина, семнадцать лет... Была найдена в восемь часов утра в двух километрах от Вязников. Смерть наступила не менее чем за восемнадцать часов, от удара тупым предметом по затылку. Предмет установлен, да и как было его не установить, когда вот он, тяжелый шишковатый сук, валяется рядом с телом и перепачкан кровью. Следы изнасилования бутылкой («Посмертного», – отметил Сергей), следы сексуального контакта менее чем за сутки до смерти... Анализ спермы... Одна экспертиза, вторая... Опрос свидетелей...

И ничего.

Убийца семнадцатилетней Олеси Курехиной не был найден. В деле Бабкин не обнаружил и следа упоминания о двух девочках, пропавших и быстро нашедшихся незадолго до ее смерти, но отчего-то он верил старухе.

Сергей взглянул на подпись следователя и хмыкнул.

«Не захотел ты, товарищ Воропаев, усложнять себе задачу? Сделал

вид, что все в порядке, и не стал выстраивать логическую цепочку? А ведь она выстраивается! И вряд ли это совпадение. Хотя...»

При мысли о совпадении Бабкин перелистнул страницы, возвращаясь к самой первой. Скрепкой, заржавевшей за двадцать лет, к листку была прикреплена фотография жертвы – не тело, а прижизненный снимок. Он выцвел и пошел разводами, но лицо было отчетливо различимо. Сергей застыл над ним, сдвинув брови, мучительно пытаясь вспомнить, отчего оно кажется ему знакомым.

Черноволосая девушка, выглядящая старше своих лет, с лукавой улыбкой – веселая, полная жизни и задора. «Должно быть, первая деревенская красавица, – подумал Бабкин, разглядывая ее. – Исключительно хороша. Но где же я ее видел?..»

Чей-то неясный образ промелькнул перед ним и мгновенно исчез. Сергей закрыл глаза, пытаясь зацепить его, вытащить из омута памяти на поверхность, но образ скрывался глубоко, и сквозь темную колеблющуюся толщу невозможно было разглядеть его.

«Где же, где же? Девчонку убили двадцать лет назад, встречать ее я никак не мог. Ладно, бог с ним... Наверное, просто похожа на кого-то из знакомых».

Бабкин начал делать записи в блокноте, быстро выписывая необходимую информацию: даты, улики и, самое главное, фамилии свидетелей. Наверняка в поселке еще можно найти тех, кто помнит подробности убийства...

«У вашей Курехиной спроси!» – фраза, брошенная Фаиной Ивановной, сама собой всплыла в памяти. «У вашей Курехиной...»

Этот голос вызвал за собой другой – крикливый, полудетский, нахальный:

«Он ее вытащил отсюда! В Москву увез! Она раньше здесь жила, а потом вышла замуж и уехала! И больше ни одного разика тут не появлялась! Она местная, понимаете?»

И тут Бабкин понял, кого напоминает ему девочка с фотографии.

– Заведующая! – вслух сказал он. – Точно! Ольга... как ее там?.. Романовна!

Он быстро пролистал дело, выискивая страницу с показаниями родственников. Мать, отец... Вот оно! Двоюродная сестра, Ольга Курехина. Очевидно, последняя, кто видел ее в живых – кроме убийцы, разумеется.

Бабкин заново перечитал протокол допроса Ольги, но не нашел ничего, о чем не говорили бы другие свидетели.

«Но так не бывает, – сам себе сказал он. – Мать и отец убитой

показывают, что девчонки были очень дружны, виделись каждый день... А Ольга не может ответить на вопрос, были ли у ее сестры враги и с кем она спала. Не знаю, как вам, товарищ Воропаев, а мне в это верится с трудом».

Забыв про чувство голода, Сергей принялся переносить в записную книжку данные, которые могли пригодиться в будущем. Он забыл о времени и очнулся лишь тогда, когда в дверь постучали.

– Закрываемся мы, уж извините, – сказала немолодая широколицая женщина, с интересом разглядывая его. – Через час откроем, тогда приходите. Только пропуск не забудьте.

– Да-да, спасибо, – задумчиво ответил Сергей, отдавая ей папку с делом. – Я уже закончил.

Глава 4

Каждая из подрастающих девочек похожа на лесного духа, на цветочную фею. Их остренькие созревающие груди, длинные, падающие на глаза волосы, розовые карамельные губы... Никто не видит, как они прекрасны, не замечает их безумной, сводящей с ума красоты! Кроме меня.

Человек остановился за деревом и принюхался. Он научился по запаху узнавать, что они близко, чувствовать их появление. Чутье подсказало ему, что добыча рядом, раньше, чем он услышал ее шаги.

Вот она! Бредет, расчесывая комариный укус на локте. Человек, стоящий за деревом, приготовился, глубоко вдохнул, принял обычное выражение лица и с улыбкой вышел девушке навстречу.

Конечно, она не испугалась. С чего им меня бояться?

– Здравствуй, Света!

– Ой! Здравствуйте... – она расплылась в улыбке. – А что вы здесь делаете?

...Когда девушка уже лежала на столе, а человек настраивал аппаратуру, он мельком посмотрел на нее – убедиться, что она спит – и взгляд его упал на красное пятнышко возле локтя. Он опустил на колени, задев одну из свечей, и прижался губами к этому пятнышку, зажмурив глаза и жадно вдыхая запах кожи. Но тотчас отстранился и вернулся к фотокамере.

Спи, спи, моя радость. Спи, моя крошка, мое маленькое лесное чудо. Я не сделаю тебе больно. Может быть, совсем чуть-чуть...

* * *

Вернувшись в пансионат, Бабкин торопливо набросал план действий – эта привычка осталась у него со времен работы в оперативном отделе. И первым пунктом в нем был разговор с заведующей.

За приоткрытым окном прошуршали чьи-то шаги.

Это оказалась Матильда. Не замечая сыщика, она с отсутствующим видом брела по дорожке, напевая себе под нос и то и дело приподнимаясь на цыпочки, чтобы достать пальцами до веток. Сергей проводил ее взглядом и осознал, что после поездки в Вязники он стал понимать

Евгению Черникову, запрещающую дочери общаться с местными.

Солнце било в окно, слепило глаза, и Бабкин встал, чтобы задернуть штору, а в следующую секунду какая-то тень метнулась в сторону и исчезла за углом. Не раздумывая, Сергей вскочил и бросился к двери, но замок, как назло, заклинил, и он потерял несколько секунд, пытаясь открыть его. Эти секунды решили дело: когда Бабкин наконец выбрался наружу и обежал домик, то никого не нашел.

– Кто же у нас такой любопытный? – пробормотал Сергей. – Тайный поклонник?

Он огляделся, но ничто вокруг не выдавало присутствия другого человека. Лес был тих и безмятежен. В золотистых стволах, верхушки которых терялись где-то высоко в выцветающем августовском небе, постукивал невидимый дятел, да маленькая пичужка обеспокоенно тенькала, перелетая с ветки на ветку.

Сергей снова зашел за дом и присел на корточки. Здесь, на теневой стороне, земля была покрыта мягким пушистым мхом, темным, бурозеленым, с проталинками крошечных желтых цветов. Сыщик провел по нему рукой, и влажные ворсинки послушно примялись, а затем медленно, по одной, выпрямились, стоило ему убрать ладонь. Очень осторожно Бабкин продвинулся вперед и через пару метров обнаружил то, что и рассчитывал: четкий глубокий след, оставленный тем, кто пробежал за коттеджем.

Сергей измерил рулеткой длину и ширину отпечатка, жалея, что мох – не песок и слепок с него не снимешь, зарисовал, как мог, форму следа, вернулся домой и сравнил со своим. Размер был куда меньше. Тот, кто прятался возле окна, а затем убежал, носил обувь максимум сорокового размера.

«Мужчина с маленькой ногой или женщина с большой».

Он снова вышел на улицу, надеясь по следам во мху проследить, куда убежал невидимка. Но теперь сыщика ждало разочарование: моховой покров за его коттеджем простирался на десять шагов, а затем сменялся сухой почвой, присыпанной потемневшими иглами и сухими веточками. Как Сергей ни старался, он не смог обнаружить следы на лесной земле.

Однако одной из отличительных черт в характере Бабкина была настойчивость, переходящая в упрямство. Посмотрев на коттедж и сопоставив направление найденного следа с рельефом местности, сыщик прикинул, куда мог бежать пугливый обладатель ноги сорокового размера, и направился в эту сторону, пристально глядя вниз. Он не отклонялся от выбранного курса, словно пес, идущий по следу. Отличие, и существенное,

заклучалось в том, что следа-то у Сергея как раз и не было. Он лишь собирался его найти.

И нашел.

Метрах в сорока от дома Бабкин наткнулся на незамеченную им раньше заброшенную спортивную площадку. С двух столбов по ее краям свисала истрепанная сетка. Здесь, очевидно, давно никто не играл, но земля была расчищена, и на этой расчищенной земле с самого края красовался четкий рельефный след, очень похожий по размерам на тот, который Сергей обнаружил возле коттеджа.

– Попался, голубчик, – с тихой кровожадностью сказал Бабкин, хотя никто еще не попался и, более того, явно планировал не попадаться и впредь.

Сергей достал телефон, чтобы сфотографировать след, и присел так, чтобы ему не помешало солнце.

Увлеченно ползая вокруг отпечатка, он не заметил, как на него упала чья-то тень. И спохватился лишь тогда, когда сверху деликатно покашляли.

Сергей вскочил, смутившись, будто его застали за чем-то неприличным, и оказался лицом к лицу с человеком, визит к которому был записан первым пунктом его плана.

– Вам не требуется помощь? – чуть насмешливо поинтересовалась Ольга Романовна, вздернув брови.

– Спасибо, я справлюсь, – несколько смущенно отозвался Бабкин и, чувствуя, что какое-то пояснение необходимо, прибавил: – Тут кое-что интересное нашлось...

– Перестаньте, не придумывайте оправданий, – с улыбкой остановила она его. – Черникова рассказала мне, чем вы занимаетесь.

– А-а-а, – протянул Бабкин.

Это облегчало его дело, но про себя он обругал болтливую клиентку: «Черт возьми, могла хотя бы сообщить мне, чтобы не ставить в идиотское положение. Интересно, кому еще она рассказала о расследовании?»

– Если вы не будете мешать гостям, то я не имею ничего против вашей деятельности, – добавила Ольга Романовна. – Не могу сказать, что мне нравится инициатива Черниковой... Но я ее понимаю. Девочка действительно пропала, как ни крути. Думаю, правило бритвы Оккама подходит здесь в полной мере, и не нужно выдумывать сложных объяснений, когда есть готовое простое.

– Вы не верите в похищение Матильды? – напрямик спросил Сергей, решив не ходить кругами, раз уж ему предоставили возможность изъясняться без уловок.

– Н-нет, – с запинкой, как ему показалось, произнесла она. – Девочка действительно могла уснуть в лесу, в этом нет ничего невозможного.

– А что будем делать с результатами ее анализов? – поинтересовался Бабкин.

Судя по отсутствию вопросов, для Григорьевой не стало неожиданностью их существование.

Заведующая пожала плечами:

– Они говорят о том, что в отношении Матильды не было совершено никакого насилия. А что касается наркотика в крови... Знаете, у меня муж – врач, поэтому я немного представляю кухню в третьеразрядных частных клиниках. За ваши деньги местные эскулапы могут найти вам что угодно. Хоть малярию.

– То есть вы совершенно уверены в том, что преступления не было? – подытожил Бабкин, напряженно ожидая ее ответа. С учетом того, что он теперь знал о ее семье, этот ответ мог многое рассказать о самой Григорьевой.

Женщина задумалась. Сергей спрятал в карман телефон, отряхнул песок с колен и пристально посмотрел на нее.

Да, он не ошибся, узнав ее по фотографии семнадцатилетней Олеси Курехиной. Очевидно, сходство между сестрами, пусть и двоюродными, когда-то было очень велико. Перед ним вполне могла стоять выросшая девочка со снимка в уголовном деле. Густые черные волосы, красивое выразительное лицо – она ничуть не напоминала старуху, с такой жаркой ненавистью описанную Верой Осиповой. В Ольге Романовне чувствовалась большая внутренняя сила, и Сергею подумалось, что Григорьева как раз из тех, кто коня на скаку остановит. Пожалуй, конь даже сам остановится, будучи животным умным и сообразительным.

На сосредоточенном лице заведующей отразилась решимость.

– Наоборот, – негромко сказала она, повернувшись к Сергею. – Я почти уверена, что преступление *было*.

Он вопросительно поднял брови.

– И это пугает меня, – торопливо добавила она. – Вы даже не представляете насколько. С момента исчезновения первой девочки я живу в страхе, что все повторится...

Ольга Романовна прикрыла рот рукой, словно боясь собственных слов. Бабкин подумал, что этот беспомощный детский жест смотрится у нее удивительно и почти неправдоподобно. И тотчас, словно прочитав его мысли и смутившись, Григорьева отняла руку от губ и отвернулась.

– Что повторится? – спросил Сергей, не желая раньше времени

обнаруживать свою осведомленность. – Ольга Романовна, расскажите мне, пожалуйста. Вы ведь понимаете, что можете помочь.

Она с сомнением взглянула на него и решилась:

– Это касается Вязников. Знаете, поселок по соседству с нами?

– Знаю, знаю. Я только что приехал оттуда. Виделся с Верой Осиповой... – прибавил Бабкин и сам поймал себя на том, что последняя фраза получилась с подтекстом.

Григорьева сразу уловила этот подтекст. Она усмехнулась, но в выражении ее лица Сергей не уловил ни злости, ни горечи.

– Верочка, бедная Верочка... Наверное, одолевала вас рассказами о том, как она соблазнила Илью?

Смутившийся Бабкин пробормотал в ответ что-то нечленораздельное. Ольга Романовна посмотрела на его лицо и от души рассмеялась:

– Послушайте, Сергей... Вера – маленькая и глупенькая девочка, она всем и каждому готова твердить о том, что уже увела моего мужа. Хотя Илья, по-моему, говорил с ней единственный раз в жизни и не узнает ее, если увидит. Я прекрасно знаю о том, чего она хочет.

– И все равно разрешаете ей приезжать сюда? – недоуменно спросил Бабкин.

– Господи, да не воспринимайте вы ее слова всерьез! Она ребенок! Умишка у нее кот наплакал, она страстно жаждет уехать из Вязников и набивает себе цену. И я ее понимаю. Я сама была такой же.

– Вы? Такой же? – Бабкин недоверчиво покачал головой.

– Зря сомневаетесь. – Улыбка на лице Григорьевой стала печальной. – Я жила в Вязниках, ненавидела наш поселок всей душой и не знала, как оттуда выбраться. Мы были юными и совершенно безмозглыми.

– «Мы»?

– Да. Мы с сестрой, Олесей. Ох... Придется рассказать вам все, но, пожалуй, это и вправду пригодится – может быть, вы решите, что все мои тревоги не стоят выеденного яйца. – Она потерла лоб, словно стирая прорезавшую его вертикальную морщину. – Отчасти это поможет вам понять, почему я так снисходительна к Вере. Все те исчезновения... мне тяжело вспоминать об этом...

Она замолчала.

– Исчезновения? – спросил Сергей, принимая озадаченный вид.

– Да, да! Господи, вы не представляете, насколько тяжело мне об этом говорить...

Ольга Романовна на несколько секунд прикрыла веки. Бабкин испугался, что она вот-вот заплачет, но когда женщина снова взглянула на

него, глаза ее были сухими.

– Давайте прогуляемся, – предложила она, взяв себя в руки. – Боюсь, мой рассказ получится длинным. Не стоять же нам здесь...

Они обошли площадку и двинулись по тропинке, вдоль которой шелестели молодые березы.

– Моя история, как бы пошло это ни звучало, это история Золушки, – сказала Ольга Романовна, рассеянно срывая на ходу желто-зеленые листья. – Современной замарашки, которой посчастливилось выйти замуж за принца. Мне было семнадцать лет, когда я встретила Илью, а поженились мы всего три месяца спустя. Наша встреча состоялась на балу, – она усмехнулась, – точнее, на дискотеке в клубе. Шел восемьдесят восьмой год, тогда взрослые даже не использовали слово «дискотека». Это называлось «танцы»! Единственная отдушина для нас, двух девчонок, в этом тоскливом поселке.

– Почему же вы так не любите Вязники? – не сдержался Бабкин, проглотив слово «все».

– Не люблю? – Григорьева остановилась, удивленно взглянула на него широко раскрытыми глазами. – Что вы! Я его ненавижу! Это чудовищное место, оно комкает людей, обезображивает их. Нас с сестрой изо всех сил старались запихнуть в жесткие рамки, заставить «соответствовать»... И не только нас, всех!

– Мне кажется, вы преувеличиваете, – усмехнулся Сергей.

Ольга Романовна покачала головой.

– Представьте себе болото, – негромко сказала она. – Медленное, сонное копошение, возню в жиже, слабое шевеление от рождения до смерти. Болото маленькое, вы видите всех, кто пыхтит вокруг вас, и понимаете, что ваша жизнь ничуть не будет отличаться от их жизни. Тысяча рабочих мест, двести мужчин, годных по возрасту в мужья, десять соток неизбежной картошки... Вот оно, ваше будущее. Не может произойти ничего, что изменило бы вашу судьбу, останься вы в этой трясине!

А все потому, что болото это – ревниво охраняемое. Обитатели его панически боятся перемен, их устраивает тихое житье, они уверены, что изменения – всегда к худшему и никогда наоборот! А потому они следят за тем, чтобы никто не мог ничего поменять в их вечном укладе. И проявляют при этом такую безжалостность, как будто выкорчевывают сорняки, грозящие уничтожить весь урожай.

Это трясина, Сергей, но трясина с вышками по периметру. И ты заранее мертв, живя там, потому что жизнь только тогда жизнь, когда в ней возможно непредсказуемое: нечто, выходящее за рамки скрываемых

супружеских драк, тайных аборт и беспросветных адюльтеров, еще более тоскливых, чем связь с собственным мужем!

Она замолчала. Сергей смотрел на нее, пораженный силой этой вспышки.

– Вот в таком своеобразном месте мы с сестрой и имели счастье родиться, – спокойным голосом закончила Григорьева. – Мы с Олесей не родные сестры, а двоюродные. Наши отцы – родные братья, причем близнецы. Мы были очень похожи друг на друга... К сожалению, фотографий Олеси у меня не сохранилось. Я даже приезжала как-то за ними к ее родным, но оказалось, что все ее снимки куда-то делись.

Мы росли вместе и были лучшими подругами. Вдвоем строили планы о том, как мы уедем отсюда и заживем новой жизнью. У нас в лесу был шалаш, тропинку к которому знали только мы одни, и мы могли валяться в нем часами. Там пахло сухой травой, листьями и земляникой. Конечно, мы, как две маленькие дурочки, мечтали о принцах и надеялись, что кто-нибудь из них занесет случайным ветром в наши Вязники.

И вот в июне в наш поселок приехали двое юношей из Москвы. Одного из них мы знали и раньше: Иван Шведов, племянник председателя колхоза, здоровый краснощекий парень, учившийся на втором курсе мединститута в Москве. Он привез с собой друга, своего однокурсника, Илью Григорьева.

Мы никогда не видели таких ребят. Илья был, как мне казалось тогда, сказочно красив: высокий, белокожий, с мужественными чертами лица, с обаятельной улыбкой... И притом поразительно скромный! Он совершенно не понимал, какое впечатление производит на девчонок. Такой, знаете, стеснительный мальчик из семьи с властной мамой и постоянно занятым папой. Родители отправили его в Вязники поправлять здоровье и укреплять его трудотерапией, вот они целыми днями и трудились на Ваниного дядю, а по утрам бегали купаться на речку.

Я увидела его случайно на улице и влюбилась так, что сама себя испугалась. Илья меня даже не заметил! А я стала следить за ним, вычислять его маршрут, поджидать в тех местах, где он бывал. К несчастью для меня, Илье вполне хватало компании Вани Шведова, и он не горел желанием общаться с местными подростками. Я сама никогда бы не смогла подойти к нему на улице под взглядами окружающих, это было невысказано. Поэтому мне приходилось довольствоваться редкими встречами. Но те дни, когда я его встречала, были словно дни из другой жизни, прекрасной и упоительной.

Я ходила с ощущением, что меня затопило солнечным светом, что я

сама вот-вот начну светиться. Я забыла обо всем: о школе, о семье, о друзьях... И об Олеся. Этого я до сих пор не могу себе простить. Мне кажется, что, если бы я проводила с ней больше времени, трагедии можно было бы избежать. Понимаете, ведь никто тогда не придавал значения этим исчезновениям...

– Значит, тогда они и случились?

Сергей резко остановился.

– Да, да! – почти с отчаянием выкрикнула Ольга Романовна. – Об этом говорили, но все сходилось на том, что девчонки выдумывают!

– Вы их знали?

– Знала, конечно. Обе они учились с нами в школе, только были чуть помладше: одной тринадцать, второй четырнадцать. Лена Коровина и Света Тулякова. Сначала исчезла Лена, пропала где-то между поселком и речкой. Ее не было целый день, но никто не успел встревожиться: она производила впечатление девочки немного не от мира сего, частенько уходила куда глаза глядят и была глуповата. Ее нашли вечером возле обочины, в километре от поселка – она спала в траве. На следующий день Ленка всем рассказывала, что отправилась купаться, но по дороге с ней что-то случилось, и она не помнит, что именно. Ей никто не поверил.

– И, конечно, ее не отправили к врачу, – утвердительно сказал Бабкин.

– Боже мой, какой врач?! Ей дали по шее и велели не выдумывать. И все тут же забыли про Ленкины бредни! Но через неделю то же самое повторилось с другой девочкой...

– Со Светой?

– Да. Она была очень необычная: красивая, нежная, как ландыш. От нее даже пахло всегда чем-то цветочным. Света с другими девочками пошла в лес по заданию учителя биологии – он вел в школе кружок, который работал все лето, – и потерялась. Остальные девочки вышли, а она нет. Ее начали искать ближе к вечеру, когда стало ясно, что Светка уже не найдется. Собрали группу местных, даже взяли какую-то собачонку, и отправились на поиски. Олеся пошла с ними – больше для развлечения, чем от желания помочь, а я осталась в поселке.

– Почему же вы не пошли?

Ольга Романовна усмехнулась, взяла его под руку и повела вдоль берега:

– Потому что у меня был план, который я собиралась привести в исполнение, воспользовавшись случаем. Видите ли, я ужасно ревновала свою сестру к Илье.

– Они дружили?

– Они даже не были знакомы. Но я, сойдя с ума от своей влюбленности, подозревала, что Илья не сможет пройти мимо такой красавицы, какой была Олеся, а она обязательно влюбится в него. Может быть, уже влюбилась! Мы были очень откровенны друг с другом, но я опасалась, что если спрошу Олесю прямо, она не признается. И я придумала кое-что... Дело в том, что Олесю вела дневник. Тогда было повальное увлечение дневниками, все писали обо всем и таились от всех. Она строчила в дневнике постоянно, таскала его с собой в школу и все время держала при себе, чтобы не утащили. Я подумала, что, получив этот дневник, смогу найти ответ на свой вопрос.

Утащить его у самой Олеси не было никакой возможности. Но за день до ее исчезновения был кружок по биологии, и она рассердила нашего старенького учителя, Валентина Петровича. Он был этаким весь из себя увлеченный ботаник и, надо сказать, и вправду очень интересно рассказывал о природе. Конечно, со своими странностями: например, мог начать хихикать неизвестно над чем, жонглировал мелкими тетрадами, а потом резко обрывал смех и одергивал нас всех. Или ни с того ни с сего начинал нести ерунду, и если прервешь его, смотрит бешеными глазами и пальцами шевелит, как паучок. Диковато выглядело, если честно. Так вот, Валентин Петрович рассердился на Олесю за то, что она не выпускает дневник из рук, и отобрал его. Сказал, что вернет, когда она выполнит задание. И унес его к себе домой.

– По вашему описанию этот Валентин Петрович кажется малость ненормальным, – заметил Бабкин. – У вас все учителя были такие?

Ольга рассмеялась:

– Возможно, Чайка и был немного не в себе, не спорю. Некоторые девочки даже называли его дурачком – меня, кстати, это ужасно злило. Но он всегда казался мне очень добрым, одним из самых добрых учителей в нашей школе.

– Забрать личный дневник – не слишком добрый поступок.

– Олеся вывела нашего ботаника из себя, и я могу его понять. Но зато мне он оказал большую услугу. Я – левша, и в школе меня пытались переучивать, а Валентин Петрович выступал за то, чтобы всем детям-левшам разрешали писать так, как им удобно. И добился своего, представляете? В то время для провинциальной школы это был настоящий прогресс. А еще он один воспитывал брошенного мальчика, своего родственника.

– Брошенного?

– Да, там была странная история: кажется, его мать сбежала с

мужчиной или что-то в этом роде, а сына подкинула нашему учителю. И он вырастил его как родного ребенка, очень любил и заботился о нем. Его уважали за это. Поэтому Валентину Петровичу сходили с рук многие выходки. Тем более, что они были совсем безобидными. Вот разве что с дневником...

– Так чем все закончилось?

– Я видела, как Валентин Петрович уносит его, и мне хотелось кинуться на него и вырвать дневник у него из рук, а потом убежать и прочитать его где-нибудь в надежном укрытии. Но потом у меня возникла идея получше.

Сергей представил, какими глазами две девочки смотрели на розовую тетрадь в клеточку, украшенную завитушками и инициалами, и вдруг догадался:

– Вы что, решили забраться в дом к учителю?

Григорьева кивнула.

– Отчаянным, однако же, были вы подростком, – протянул Бабкин. – Или такие развлечения были в вашем поселке в порядке вещей?

– Что вы! За такое, как вы выразились, развлечение меня ожидала бы страшная кара, если бы кто-то узнал о моей проделке! Я даже не могу представить, что бы со мной сделали. И я это понимала. Но остановиться уже не могла.

– Неужели вы подделали ключи?

– Нет, это было бы слишком сложно.

– Дайте-ка подумать... А он вообще запирает свой дом? В поселке в то время это было принято?

– Многие не запирали, но у Валентина Петровича дом был как крепость – в нем ведь хранилось множество всяких засушенных цветочков, которые он считал великой ценностью. Поэтому он запирает и двери, и даже окна.

– Тогда как же вы попали внутрь?

Ольга Романовна улыбнулась:

– Через чердак. Чердачное окошко учитель обычно держал открытым. А рядом росло дерево, старая черемуха. Я лазила по деревьям как мальчишка и не боялась высоты, так что для меня не составило труда перелезть по ветке к окну и забраться на чердак. А оттуда оставалось только спуститься вниз.

– И вы нашли дневник?

Григорьева кивнула:

– Нашла. И прочитала там же, в доме. Меня охватило облегчение,

когда я увидела, что Олеся ни слова не писала про Илью! Но я пережила такой всплеск эмоций, что едва не уснула там же, на месте своего преступления. Силы меня полностью оставили. Я до вечера просидела в укрытии за шкафом, и только когда стемнело, осмелилась выбраться наружу.

– А что же с пропавшей? Ее нашли?

– Да. Когда я вернулась к себе, мать прибежала с известием, что Светка нашлась сама. Она шла из леса по дороге, и на нее наткнулся отряд, ехавший в этот же лес, чтобы продолжать поиски с фонарями.

Светка производила впечатление пьяной: она покачивалась, заговаривалась и твердила одно и то же: что уснула где-то, а больше ничего не помнит. Потом проснулась и пошла знакомой дорогой.

– И что потом?

– Светкина мать отгаскала ее дома за волосы, если вы об этом.

– Не об этом.

– А больше не было никаких последствий, – зло сказала Ольга Романовна. – Объяснение для всех лежало на поверхности: Светка что-то выпила в лесу и отключилась. Может быть, даже потеряла сознание, но, скорее всего, просто уснула. Никто не стал придавать этому случаю значения, все пошумели – и разошлись.

Когда я поняла, что Олеся и не думает об Илье, меня охватила эйфория. Уже много позже я вспомнила, что некоторые в поселке начали поговаривать, что два происшествия с заблудившимися девочками – не случайность. Кое-кто даже утверждал, что Светку и Ленку нужно бы расспросить как следует, а не ограничиваться наказаниями. Но к этим людям не прислушались.

А через несколько дней случилось то, что полностью перевернуло мою жизнь.

В поселковом клубе каждые выходные устраивали дискотеку. В первую же субботу после того дня, как потерялась Светка, я отправилась в клуб. Мне нужно было куда-то выплеснуть распиравшие меня чувства, и я подумала, что танцы – самое подходящее для этого занятие. Поэтому я отпросилась у матери. Она отпустила меня с большой неохотой, а Олеся родители не позволили идти в клуб. Девчонки всегда ходили компанией, но в тот раз я отчего-то не примкнула к ним, а пришла одна, сильно опоздав, когда веселье было уже в самом разгаре. И как только я вошла, я увидела Илью.

В тот день он, по его собственному выражению, решил приобщиться к местным нравам, и Ваня привел его в клуб. Если бы Илья пришел один, его

бы побили местные, а так он был под покровительством Шведова. Когда появилась я, все уже были изрядно пьяны, и я оказалась среди поселковой молодежи, разбавленной двумя «москвичами».

Наш клуб изнутри был похож на сарай, но я этого не замечала. С той секунды, как я увидела Илью – в мятых брюках, в голубой рубашке с расстегнутым воротом – реальность, в которой я существовала, стремительно стала превращаться в сказку. Он заметил меня – и это казалось чудом. Пригласил на медленный танец – и это было волшебством. Я ловила на себе завистливые взгляды, кто-то шептался по углам, глядя на нас, танцующих один танец за другим, но все это было очень далеко от меня и не имело никакого значения.

Потом мы по очереди, таясь ото всех, выбрались на улицу – будто бы поодиночке, понимаете? Там встретились в укромном месте и побрели в обнимку куда глаза глядят, были облаяны дворовыми собаками, побежали от них, зачем-то спрятались и оказались в чужом сарае, пропахшем сеном. Наверное, не нужно рассказывать вам, что случилось потом. Я дождалась, пока Илья уснет, затем встала, оделась и дворами прокралась домой.

У меня ни на секунду не возникло сомнений в том, что теперь мы почти что муж и жена. Вы можете себе такое представить, Сергей? Я вовсе не была наивной или запредельно глупой и обо всем, что касалось отношений между мужчиной и женщиной, судила с недетским цинизмом: жизнь в Вязниках способствовала этому, знаете ли. Но стоило мне самой оказаться в столь заурядной, просто-таки трафаретной ситуации, как весь мой цинизм исчез. Я верила, что Илья полюбил меня с первого взгляда, как и я его.

Сейчас мне самой поразительна моя тогдашняя наивность. Но я легла спать и заснула счастливой.

На следующее утро я первым делом помчалась разыскивать Олесю – мне не терпелось рассказать ей обо всем! Но поговорить нам не удалось: Олеся была чем-то озабочена и сказала лишь, что у нее есть важное дело. И добавила, что она не уверена, что стоит в это ввязываться, но, наверное, стоит попробовать.

А я от своего счастья просто оглохла! И вообще не слушала, что она мне говорит! Ведь имела значение только моя сбывшаяся любовь, а не какие-то непонятные Олесины дела... Поэтому мы разошлись, так и не выслушав друг друга.

Когда наступило пять вечера, я спохватилась, что сестра не появляется. Я зашла за ней и выяснила, что с тех пор, как Олеся с утра ушла из дома, она больше не возвращалась. Ее родители были уверены, что мы проводим

время вдвоем. Тогда мое удивление переросло в озабоченность. Чем больше я искала Олесю по всему поселку, тем сильнее охватывала меня тревога. Ее никто не видел.

К десяти вечера стало ясно, что Олеси нет в поселке. Ночью она не вернулась, и мы все провели жуткие семь часов, дожидаясь, когда рассветет, чтобы можно было продолжить поиски. Ее мать надеялась, что Олеся заблудилась в лесу, но у меня холодело сердце, когда я вспоминала ее последние слова о деле, в которое, наверное, не стоило ввязываться.

А в восемь утра прибежали до смерти перепуганные дети нашей соседки. Они пошли с дедом за грибами и наткнулись на тело.

Ольга Романовна замолчала, без выражения глядя на светлую поверхность озера, в котором тонули облака.

– Отчего она умерла? – осторожно спросил Сергей.

– Ее ударили сзади по голове тяжелым суком, – ответила женщина, не отрывая взгляда от воды. – Руки у Олеси были связаны, неподалеку валялась пустая пивная бутылка. Когда провели экспертизу, обнаружили, что ее насиловали этой бутылкой. Привезли служебную собаку, надеялись, что она возьмет след, но та вывела к Олесиному дому – очевидно, по ее собственным следам.

– У вас были какие-нибудь версии?

– Ну что вы! Мне было всего семнадцать, меня совершенно уничтожила смерть сестры, и я винила себя в том, что не слушала ее. Если бы только она сказала, куда собиралась идти, если бы только я не была так увлечена собой... И потом, в поселке творилось что-то невообразимое! Говорили о том, что исчезновение двух девчонок – всего лишь прелюдия к убийствам и теперь следует ждать новых. Предсказывали конец света, сумасшедшие шептали об антихристе, здоровые – о маньяке. Наверное, они были ближе всех к истине.

– Простите, что я спрашиваю, но кто был друг вашей сестры?

Ольга непонимающе взглянула на него, и Бабкин вынужден был высказаться откровеннее:

– С кем она спала? Почему о ее парне в деле ничего не говорится?

– А, вот вы о чем... Да потому что не было никакого парня! Олеска умела притвориться тихоней, но на самом деле была немного... – Она замялась. – Пожалуй, немного распушенной. Ее взгляды на секс очень отличались от моих. Знаете, все эти «не давай поцелуя без любви» и прочее к ней не относились. Я почти уверена, что ее последним увлечением был Костя, Костя Одинцов – шофер в администрации.

– Почему вы не рассказали о нем следователю?

– Пожалела его самого и его жену. У них было трое детей. И еще: он уехал накануне вечером в Москву, увез главу администрации. Это совершенно точно. Поэтому я и промолчала. Мне не хотелось усугублять всеобщую панику. Ведь не знали, кого подозревать, понимаете?! Поселок начал сходить с ума. Все косились друг на друга, вздрагивали от малейшего шороха, а кассирша местного сельпо, вернувшись домой после смены, едва не зарубила топором родного брата, который вошел к ней в дом без стука. Постепенно стало ясно, что эта истерия добром не кончится. И в конце концов для собственного спокойствия все решили придерживаться версии, что Олеся попала под руку какому-то психу, случайно оказавшемуся в лесу. А Ленка и Света и в самом деле попросту заблудились, как и полагали поначалу.

– Страусиная тактика...

– Да. В магазинах, на рынке люди вслух уверенно говорили о том, что какой-то психопат сбежал из тюрьмы, об этом рассказывали в новостях, и он-то и есть убийца бедной Олеси. Называли даже его приметы. А потом эти же люди возвращались домой и запрещали своим детям выходить на улицу. Все боялись черного убийцы, который гипнотизирует девочек и убивает их.

– Но больше убийств не было?

Ольга Романовна наконец отвела взгляд от воды:

– Нет. Ни убийств, ни исчезновений.

– У вас есть какое-то объяснение случившемуся? Может быть, какие-то подозрения?

Она отрицательно покачала головой:

– Нет. Я никого не подозревала, только чувствовала, что смертей больше не будет.

– Почему?

– Потому что он испугался. Я убеждена в одном: тот, кто убил Олесю, сделал это не обдуманно, а спонтанно. Может быть, она пыталась убежать от него, он настиг ее и ударил несколько раз тем, что подвернулось под руку? А после, когда тело нашли и поднялась паника, он страшно перепугался, что его вот-вот найдут – и затаился. Мне отчего-то думается, что это был старик.

– Из-за бутылки, – кивнул Сергей. – Напрашивается версия, что это женщина либо немощный мужчина. У Олеси были враги? Завистницы?

– Если бы вы знали, сколько раз меня спрашивали об этом! Я сама понимаю, что это звучит неправдоподобно, но – нет!

– Соседка, ревновавшая к ней мужа? Одноклассница? – продолжал

допытываться Бабкин.

– Таких людей не было. Во всяком случае, мне о них ничего не известно.

Они с Сергеем остановились, пропуская молодую пару, и пока те не отошли, Григорьева молчала. Наконец, убедившись, что подслушать их невозможно, указала на деревянную скамейку чуть поодаль:

– Может быть, сядем?

Они прошли к скамье, и Григорьева почти упала на нее, словно рассказ лишил ее сил.

– Что же было дальше? – спросил Сергей, помолчав.

– С расследованием убийства Олеси – ничего. Прошло время, и к ее смерти привыкли. О ней не забыли, но стали говорить как о чем-то само собой разумеющемся, как бы дико это ни звучало. Как если бы в истории каждого поселка обязательно должна была присутствовать убитая девственница. – Голос Ольги Романовны зазвучал издевательски и жестко. – Что-то вроде жертвоприношения.

Она подняла палку и бросила в озеро с неожиданной силой. Палка, не долетев совсем чуть-чуть, упала на песок и покатилась к воде.

– А с вами? – спросил Бабкин, заинтригованный ее историей.

– Ох, со мной... Две недели спустя после смерти Олеси в Вязники приехала мама Ильи. Ее визит преследовал одну-единственную цель: стереть меня из жизни ее сына. За эти две недели мы виделись с ним единственный раз! Меня никуда не выпускали, но я сбежала из дома, потому что должна была сказать ему об этом.

– О чем? – не понял Сергей. – О чем сказать, Ольга Романовна?

* * *

1988 год, поселок Вязники

– Мама, она беременна, – убитым голосом пробормотал Илья.

– Что?!

Мария Федоровна обернулась и окинула его недоверчивым взглядом:

– С чего ты взял?

– Она сама сказала... – Илья боялся поднять глаза на мать. – У нее задержка... две недели.

Как только до Марии Федоровны дошел смысл сказанного, она едва не задохнулась от бешенства:

– Ты... О боже мой! Ты идиот! Кретин! Позволил развести себя какой-

то деревенской шлюшке!

– Мама!

– Что «мама»?

– Она не то, что ты сказала! Она очень хорошая!

– Хорошая?!

– Да! Ты просто ее не знаешь. Она не такая, как остальные, честное слово.

Мария Федоровна на секунду потеряла дар речи, а затем разразилась издевательским смехом. Отсмеявшись, промокнула глаза платком и взглянула в зеркало, не осталось ли потеков от туши. Лицо должно выглядеть безукоризненно, особенно здесь, среди женщин, у которых любимый цвет помады – «розовый перламутр». Розовый перламутр, господи боже мой...

Мария Федоровна достала из косметички тюбик с французским «блеском» и поправила губы.

– Вот что, мой милый сын, – сказала она почти спокойным голосом. – Ты феноменально туп для мальчика с твоими генами! Но я все же попробую тебе кое-что растолковать. Для местных девочек, которые теряют невинность с местными же трактористами в двенадцать лет, ты – не более чем дурачок с московской пропиской. Именно твоя прописка делает тебя вожделенной добычей. Ты глуп, наивен, у тебя дикие представления о порядочности – в общем, ты именно то, что им нужно. Самая верткая и ухватистая из них затащила тебя в постель. Что ж, я даже одобряю этот опыт. В конце концов, ты почти взрослый мальчик, у тебя есть физиологические потребности, которые нужно удовлетворять. Прости, но если тебе захочется помочиться, я не буду придавать значения тому, справляешь ли ты нужду в фаянсовый унитаз или нависаешь над дырой привокзального сортира. Моя аналогия тебе ясна? Твоя подружка – это дырка, которую до тебя использовали несколько десятков человек. Прости, дорогой, но я вынуждена говорить это, чтобы у тебя не было иллюзий на ее счет.

Илья стоял, словно окаменев. Лицо у него горело.

– Это неправда, – еле выдавил он, ненавидя мать в эту минуту – за издевки, за ее хладнокровие и превосходство.

– Что неправда? – насмешливо осведомилась Мария Федоровна.

– У нее никого до меня не было.

– Это она тебе сказала?

– Это я сам видел, – Илья первый раз за все время разговора поднял глаза на мать.

– Хорошо, пусть так. Не стану убеждать тебя в том, что неглупой девочке легко было бы обмануть тебя, потому что ты, Илюша, лопух по этой части. Бог с ней и с ее выдумками. Я даже не стану задавать тебе вопросов о том, как ты мог не предохраняться, хотя первое, что ты сделаешь по возвращении – отправишься к доктору и сдашь анализы. А что ты смотришь на меня так удивленно? Гонорея и сифилис, дружок, сейчас лечатся, так что не переживай раньше времени. Но в свете открывшихся фактов у меня к тебе другой вопрос: скажи мне, Илья, что ты хочешь от меня?

Григорьев вопросительно посмотрел на мать.

– Ведь ты же не просто так рассказал мне эту душеспитательную историю, – пояснила Мария Федоровна. – Ты на что-то рассчитывал. На что?

– Я ничего не рассказывал, – угрюмо напомнил Илья. – Тебе Ванькин дядя позвонил.

– Нет-нет, я не об этом. Александр все правильно сделал, он обязан был меня предупредить. Я о твоих трогательных попытках представить передо мной все дело в таком виде, будто бы два любящих сердца устремились друг к другу.

– Она беременна, – тупо повторил Илья, совершенно уничтоженный сарказмом матери.

Мария Федоровна поощрительно щелкнула пальцами:

– Кстати, ты хорошо сделал, что сказал мне об этом. Уж не знаю, мнимая ли ее беременность или настоящая, с этим мы разберемся...

– Не надо ни с чем разбираться, – перебил ее сын. – Я сам! Я сам все исправлю.

– Каким же образом, позволь спросить?

– Я на ней женюсь, – серьезно ответил Илья.

Мария Федоровна вытаращила на него глаза:

– Ты в своем уме? – отдельно спросила она. – Что ты несешь?

– Я должен, – настаивал юноша. – Это вопрос порядочности. Она ждет ребенка, и если я ее сейчас брошу...

Мария Федоровна хлопнула по столу с такой силой, что Илья вздрогнул и замолчал.

– Все, хватит! – ледяным тоном скомандовала она, испепелив сына взглядом. – Закрой рот. Я не в силах больше слушать эту дичь! Иди в свою комнату и не смей никуда уходить, ясно?

Илья, понурившись, вышел из комнаты. Оля очень нравилась ему. Он так и не понял до конца, почему мать пришла в бешенство, даже не видя ее,

и утешал себя мыслью, что, быть может, девушка ей понравится. Конечно, им сейчас рановато рожать ребенка, но если Оля готова...

Мария Федоровна проводила его взглядом, исполненным глубочайшего презрения. Ее единственный сын вырос красивым мальчиком, но при этом до того обделенным жизненной смекалкой, что Григорьева только диву давалась: откуда в их семье такое взялось? Откуда эта старомодность, эти анекдотические представления о порядочности?

«Жениться! – фыркнула про себя Мария Федоровна. – Боже мой, страшно представить, на что он способен, если пустить дело на самотек. Я-то полагала, что приличная партия не понадобится раньше, чем через четыре года! А тут...»

При мысли о девчонке Мария Федоровна снова пришла в бешенство. Наглая деревенская тварь! Ничего, они поговорят с ней по душам, и дурочка сама поймет, что от семьи Григорьевых ей лучше держаться подальше.

Все полы в доме Шведовых устилали ковры. Осторожно ступая по ним, словно опасаясь испачкать босыми ногами, Ольга прошла несколько шагов и остановилась.

Возле окна курила высокая женщина в черной рубашке и белой юбке. «А на ногах-то – туфли», – заметила Оля, удивляясь, зачем в доме носить уличную обувь. Туфли же! Их только на выпускной, или на торжество в кафе... Дома должны быть тапочки.

– Здравствуйте! – негромко сказала она.

Женщина обернулась к ней, окинула неторопливым взглядом с головы до ног. Стройная, почти худая, с красивым властным лицом, таким белым, что оно казалось присыпанным мукой, она напомнила Ольге какую-то актрису. И держалась так, словно вокруг была полная комната зрителей. Оля даже украдкой бросила взгляд по сторонам: нет ли здесь кого-нибудь, кроме них?

Но они были одни.

Стулья предусмотрительно вынесли из комнаты, сама же Мария Федоровна опустилась в низкое кресло возле окна. Оле сесть не предложили, и она осталась стоять, вытянув руки по швам.

– Значит, это с вами переспал мой сын... – понимающе протянула Григорьева, не ответив на приветствие. – М-да... Я предполагала у него наличие большего вкуса.

Мария Федоровна слукавила. Девушка, стоявшая перед ней, при первом же взгляде поразила ее красотой. Одета в длинное серое платье

монашеского вида, с черной траурной косынкой на голове, она строго смотрела перед собой, и губы ее были крепко сжаты. Лицо казалось слепленным в одном порыве вдохновения талантливым скульптором, который не отвлекался на мелочи, не копался подолгу над каждой деталью, а быстрыми, почти небрежными движениями сформировал высокие скулы, наметил размашисто надбровные дуги над большими глазами, вылепил губы, верхнюю сделав чуть шире нижней – чтобы была хоть одна неправильность. И остановился.

Подумав, Мария Федоровна нашла, к чему придраться. Девушке катастрофически не хватало изящества и аристократизма. «Простушка, – удовлетворенно определила Григорьева. – И взгляд жесткий, цепкий. Жадина ты, милочка. Хапуга деревенская, хоть и красивая».

Поскольку Ольга продолжала молчать, Мария Федоровна продолжила:
– Я слушаю вас, милая моя.

И сделала эдакий легкий разрешающий жест рукой: говорите, мол, не стесняйтесь.

– Что вы слушаете? – удивилась девица.

«Вдобавок туповата, – мысленно отметила Григорьева. – Голос некрасивый, хриплый, будто прокуренный. Хотя отчего же „будто“? Они, наверное, и впрямь здесь все смолят лет с десяти».

– Ведь зачем-то же вы пришли, правда? – с брезгливой усталостью уронила она. – Так излагайте.

– Это вы меня позвали, – напомнила девица. – Я не собиралась к вам приходиться.

Аккуратно выщипанные брови Марии Федоровны полезли вверх:

– Так вы хамка, моя дорогая? Прелестно, прелестно. Ну скажите же что-нибудь еще, чтобы ваш образ сложился полностью!

– Я пришла к вам в гости, – ровно сказала девица. – Вы тут хозяйка. Вот только сесть мне не предложили. А сами сидите. Так кто из нас хамка, я или вы?

Повисло молчание, которое можно было бы назвать неловким, если бы в нем не проявлялись так явственно предвестники надвигающейся грозы. Мария Федоровна едва заметно порозовела скулами. Для всех членов ее семьи этот признак служил бы сигналом к побегу, но Ольге он не сказал ровным счетом ничего.

– Здесь некуда садиться, как видите. Или вы хотите занять мое место? Может быть, мне встать, чтобы вы могли отдохнуть? – осведомилась Мария Федоровна. – Неужели вам в вашем положении уже тяжело стоять?

Она откровенно усмехнулась.

– Нет, не тяжело. Срок еще слишком маленький, – ответила Ольга.

– Ну-ну, милая моя, не нужно этого бессмысленного вранья, – пожурила Григорьева. – Вы можете вешать лапшу на уши Илье, а пытаться проделать это со мной – опасное занятие. Я ведь могу устроить вам врачебный осмотр, и тогда ваша ложь станет очевидной всем, а не только мне.

– Устраивайте, – пожала плечами Ольга.

Мария Федоровна решила зайти с другой стороны.

– Оленька, мы ведь с вами обе – женщины, – доверительно сказала она. – Вы знаете, что я все понимаю, и я знаю, что вы это знаете. Вы выбрали не того мальчика для шантажа. От нашей семьи вам ничего, кроме неприятностей, ждать не придется. Давайте договоримся по-хорошему и разойдемся мирно.

Мария Григорьева при желании могла быть очень убедительной.

– Вы хотите мне денег предложить? – догадалась Ольга.

– Я предлагаю вам решить все к взаимной пользе, – деликатно уклонилась от прямого ответа Мария Федоровна.

Девушка молчала. Приняв ее молчание за согласие, Григорьева заговорила о сумме, но остановилась, поняв, что ее не слушают.

– Милая, вы еще здесь? – раздраженно позвала она.

Ольга вскинула на нее серые глаза:

– Еще здесь, ага. Только мне уже пора. Вы меня извините...

– То есть как – пора? – не поняла Григорьева.

– А так. Деньги ваши мне ни к чему. Так что я пойду?

Ольга сделала движение в сторону двери, собираясь выйти, и Мария Федоровна вскочила с кресла в ярости:

– Куда это вы собрались, милая моя? У меня с вами разговор еще не окончен!

– Так заканчивайте, – невозмутимо сказала Ольга. – А то у меня еще дел много. Мамке надо помогать.

Она встретила злой взгляд Марии Федоровны и выдержала его, не отводя глаз. Прочитать по лицу девицы, что творится в ее душе, Григорьева не смогла, и поняла, что действовать нужно иначе.

– Что ты хочешь? – резко спросила она, сбрасывая маску дипломата европейской страны, договаривающегося с папуасом, увешанным акульими зубами. – Давай, говори. Не притворяйся наивной чукотской девочкой. За Илью выйти замуж? Я тебя разочарую, девочка: ничего из этой затеи не выйдет. Останешься здесь с пузом на посмешище всего села. И себя опозоришь, и семью. Ты матери-то говорила, что тебя обрухатили?

Ольга покачала головой – то ли в знак отрицательного ответа, то ли сожалея о том, как быстро Мария Федоровна перешла на другой язык.

– Думаешь, она обрадуется? А твой отец? Представь, что тебя ждет.

Ольга что-то проговорила себе под нос, и Григорьева, не расслышав, переспросила:

– Что?

– Я выйду замуж за Илью, – громче сказала девушка.

В голосе ее было столько уверенности, что Мария Федоровна даже опешила. И только спустя минуту весело рассмеялась:

– Нет, не выйдешь.

– Выйду, – повторила Ольга без улыбки. – Он меня любит. И я его люблю. У нас будет ребенок. Я не откажусь от Ильи, даже если вы станете меня пытаться.

Последняя фраза, высокопарная по сути, прозвучала очень просто и вместе с тем серьезно, как будто Ольга и впрямь не исключала такой возможности.

Улыбка растаяла на лице Марии Федоровны.

– Через мой труп, – прошипела она, наклонившись к девице. Казалось, ярость ее заполнила все пространство небольшой комнаты, вытесняя насупленную девушку в черном платке. – Ты, сельская подстилка, рожей не вышла, чтобы стать женой Ильи Григорьева! Любит она его! Ты квартиру его московскую любишь, а не моего мальчика!

– Вам ругаться не идет, вы слишком красивая, – заметила Ольга. – А на вашу квартиру мне начхать. Я согласна с Ильей в любой помойке жить, да вообще где угодно! И он со мной тоже. Вы его спросите: хочет он от нас с малышом откупиться или нет? А то вы за своего сына все порешали, только его спросить забыли.

– Нет у тебя пока никакого малыша, не блажи! А Илья хочет вернуться в Москву и жениться на образованной умной девушке! А не на такой, с которой стыдно в булочную выйти!

– Ничего, это только поначалу стыдно, – парировала девица. – А потом ему будет приятно, что его женой любят. А с образованием вы мне поможете, чтобы не краснеть за меня потом.

От такой наглости Мария Федоровна остолбенела и не нашлась что сказать. Она?! Поможет этой замарашке?!

– Вы из меня конфетку сделаете, – с глубокой уверенностью продолжала Оля. – А я за это вам и вашему сыну по гроб жизни благодарна буду. Не изменю никогда, на другого мужчину не посмотрю. И дом у меня будет чистый, убранный, и еда всегда свежая и вкусная. И ребеночка я рожу

здорового, у нас в роду все здоровые...

Она расписывала их совместное будущее, рисуя обоюдные выгоды от брака с Ильей, а Мария Федоровна, ужасаясь ее диким несбыточным планам, все никак не могла подобрать слова, чтобы остановить этот поток фантазий. Первый раз в жизни она столкнулась с волей, превосходившей ее собственную. Никто – ни муж, ни сын, ни подруги, ни враги – никто не мог спорить с ней и одержать верх, если Мария Федоровна этого не желала. Она всегда добивалась своего, всегда!

Но только не теперь.

Эта девочка в траурном платке выглядела как фанатик, и глаза ее горели исступленным огнем. Марии Федоровне стало не по себе.

«Бог ты мой, да она сумасшедшая! – мелькнуло у нее в голове. – Натурально, поехала крышей на Илюшке! Потому ей и денег не надо, и осуждения не боится... Одержимая, вот кто! Ее лечить надо, а не деньги предлагать!»

– Ты за моего сына замуж не выйдешь, – отрезала Григорьева. – И нечего мне тут фантазировать. Все, пошла домой, к маме.

– Выйду, – тяжело уронила в ответ Ольга. – И вас не спрошу. Хотите сына потерять? Ну так помешайте ему на мне жениться.

* * *

– Мы расписались в сентябре, – закончила Ольга Романовна. – В конце февраля родился Алешка. А дальше началась уже совсем другая история, и я не стыжусь признаться, что она счастливая. Но те события, смерть Олеси – они как проклятие, висящее надо мной. Только после случая с Катей я поняла, что подсознательно все время ждала чего-то в этом роде. А теперь, – она умоляюще взглянула на Сергея, – разуверьте меня, прошу вас! Скажите, что я все придумала, что все это бабские глупости!

Бабкин хотел что-то ответить, но тут позади них раздался хруст веток, и из леса вынырнул жизнерадостный, атлетического вида мужчина лет сорока.

– Ах, вот ты где! – обрадованно крикнул он привставшей Ольге Романовне, лицо которой просветлело при виде его. – А я тебя везде ищу!

Он подошел поближе, комично высоко поднимая ноги в брюках, чтобы не порвать их в колючих стелющихся зарослях.

– Решил, Оля, смыться с работы пораньше на этот раз. Здравствуйте! – Мужчина пожал руку Сергею. Рукопожатие получилось крепкое,

«врачебное». – Илья!

– Сергей. Очень приятно.

– Я только что рассказывала о тебе, – с нежностью сказала Ольга Романовна.

– Что-нибудь компрометирующее, надеюсь? – Илья довольно хохотнул. Бабкин подумал, что перед ним человек, который часто смеется без видимой причины, просто от избытка довольства жизнью и собой.

– На тебя при всем желании не найдется компромата, – отшутилась она.

– Тогда признавайся, о чем ты сплетничала?

– Так, беседовали о наших «рассветных» делах. – Григорьева глазами показала Сергею, чтобы он молчал. – Об Алексее еще немного. Женщины всегда сворачивают на тему о своих детях, хотя это никому, кроме них, не интересно.

– Да что о нем беседовать, о прохвосте? Уехал в Германию на стажировку и звонит раз в неделю, поросенок!

Бабкин подумал, что их сын похож на отца: такой же большой, жизнерадостный, веселый парень.

– Сергей, если у вас будут еще вопросы...

– Да-да, если будут еще вопросы, – перебил ее муж, – например, о том, когда в столовой начнут готовить борщ, а не щавелевую жижу, по недоразумению называемую супом, обязательно напишите об этом в жалобной книге! А лучше – пожалуйте лично, я вас прошу. Меня она последние двадцать лет совершенно не слушает!

– У нас пансионат, пропагандирующий здоровый образ жизни, а не обжираловку! – горячо возразила Ольга Романовна. – А если повара будут готовить по твоему вкусу, у гостей разовьется ожирение. Ты бы только пельмени и ел, дай тебе такую возможность!

– Не вижу ничего плохого в пельменях. Если полить их сверху майонезом и кетчупом...

– Ну все, прекрати! – потребовала Григорьева. – Сергей, не обращайтесь на него внимания, Илья это не всерьез. Он меня дразнит, зная мою нелюбовь к подобным продуктам.

– О да, тебе бы лишь оливковым маслом полить корочку хлеба! В то время как другим необходимо что-нибудь более основательное.

Бабкин подумал, что еще одна реплика о еде, в частности, о пельменях с майонезом и кетчупом, – и он взвывает. Но тут Ольга Романовна, извинившись, сказала, что им пора идти, и оба попрощались.

Но не успели они отойти на тридцать шагов, как она вернулась почти

бегом и, запыхавшись, выговорила:

– Послушайте, я кое-что забыла. Не знаю, пригодится ли вам, но здесь живет еще один человек, который был свидетелем тех ужасных событий в Вязниках.

– Кто?

– Его зовут Олег Чайка, он родственник нашего учителя биологии. Того самого, в дом к которому я забралась за дневником.

– Он сейчас в пансионате? Как его можно найти?

– О, – усмехнулась Ольга Романовна, – очень просто. Олег живет не совсем в пансионате – его семье принадлежит большой дом...

– На берегу озера? – закончил Бабкин, догадавшись, о чем идет речь.

– Да. Так вы знакомы с Олегом?

– Ни разу с ним не встречался.

– Если встретитесь, расспросите его. Он младше меня, и, думаю, многое должен помнить под другим углом зрения. Правда, он человек со странностями, но это проявляется лишь изредка. Удачи!

Она догнала мужа, прижалась щекой к его плечу, и рука об руку они пошли к главному корпусу. Глядя им вслед, Бабкин подумал, что видит перед собой счастливую любящую пару. Потом вспомнил, что находится в пансионате, пропагандирующем здоровый образ жизни, и помрачнел: чертовски хотелось есть, а от предстоящего обеда ничего съедобного (в понимании Сергея) ожидать не приходилось.

* * *

– Лилия! Лилька! Где она?!

– Как сквозь землю провалилась...

– Клара взбесится!

– Это точно... Может, даже...

Обрывки разговора едва доносились до меня, и окончание я уже не слышала: крышка погреба закрылась за мной, погружая пространство в безмолвие. Только мое дыхание слышалось в ледяном подвале, холод которого с недавних пор казался мне не могильным, а свежим. Я спускалась вниз с радостным предвкушением, словно пловец, готовящийся к погружению и ощущающий, как вода поднимается все выше и выше: от щиколоток к коленям, и вот она уже касается рук, обхватывает плечи стылым шарфом. Один фонарь был в рюкзаке, второй, запасной, всегда оставался на полке в погребе, рядом со стеклянными банками,

наводившими на меня поначалу такой ужас.

Туннель я изучила при первой же возможности, пройдя его весь с мощным фонарем, который догадалась закрепить на голове. Но моя попытка найти второй выход окончилась неудачей: неподалеку от того места, где я провалилась в туннель, галерея была обрушена. Я мужественно пыталась раскопать завалы, но быстро поняла, что это совершенно невозможно сделать в одиночку, да и вряд ли возможно вообще.

Стало ясно, что остатки некогда длинного, по всей вероятности, прохода нынче всего лишь соединяют погреб с холмом в лесу. Я искала ответвления, но стены были заложены плотно, и на всем протяжении подземелья мне не удалось найти и намека на скрытые двери.

Я осторожно расспросила доктора и узнала, что время основания крепости датируется шестнадцатым веком, а вот об ее исчезновении почти ничего не известно. Вероятно, она постепенно пришла в запустение, время и люди превратили ее в руины, а стихии понемногу разметали и уничтожили то, что уцелело.

– Неужели совсем ничего не сохранилось? – огорчилась я.

– Совершенно ничего. Вероятно, и крепость была небольшой, и место для нее оказалось выбрано стратегически неправильно, отчего она не могла выполнять свою роль. Одно время я подозревал, что холмы в лесу, нетипичные для данной местности, могли быть оставлены нашими далекими предшественниками. То есть они не природного происхождения!

– И что же? – с забившимся сердцем спросила я. – Нашли подтверждение этой гипотезе?

– Сколь ни печально, не нашел. Я попытался раскопать парочку, выглядевших наиболее многообещающими, но потерпел фиаско. Земля и глина, глина и земля, и ни намека на захоронения.

При этих словах доктор вздохнул тяжело, а я – облегченно.

– Пришлось мне, Лилечка, признать, что это не курганы и что от крепости действительно остались лишь краткие упоминания в местных летописях. Но отчего вы, дорогая моя, вдруг проявили такой интерес?

Мне показалось, что Леонид Сергеевич ожидает моего ответа с чувством, более сильным, чем простое любопытство.

– Меня всегда интересовала история, – соврала я, стараясь не краснеть. Доктор – приятный человек, любезный и участливый, и мне неловко обманывать его.

– Ну-ну, – неопределенно пробормотал Леонид Сергеевич, и я торопливо попрощалась с ним, надеясь, что он тут же забудет, о чем мы с ним говорили.

Но, идя к дому, чувствовала, что он не спускает с меня глаз, и пожалела о своих распробах.

Шестнадцатый век... Трогая каменную кладку, я испытывала благоговение перед людьми, строившими тоннель: творение их рук (пусть и не все, а его небольшая часть) пережило такую бездну времени и осталось практически в первозданном виде.

Каждое утро, уловив подходящий момент, я срывалась из дома и исчезала. Клара Ивановна лишь на второй день спохватилась, что вместо четырех подопытных кроликов перед ней машут ушами трое, и, как только я вернулась, резко спросила, где я шляюсь.

Я объяснила, что гуляла по лесу. Это было не так уж далеко от истины. Наверняка Клара запретила бы мне это невинное развлечение, но тут вмешался Олег и сыграл мне на руку: скорчив такую физиономию, как будто его заставили съесть лимон, он осведомился, кто позволил мне уходить без предупреждения. Клара Ивановна, не упускающая ни одного шанса столкнуть нас всех между собой, незамедлительно вмешалась и отчитала Олега, сказав, что отныне я могу уходить куда угодно и сколь угодно надолго.

– Может быть, у нее в лесу любовник! – с самым ехидным видом предположила Клара, исподтишка наблюдая за реакцией моего мужа. – И наша скромница Лиля бегает на романтические свидания. Идите, деточка, идите. А ваш супруг останется здесь, он мне нужен. Ах, Олежек, не делайте такие страшные глаза: у вас будет лишний козырь при разводе, чтобы оставить себе ребенка!

Она рассмеялась своим визгливым смехом, прежде звучавшим в моих ушах в точности как скрежет металла по стеклу. Но странное дело: теперь ее слова задевали меня куда меньше, чем прежде. Еще неделю назад, услышав что-то похожее, я полностью теряла самообладание и чувствовала себя такой же беспомощной идиоткой, как много лет назад, когда была ребенком и мать в очередной раз комментировала мой унижительный провал.

С того дня, как я самостоятельно пробралась через подземный ход, ничего не сломав и не обрушив по дороге, не осталась лежать там под завалами земли, и к тому же справилась с хитрой дверью, во мне появилось новое чувство. Я не знала названия ему. Если представить, что в темной душной квартире с плотно задернутыми шторами в одной из дальних комнат открыли форточку и вашей щеки неожиданно коснулся теплый весенний сквозняк, несущий отголоски запаха пожара на склонах оврагов, это будет примерно то, что я ощущала.

И еще – шалаш! Мой чудесный лесной домик, в котором можно проводить часы, не опасаясь, что кто-нибудь подкрадется бесшумно и рявкнет над ухом, наслаждаясь произведенным эффектом. Олег очень любит такие шутки. А Клара Ивановна не разрешает никому из нас закрываться в своих комнатах, чтобы всегда знать, чем мы занимаемся. Иногда она делает обходы даже по ночам: как-то раз, открыв глаза, я увидела ее стоящей возле нашей кровати с лампой в руке и чуть не вскрикнула от страха. С тех пор отвратительное чувство преследует меня: кажется, я не могу сделать ничего, чтобы за мной не следили внимательные насмешливые глазки.

Но здесь, в шалаше, я сплю как младенец и возвращаюсь домой отдохнувшая и спокойная. Лидия, кажется, тоже заподозрила, что у меня любовник, и попыталась следить за мной. Но она наделала столько шума, что Клара грозно окрикнула ее из дома и спросила, зачем она вытаптывает огород. Пока Лидия стояла, замерев в муках рождения очередного стихотворения, я успела скрыться.

Сегодня с утра просыпался мелкий дождь – первый за этот солнечный август, и мое убежище пахнет мокрой травой и отсыревшими ветками. Я, как белка, тайно перетащила сюда из подвала множество полезных вещей и теперь лежала на сухой телогрейке, наслаждаясь принесенной из дома книжкой. Это невинное удовольствие, чтение, Клара Ивановна категорически не одобряет, и дома я вынуждена подчиняться ей. Но здесь МОЙ дом, и никто не может мне помешать.

Стоило мне подумать об этом, как до меня донеслись голоса. Я вздрогнула и тихонько отложила книгу. Возле малинника проходит широкая тропа, но до сих пор я не видела и не слышала никого, кто ходил бы по ней. Удивление сменилось страхом, когда в одном из голосов я совершенно определенно узнала голос Олега.

Как странно... Мой муж – нелюдим, он почти не выходит из дома. Вокруг живописные пейзажи, но он говорит, что ему не нужна натура, и предпочитает работать на веранде. С начала лета у него накопилось два десятка видов Светлого озера, но нет ни одной картины с соснами. И вот теперь он здесь, в лесу, далеко от пансионата... Что привело его? И кто с ним?

Прижавшись к земле, напроць забыв о своей неуклюжести, я поползла, точно индеец, по скрытой в малиннике тропе. Стоило задеть куст, и сверху на меня обрушивались тяжелые холодные капли. Земля подо мной раскисла от сырости, и ладони утопали в ней, оставляя глубокие отпечатки, но мне было не до того, чтобы обращать внимание на такие пустяки.

У меня возникло страшное подозрение, что они ищут меня. Выследили, догадались, куда я сбегаю от них, и вот подобрались с другой стороны, обложили и неспешно приближаются, посмеиваясь, предвкушая мое унижение и растерянность.

Но стоило Олегу продолжить разговор, как я убедилась, что эти подозрения беспочвенны. Он пришел сюда не за мной.

– ...и не надейтесь. Думаете, я такой дурак?

Его собеседник ответил что-то, но так тихо, что я не узнала его голос.

– Все у нотариуса, подписанное и заверенное. Если меня убьют, письмо отправится по адресу. А потом – другое, для подстраховки. Так что я бы на вашем месте берег меня как зеницу ока.

Господи, с кем он разговаривает?!

А мой муж развязно продолжал, не догадываясь, что в пяти шагах от него я жадно ловлю каждое слово:

– Плата не так уж высока. Радуйтесь, что у меня скромные запросы. И не пытайтесь больше никого натравить на меня, это ничем хорошим для вас не закончится.

Да кто же, кто это?! И о какой плате идет речь?

Задержав дыхание, взмолившись о том, чтобы не выдать себя неосторожным движением или звуком, я преодолела еще метр и припала к земле, пытаясь увидеть лицо собеседника Олега. Но густые ветки и бурелом мешали мне, и все, что удалось разглядеть, – это чьи-то ноги в джинсах, заляпанных грязью, да перепачканные черные ботинки.

Кусты зашевелились, и совсем рядом со мной прошел мой муж, бросив напоследок:

– Берегите себя. И меня тоже.

Человек, с которым он пришел, потоптался на месте и вдруг начал насвистывать. В тихом мокром лесу его свист звучал как пение только что проснувшейся птицы, немного огорченной тем, что ее гнездо промокло под дождем. Человек насвистывал довольно беззаботно, и это больше всего испугало меня.

Больше, чем их встреча рядом с моим укрытием. Больше, чем слова моего мужа, из которых явственно следовало, что он шантажирует его. Даже больше, чем намек на возможное убийство.

Ибо в этой беззаботности таился приговор. Что бы ни придумал мой муж, чем бы ни хотел он утратить этого человека, у него ничего не получилось. Егоужепереиграли.

Продолжая небрежно посвистывать, человек в испачканных грязью ботинках направился следом за ушедшим Олегом. Больше всего мне

хотелось выскочить, как чертик из табакерки, чтобы узнать, кто же он такой, но мне было страшно. Вдруг он обернется и заметит меня? Поэтому я сидела в малиннике, дрожа и чувствуя, как за шиворот мне стекают капли, и рискнула вылезти лишь несколько минут спустя. Конечно, к тому времени было слишком поздно: человек уже скрылся в лесу.

Возвратившись в шалаш, я принялась бессмысленно перекидывать вещи с места на место и опомнилась только тогда, когда осознала, что зачем-то пытаюсь вырвать из земли пучок травы, чтобы запихать его в рюкзак. Подслушанный разговор не шел у меня из головы. Что предпринять? Поговорить с Олегом? Муж ничего не скажет мне. Попытаться самой узнать, с кем он встречался? Но как?!

Раздумывая над всем этим, я прижала несчастный, почти вырванный кустик к земле и вдруг ощутила под пальцами холод металла. В первую секунду я в страхе отдернула руку и чуть не вскрикнула: почему-то (должно быть, под влиянием услышанного) мне тотчас пришло в голову, что я наткнулась на пистолет. Немного успокоившись, я заставила себя рассуждать логически. Что плохого может причинить мне оружие, долгие годы провалявшееся в земле? Да и вряд ли охотник, построивший шалаш, случайно обронил здесь свое ружье – наверняка это просто ржавая железяка, в которой уже и не опознаешь, чем она была при жизни.

Ладонью я аккуратно расчистила землю, и открылась крышка железной коробки с выпуклыми буквами. Она и впрямь проржавела, краска давно слезла с нее, а в углу ржавчина разъела металл почти до дырки, но это была целая коробка, в которой много лет назад хранили печенье или, может быть, чай.

Опасаясь, что коробка развалится под нажимом, я приступила к раскопкам. Многострадальный кустик все же пришлось вырвать, иначе она никак не хотела выниматься из земли, но скоро старое ржавое сокровище оказалось в моих руках.

Крышка крепко пристала к основанию, но я счистила ножом рыжий слой, похожий на коричневую накипь, и смогла острием поддеть ее. Крышка, треснув, приоткрылась, и я увидела сокровища, которые она хранила.

Два тюбика вишневой помады, источавшей довольно гадкий запах, старая тушь в коробочке, напоминающая ваксу (точно такая же стояла на полке перед зеркалом у моей бабушки), помутневшее зеркальце, расческа, вырезки из старых журналов с фотографиями Алена Делона и неизвестного мне красавца со сросшимися бровями... И свернутый вчетверо листок из школьной тетради, лежащий у стенки.

Я бережно развернула его, опасаясь, что он рассыплется в прах у меня в пальцах, но бумага лишь чуть пожелтела сверху да покрылась чем-то бурым, как обгоревшая, с той стороны, где соприкасалась с коробкой. Листок был исписан крупным полудетским почерком с ровным наклоном:

«Я боюсь тебе писать потому что мне страшно, будто ты думаешь обо мне плохо. Пожалуйста, не думай! Я знаю что не должна тебе писать такие слова потому что это неправильно, но мне все равно.

Я тебя люблю. Я тебя очень-очень сильно люблю. Наша ночь это самое лучшее что было в моей жизни. Даже если ты так не считаешь то это все равно так.

Я не знаю что написать тебе еще, потому что мне очень много всего нужно тебе сказать. Нам надо встретиться но только если ты хочешь. Я не хочу чтобы ты думал будто я теперь буду липнуть к тебе везде и говорить что ты мой парень. Если нет то скажи мне об этом и я просто буду любить тебя даже когда ты уедешь навсегда.

Когда я думаю о тебе мне так счастливо!»

В последней строчке буквы уезжали вверх, и «О» получилось радостное, как вырвавшийся на свободу воздушный шарик. Не знаю, что со мной случилось, но я чуть не расплакалась над этим посланием. Господи, какое же дитя писало его? За ошибками, за нескладными фразами я видела трогательную доверчивость и прямодушие, робость и бесстрашие, которым могут похвастаться только любящие. «Я просто буду любить тебя даже когда ты уедешь навсегда». Меня поразило, что ни в одной строчке она не просила любви, только правды. Быть может, это была уловка, к которой неосознанно прибегают девушки, но мне хотелось верить в искренность ее слов.

Выходит, вовсе не охотник приходил в шалаш, а влюбленная девочка! Она написала откровенное письмо, но отчего-то не передала своему избраннику. Застеснялась? Не осмелилась? Или передала, но получила обратно с жестокими и равнодушными словами? А может быть, решила признаться вслух, не на бумаге? Пускай будет так. Правды мне все равно не узнать, так лучше предполагать самое лучшее. Они жили долго и счастливо и умерли в один день.

Прикосновение к чужой влюбленности, пусть детской и далекой, заставило меня на время забыть обо всем, что случилось. Я спрятала

письмо в карман, собрала рюкзак и выбралась на то место, откуда меньше часа назад разошлись Олег со своим врагом. Следы вели в одном направлении, но ближе к озеру терялись в траве. Мне ничего не оставалось, кроме как пойти домой и покорно принять наказание от Клары Ивановны за длительную отлучку.

Но, к моему удивлению, скандала не случилось. Никто даже не вышел мне навстречу: все сидели по своим комнатам, как будто дождь, предвестник близкой осени, распугал их. Постояв у входа, я поняла, что не в состоянии сейчас видеть мужа, и снова вышла на крыльцо.

Вокруг озера прогуливался наш старенький доктор, что-то выискивая в воде возле берега. Я подумала, не поделиться ли с ним подслушанной тайной, но покачала головой: нет, Леонид Сергеевич не годился на роль наперсника. Доктор далеко не так прост и чудаковат, как хочет казаться, и, похоже, у него у самого за пазухой мешочек с секретами.

Лидия? Григорий? Нет, только не они! Лидия раскудахнется, ничего не поняв, а Григорий широко улыбнется и скажет извиняющимся тоном, что это не его дело. И будет совершенно прав.

О том, чтобы поговорить с матерью или тетей, не могло быть и речи. Они мне попросту не поверят! И обязательно передадут наш разговор Олегу, присовокупив, что ему нужно хорошенько присматривать за мной.

За домом послышались шаги, и из-за угла вышла Клара Ивановна в дождевике, сжимая в руках длинные стебли вырванной с корнем мяты.

– Что вы тут стоите? – отрывисто спросила она, явно недовольная встречей. – Что, дома мало дел? Ступайте, ступайте!

Мне с большим трудом удалось сдвинуть себя с места. Я зашла в дом, будто зачарованная, ничего не видя, потому что перед глазами у меня стояли забрызганные до колен джинсы Клары Ивановны и ее грязные черные ботинки.

Точно такая же грязь была на кроссовках Олега.

Глава 5

Сергей Бабкин загодя отрепетировал разговор с родственником поселкового учителя и по дороге к дому Гейдмана гадал, кто же из двоих виденных им мужчин – Олег Чайка: чернобородый или же тот, второй, незаметный, появившийся позже и вызвавший гнев их маленькой властительницы в зеленом платье?

Он вышел из леса и замедлил шаг, настороженно разглядывая дом. Сергею показалось, что из-за белой шторы на первом этаже кто-то наблюдает за ним, но стоило ему остановить взгляд на окне, как штора тут же перестала колыхаться и замерла, будто схваченная чьей-то рукой.

Бабкин сделал еще несколько шагов, поднимаясь к крыльцу, как вдруг внутри что-то громко хлопнуло, и тут же раздался визг – истошный, пронзительный, от которого хотелось зажать уши. Вздвогнув, Сергей бросился к ступенькам, но входная дверь распахнулась, и из дома на Бабкина, отчаянно маша руками, вывалилась визжавшая женщина.

Сергей с изумлением узнал в ней ту самую Клару Ивановну, наследницу старого Гейдмана, которая так высокомерно и уничижительно командовала накануне семейным завтраком.

Сейчас от чопорности не осталось и следа: лицо Клары от крика пошло красными пятнами, брови задрались так высоко, будто кто-то тянул их к макушке, из перекошенного рта вырывалось повизгивание пополам с всхлипами. Она сбегала по ступенькам так стремительно, что едва не сбила с ног Сергея, и вцепилась в него с отчаянием человека, повисшего над пропастью.

– Они... Там... Сюда... – задыхаясь, выговорила она, тыча пальцем назад, в сторону дома. – Господи, да помогите же! Они хотят меня убить!

– Кто?! И где они?

– Бегут... бегут за мной! Нет, вы не понимаете, – выкрикнула женщина ему в лицо, собравшись с силами, – они меня ненавидят! Они меня убьют! Они уже здесь!

– Так, спокойно, – приказал Сергей, отцепляя ее пальцы от своей рубашки. – Не надо кричать. Сейчас...

Добавить «разберемся» он не успел: в дверь изнутри ударили, и следом за Klarой на крыльцо выскочили трое, причем первый сжимал в руке топор.

Увидев Бабкина, троица затормозила, и мужчина с топором

остановился, балансируя, на верхней ступеньке.

– Вот он! – взвизгнула сиделка. – Убийцы! Вы видите? Видите?!

– А ну томагавк свой убери, – приказал Бабкин, задвигая женщину себе за спину и прикидывая, что будет делать, если топор полетит ему в голову: вид у преследователей был такой же маловменяемый, что и у жертвы.

Мужчина с топором оказался тем самым чернявым бородатым весельчаком, что играл на завтраке роль шута. Багровый румянец расплзался с его щек на жилистую шею, он тяжело дышал, сжимая обеими руками топорнице. За ним, пыхтя ему в спину, замерли двое: большая носатая женщина, которую полуоткрытый рот делал похожей на крупную курицу, и бледный тонкошей человек, высовывавшийся из-за плеча чернявого, словно змея. Все трое молчали, никак не реагируя на приказ Бабкина, будто испытали потрясение при виде его.

– А-а-а! – вдруг снова забилась сзади в истерике сиделка. – Они убьют меня, убьют! Вы же видите! Они за мной гнались по всему дому!

– Клара Ивановна... – хрипло начал первый, – да вы что, с ума сошли, что ли?

– Убьют! Убьют! – голосила женщина. – Господи, спаси и помилуй, давно они меня прикончить хотели, а теперь добрались!

– Да я вам объясняю... – повысил голос мужчина, но воплей сиделки ему было не перекрыть.

– Нет! Ничего вам не достанется, ясно?! Нищими уйдете из моего дома! Можете убить меня, только себе хуже сделаете!

– Да не собирались мы вас убивать! – разноголосым хором заорали все трое, а бородач добавил: – Если бы собирались, неужели побежали бы за вами на улицу, подумайте сами!

– Слышь, мужик, – миролюбиво сказал Бабкин, не двигаясь с места. – Пока у тебя топор в руках, другие аргументы не прокатят.

– Убийцы! Никуда от правосудия не денетесь! Найдут вас, засудят...

– Да Клара Ивановна, родная вы наша...

– Не смей ко мне подходить! Не смей! Убийцы! Палачи! Изверги!

– А ну цыц! – рявкнул Бабкин, обернувшись. – Прекратите истерику!

Магическому слову «цыц» научила его жена. На женщин старше сорока оно действовало одинаково: они замолкали на полуслове, глаза их затуманивались на несколько секунд, и этого времени должно было хватить, чтобы успеть предпринять следующие шаги, пока объект был полупарализован заклятием.

Клара Ивановна не стала исключением из правила. Она оторопело

замолчала, и Сергей вновь обернулся к троице с топором.

Бородач, не сводя с него глаз, будто опасаясь, что Бабкин вот-вот достанет револьвер и выстрелит, медленно опустил свое оружие вниз и положил на ступеньку так, что лезвие оказалось в воздухе. Сергей тяжело вздохнул.

– Убери его совсем, – посоветовал он. – Не дай бог, наступит кто, останется без пальцев.

– Как? А! Понял! – Мужчина схватил топор и спустился вниз, прижимая его к себе.

Сиделка за спиной Сергея издала невнятный звук, будто протестуя, но Бабкин шикнул, не оборачиваясь, и звук оборвался.

– Так я, это, в сарай его отнесу, – неуверенно предложил бородач. – Чтобы Клара Ивановну он не пугал больше.

– Отнеси, – великодушно разрешил Бабкин. – В сарае ему самое место.

Пока хранитель топора отсутствовал, оставшиеся его товарищи осторожно спустились вниз, но близко подходить не стали.

– Клара Ивановна, – позвал бледный, – ну что же вы сами испугались и нас испугали? А?

– Мы ведь ничего плохого не хотели, – тоном заботливой докторши, успокаивающей буйного пациента, проговорила стоявшая рядом женщина. – Сами не рады, что так получилось.

«Проявляют первые признаки разумности, – решил Сергей. Но дамочка все еще пряталась за ним, словно за стеной, и не собиралась выходить. – Спасибо и на том, что верещать перестала...»

– Наперекор своей судьбе мы с топором пришли к тебе! – внезапно с выражением проговорила черноволосая, просветлев лицом, и сыщик встрепенулся от неожиданности. – Но к нам судьба была добра, лишив нас зла – и топора!

Бабкин понял, что с признаками разумности он погорячился.

Бледный страдальчески сморщился, но промолчал.

– Отринь ты боль, отринь ты страх, прощенья просим мы в стихах! – продолжала женщина.

– Лидия! – не выдержал бледный, но не был услышан.

– Оставь огромного плебея! Иди же, Клара, не робей! – вдохновенно призвала поэтесса, и, к огромному удивлению Сергея, сиделка осторожно выбралась из-за его спины и сделала шаг вперед.

До Бабкина с опозданием дошло, что последняя строка была о нем. «Ужель была судьба добра, вам дав мозгов, как у бобра?» – мрачно срифмовал он, глядя на женщину по имени Лидия.

Явление чернобородого спасло его от следующего стиха.

– Ну слава богу, – с явным облегчением сказал тот, подходя ближе и с опаской косясь на Клару Ивановну, как ни в чем не бывало одергивавшую блузку. – Наше маленькое недоразумение разрешилось, я надеюсь? Нет, все-таки, Клара Ивановна, как вы могли подумать! Да еще и убежать от нас...

Лидия открыла рот – Бабкин заподозрил, что не просто так, а собираясь изложить стихотворную версию произошедшего, – и Сергей решил брать дело в свои руки.

– Так что произошло? – громко спросил он. – Откуда топор? М-м?

Все переглянулись.

– Господи, да ничего особенного, – смущенно сказал маленький бородач. – Даже объяснять смешно. В сарае после дождя разбухла дверь...

– Сосновая дверь, паршивая, – подтвердил бледный.

– Точно, паршивая. И не закрывалась. Я взял топор, чтобы ее стесать, и мы пошли к сараю.

– Втроем? – уточнил Бабкин.

– Нет-нет, – торопливо вмешалась Лидия. – Я ждала снаружи, у туалета.

– Их ждали?

– Их? Боже упаси! – Она окинула его презрительным взглядом. – Вдохновения!

«Подходящее место», – хотел сказать Бабкин, но сдержался. В конце концов, он понятия не имел, в каких неожиданных местах поэтессы черпают вдохновение.

– Я обтесывал дверь снизу, Олег мне помогал, – продолжил чернобородый, – и тут Клара Ивановна в доме закричала. Мы, конечно, побежали туда, а она – то есть вы, Клара Ивановна, простите тысячу раз! – увидела нас и... Тоже побежала. От нас. Идиотская ситуация, честное слово.

Он смешался и развел руками.

Из слов бородача «Олег мне помогал» Сергей сделал вывод, что перед ним тот самый Олег Чайка, которого он искал, и всмотрелся пристальнее в его лицо.

Племянник учителя ему категорически не понравился. Тонкий, словно бескостный – в детстве Бабкина таких дразнили хлюпиками и слизняками – а над ремешком нависает вполне оформившийся животик. По лицу блуждает усмешка, выражения глаз не определить, в руках теребит какой-то замусоленный фантик.

Взглянув на бумажку, Сергей не сразу смог оторвать от нее взгляд. Пальцы Олега то сминали ее, то разглаживали, нежно расправляли края и снова скатывали в трубочку, собирали в комочек – и разворачивали, замирая, слабо подергиваясь, словно в предвкушении того, что ждало внутри. Пальцы шевелились, жили сами по себе, будто независимо от воли хозяина – тонкие, голубоватые, с длинными, как у женщины, ухоженными ногтями.

«Шулер? Фокусник? Пианист?» – Сергей терялся в догадках, глядя на манипуляции, которые Чайка проделывал с фантиком. Смотреть было неприятно, будто он подглядывал за чем-то интимным, и Бабкин перевел взгляд на Клару Ивановну.

Женщина, заварившая такую кашу, выглядела куда спокойнее всех остальных. Тонкие нарисованные бровки над прищуренными глазами вернулись на свое место, красные пятна спали, губы, густо накрашенные розовой помадой, недобро поджалась.

– Кто-то из вас задумал меня убить, – упрямо сказала сиделка, глядя в сторону. – Пусть не в этот раз, но вы меня не обманете.

– Зачем же нам вас убивать, любезная Клара Ивановна? – с усмешкой спросил бледный. – Нам без вас и жизнь не будет в радость. Если бы не вы, мы бы все сдохли под забором, честное слово.

– О, наконец-то я услышала от вас правду! – усмехнулась она. – Что есть, то есть, сдохли бы под забором.

– Ну почему же... – недовольно прогудела Лидия. – Я хочу сказать...

– Что бы вы ни хотели сказать, – желчно перебила ее Клара, – факт остается фактом: вы все – гроздь бездарностей на моей шее! И вы, и вы, и вы!

Обветренный палец уперся сначала в бородатого, затем в Лидию и остановился на Олеге. Сиделка хищно дернула носом и резко, словно нанося укол шпагой, ткнула пальцем вперед. Все трое одновременно отшатнулись.

Сергей подумал, что она берет реванш за свой страх, за то, что так открыто обнаружила его перед людьми, зависящими от нее и подчиняющимися всем ее диким прихотям.

– Посредственности и борзописцы! – отчеканила Клара Ивановна. – Вы, Олег, не кто иной, как заурядный пачкун, а про вас двоих и говорить нечего! Ваши пошлые претензии на гениальность могут вызывать только смех. Кстати, кто из вас украл подсвечник? Знайте, что он не серебряный, как вы, наверное, надеялись. Даже в воровстве проявляется ваша бездарность!

Она издевательски рассмеялась, обнажив мелкие остренькие зубки, и пошла к крыльцу, продолжая смеяться. «Гроздь бездарностей» торопливо расступилась, прижалась к стенке, пропуская ее.

Бабкин обвел взглядом лица этих людей и тихо порадовался, что топор уже унесли. Он не был уверен в том, хватит ли у кого-нибудь из присутствующих выдержки не метнуть его в затылок благотельнице.

Дверь дома закрылась, отсекая глумливый смех от тяжелой тишины, и тишина осталась снаружи.

Не глядя друг на друга, двое мужчин и женщина стали расходиться. Лидия побрела в сторону озера, обогнув Бабкина, словно он был неодушевленным предметом, ее брат, потоптавшись, направился к сараю, а бледный собирался идти в дом, но Сергей остановил его:

– Одну минуту... Вы – Олег Чайка?

– Ну, я, – хмуро ответил тот.

– Мне нужно с вами поговорить.

Сергей в двух словах обрисовал, кто он, но не стал уточнять, по какому делу. Олег уставился на него подозрительным взглядом, в котором не читалось ни малейшего желания помочь сыщику.

– И чего вы от меня хотите? – спросил он наконец.

– Может быть, пройдем в дом? – предложил Бабкин. – Или туда, где будет удобно разговаривать. Это не отнимет у вас много времени.

Насчет времени Сергей покривил душой – он рассчитывал на то, что сможет разговорить Чайку. Бабкин недоумевал, отчего его слова вызвали у парня негативную реакцию, но списал это на только что разыгравшуюся сцену: он стал свидетелем унижения обитателей дома, и вполне понятно, что ни один из них не был рад общению с ним.

– Ладно, – хмуро согласился Олег. – Пошли в мою комнату. Только я должен спросить разрешения...

Он остановился, оборвав фразу, и Сергей поторопился согласиться, не уточняя, у кого должен спрашивать разрешения взрослый мужчина.

– Ждите здесь, – бросил Чайка и скрылся в доме.

Прошло не меньше десяти минут. Бабкин уже стал опасаться, что парень просто-напросто обманул его и скрылся, но тут дверь открылась, и бесцветная прилизанная физиономия высунулась наружу:

– Иди. Можно.

Бабкин хмыкнул про себя такому приглашению, но выбирать не приходилось: он зашел внутрь и впотьмах, нащупывая руками стены, побрел за своим провожатым, который успел уйти, не дожидаясь Сергея.

Длинный коридор вывел его к широкой деревянной лестнице, ведущей

на второй этаж. Здесь было куда светлее, и Бабкин успел разглядеть за одной из приоткрытых дверей просторную комнату с красным узорчатым ковром на стене и стол, покрытый кружевной скатертью. Дом был добротный, это чувствовалось по всему, и лестница с широкими перилами так внушительно скрипела, словно рассказывала поднимающемуся по ней старые истории – как и делают все добропорядочные лестницы с традициями.

Он задержался на секунду, рассматривая резные балясины, и сверху его тут же одернули:

– Ну ты чего, идешь или заснул?

Бабкин, удивленный такой фамильярностью, поднялся наверх. Четыре комнаты по обеим сторонам коридора, выстланного рябыми половицами, были заперты, но Олег Чайка достал из кармана ключ и открыл ближнюю.

Войдя внутрь, Сергей заметил, что на двери когда-то имелся засов, но его сняли – остались только две почерневших от старости скобы.

– У Клары Ивановны копии всех ключей, – буркнул Олег, проследив за его взглядом. – А запирается изнутри она не разрешает.

Бабкин понимающе кивнул.

– Хозяйка? – простодушно спросил он, успешно притворяясь, что не знает подоплеку их отношений.

– Типа того. Ладно, давай, садись, спрашивай, чего хотел.

– Двадцать лет назад в Вязниках убили девушку, – начал Сергей, не собираясь долго ходить вокруг дела.

И увидел, как лицо его собеседника меняется на глазах: из выжидательного становится замкнутым и отстраненным.

– Убили, и что? – холодно поинтересовался Олег. – А я здесь при чем?

– Ты ни при чем. Но тебе известны подробности. Ты ведь жил в поселке в то время.

– Ну, жил. И кроме меня еще тысяча человек там жила. И вообще, чего это ты полез в то дело? Журналист, что ли?

– Не журналист, а частный сыщик, – ровно сказал Бабкин, стараясь выглядеть дружелюбным. От того, расположит ли он к себе этого человека, зависело, как много он услышит. Но Олег Чайка вызывал в нем настолько сильную неприязнь, что Сергею тяжело было притворяться.

– А зачем тебе, частному сыщику, лезть в дело двадцатилетней давности? – прищурился Олег.

Но Бабкин был готов к этому вопросу.

– Слушай, я человек подневольный, – с сожалением ответил он и развел руками. – Мне клиент платит, я работаю по его заказу. У бабы здесь

дочка пропала с неделю назад, в лесу заблудилась, а она перепугалась и наняла меня, чтоб я разузнал обо всех убийствах, которые здесь происходили в последние тридцать лет. Вот я и стараюсь, землю носом рою. Не нарою – гонорар не получу.

Как Сергей и ожидал, это объяснение, почти правдивое, оказалось близко Олегу Чайке. Он с пониманием кивнул, но тут же снова насторожился:

– А про меня тебе кто сказал? Здесь никто не знает, что я бывший вязниковский...

Бабкин уже собирался честно сообщить, что об этом рассказала заведующая, как вдруг шестое чувство заставило его в последнюю секунду изменить решение.

– Разговаривал с одной старухой в поселке, она сама-то уже в труху рассыпается, вспомнить ничего не может, а вот твою фамилию назвала. И подсказала, где тебя искать – спасибо ей за это большое.

– Как зовут старуху? – недоверчиво спросил Олег.

– Фаина... как ее... – Бабкин для убедительности пощелкал пальцами, будто вспоминая, – а, Фаина Ивановна! У нее еще внучка есть, Катерина.

Олег явственно расслабился:

– Помню Фаину, помню. Сто лет уж не видел. Все так же с повязкой ходит?

– С повязкой. Она и одним глазом меня едва не сожрала, – поежился Сергей.

Чайка расхохотался:

– Узнаю старую ведьму. Значит, отправила ко мне?

– Не совсем отправила, просто упомянула о тебе.

– Давай, спрашивай, расскажу, что помню.

Олег на секунду прикрыл глаза, отгоняя одно из самых ярких воспоминаний того лета. Он и не думал делиться им с сыщиком. Оно было его, только его!

* * *

1988 год. Июнь

Вту субботу Олегу не повезло: в клуб его не пустили. У входа дежурили два крепыша с фабрики, которые завернули тощего Олечку обратно. Чайка растопырился в проеме как спрут, уцепился за косяк, но силы были неравны, и Олега выдавили наружу со словами: «Для малолеток

сегодня мест нет! В другой раз придешь, когда народу меньше будет».

– Я хочу сегодня! – возмутился Олег и соврал, прибавив себе два года:
– Мне шестнадцать!

– Когда хочется, знаешь, что делать надо? – похабно усмехнулся один из крепышей.

Второй, цинично оскалившись, добавил, что именно, и подтолкнул паренька в направлении дороги. Дощатая дверь клуба закрылась перед Олегом.

Внутри надрывалась музыка, в черном окне вздрагивали и пульсировали цветные круги. «Цветомузыку включили, гады», – подумал Чайка, сплевывая в траву.

«Белые розы, белые розы, беззащитны шипы! – гнусавил певец. – Что с ними сделал снег и морозы, лед витрин голубых!»

– Белые розы, белые розы, – фальшиво напевал Олег, шатаясь вокруг клуба и обдумывая, как бы все-таки попасть внутрь. – Что с ними сделал...

Он предпринял еще одну попытку пробраться в клуб, попытавшись слиться с веселой курящей компанией, выскочившей на пару минут. Но его заметили и пренебрежительно спихнули с лестницы под дружный смех курильщиков.

Олегу можно было бы вернуться домой, к дяде... Но он здорово разозлился. «Малолетка!» Он им покажет малолетку!

Где-то вдалеке, на задворках сознания, забрезжила мысль, не поджечь ли клуб снаружи, но он оставил эту идею – в первую очередь потому, что с собой не было ни спичек, ни зажигалки. Вторая причина, почему Олег не хотел идти домой, заключалась в самом дяде. Чайка представил, что тот сидит один перед каким-нибудь жалким засушенным цветочком, умиленно смотрит на него и раз за разом пытается перерисовать в альбом. И раз за разом стирает, ожесточенно раздирая ластиком, точно наждаком, нежную шершавую бумагу.

Валентин Петрович был неисправимо плохим художником. Олег пробовал заниматься с ним, научить простейшим приемам, но обнаружилось, что дядя не воспринимает его уроков. Валентин Петрович создавал на листе какофонию, чудовищный калейдоскоп красок, всегда лишь трех – желтой, зеленой и фиолетовой, запертых в маленьких треугольниках, ромбах, звездах, множащихся к краям листа. Сначала Олегу даже нравились его яркие рисунки, удивляли, но вскоре он почувствовал, что устал от них. Они не несли ничего, кроме однообразных, как рисунок на обоях, элементов.

То же самое вышло и с растениями. Валентин Петрович, даже рисуя с

натуры, умудрялся изобразить на бумаге одно и то же: изогнутый стебелек с зубчатыми листиками, а сверху мохнатую шапочку цветка, похожего на клевер. Олег бился-бился с дядей, да в конце концов и плюнул.

Больше всего его злило то, что Валентин Петрович отказывался признать свое художественное фиаско и раз за разом старательно выводил в альбоме заученные линии. Затем, склонив голову набок, сверял результат с образцом, вздыхал, выдирает лист и начинал все заново. Он изводил один альбом за другим, и, случалось, Олег приходил домой и заставлял дядю в окружении смятых листов, разбросанных по всему полу.

Поначалу он выходил из себя, но вскоре смирился с привычкой дяди. На него нельзя было долго сердиться. Он с такой неподдельной страстью копался в своих растениях, что Олег иной раз даже завидовал его увлечению.

«Они говорят со мной, Олежек! – зазвучал в его голове растроганный голос Валентина Петровича, любовавшегося очередной „петрушкой“. – Честное слово, разговаривают! Они мне благодарны!»

– Вот и разговаривай с ними, – буркнул Олег, пиная ком земли. – Энтузиаст, блин.

Он забрался в темные заросли неподалеку от клуба и решил дожидаться момента, когда внутрь зайдет большая толпа взрослых парней, чтобы незаметно присоединиться к ним. Олег совсем упустил из виду, что все, кто хотел попасть на танцы, уже пришли. Гроыхала музыка, время от времени кто-нибудь вываливался из клуба, распаренный, словно из бани, и, пошатываясь, уходил прочь, а иногда появлялись хихикающие парочки – провожались, как говорили в Вязниках... Но все это никак не могло помочь Олегу. С каждой минутой он все больше наливался злобой, словно комар кровью, и от мечтаний об отмщении крепышам уже перешел к ненависти ко всем, отплясывающим сейчас в небольшом душном зале.

Из дверей клуба выскользнула женская фигурка, торопливо отошла в сторону и остановилась за колонной. Присмотревшись, Чайка узнал одну из самых красивых девчонок Вязников – высокую, грациозную, с копной черных волос. Несколько раз она боязливо выглядывала из своего укрытия, будто дожидаясь кого-то, и снова пряталась.

«Сестру, что ли, ждет? – удивился Олег. – А чего прячется тогда?»

Сестра черноволосой тоже была красоткой, но другого склада – скромнее и тише. Кому-то тихоня нравилась больше, Олег же облизывался на эту – правда, лишь издали: девчонка была с норовом, в дурном настроении могла одним только ненавидящим взглядом обжечь так, что хотелось провалиться сквозь землю и больше не попадаться ведьминой

дочери на глаза.

В клубе заиграл «медляк», и на крыльцо вышел высокий парень, рванул узел галстука, нетвердо стоя на ногах. «В галстук? – поразился Чайка, пытаясь разглядеть в темноте его лицо. – Это кто еще такой?» Парень, держась рукой за ближнюю колонну, сделал шаг вперед, наклонился и попал в круг света от сгорбившегося фонаря. «А, приезжий! Москвич...»

Олег презрительно усмехнулся, глядя, как пьяный москвич пытается запихать галстук в карман. Цветастая лента сопротивлялась, как живая, обвивалась вокруг его руки и внутрь не лезла. Справившись с упрямым галстуком, парень дернул воротник рубашки, и Чайка услышал, как по дощатому полу забарабанили пуговицы. «Во дурак-то, – насмешливо подумал подросток. – Нажрался, а пить не умеет!»

Наконец пьяный сдался: выпустив галстук из рук, он постоял, бессмысленно тряся головой, и, покачиваясь, направился в ту сторону, где пряталась девчонка. Он не дошел всего пары шагов: остановился, оглядываясь, и она тут же выскочила ему навстречу, притянула к себе, в сумрак за колонной. Парень жадно прильнул к ней, и несколько секунд Олег видел только белую руку, словно запутавшуюся в темных вьющихся кудрях.

Кто-то вышел из клуба, и парень с девушкой замерли, прислушиваясь. Со своего места Чайка хорошо видел, как они стоят, перешептываясь, прижимаясь друг к другу и не рискуя выглянуть. Когда голоса у входа стихли, девчонка схватила друга за руку и, смеясь, увлекла за собой на темную тропинку, уводящую прочь от клуба.

Не колеблясь, подросток выскользнул из зеленого укрытия и осторожно последовал за ними, прижимаясь к заборам и скрываясь в ночной тени кустов.

К счастью для него, ночь была безлунная. Глупый смех и приглушенные голоса выдавали сбежавших, сам же Олег передвигался тихо, как крыса. Он не знал, куда они идут – похоже было, что они и сами этого не знают – но следовал за ними с усердием охотника.

Когда беглецы перебрались через старый забор, он замер, прислушиваясь, не раздастся ли злобный собачий лай. Но в поселке стояла тишина. Только издали еле слышно доносилась музыка из клуба и противно звенел над ухом Олега назойливый комар, обрадовавшийся добыче.

Комара он прихлопнул и подбежал к забору, воровато оглядываясь. Минута – и Чайка уже сидел верхом на заборе, вглядываясь в темноту. В

глубине сада виднелась постройка – кажется, сарай – и ветер донес до Олега короткий смешок, определенно доносившийся именно оттуда.

Он спрыгнул вниз и пошел в ту сторону, широко раздувая ноздри от охватившего его возбуждения. Если бы навстречу ему попала собака, Чайка мог бы придушить ее голыми руками. Преследование, ночные запахи, дразнящий смех девчонки, поцелуи, за которыми он наблюдал, притаившись в зарослях, – все это привело его в странное лихорадочное состояние: ему казалось, что все его чувства невероятно обострились, как у зверя, и он может слышать и чувствовать через стены. Приближаясь к старому сараю, Олег дрожал, будто от холода. Но холодно ему не было.

Он остановился у покосившейся двери, осторожно толкнул ее, стараясь унять дрожь, и заглянул, готовый убежать в любую секунду, стоит только раздаться возмущенному возгласу.

Но те двое внутри ничего не заметили. Их тела показались Олегу невероятно белыми, точно вылепленными из снега: они соединялись, снова разделялись, катились по полу, обнявшись, и белоснежная кожа осквернялась прилипшими к ней соломинками и грязью. Он не отрывал взгляда от них, замерев, не в силах ни прокрасться в сарай, ни закрыть дверь и уйти. Его тяжелое дыхание сливалось со стонами и тихими вскриками, он плохо соображал, что с ним происходит, и, забывшись, точно в опьянении, думал, что кто-то в ночной темноте подкрался к нему и ласкает внизу, принося болезненное наслаждение, пока не понял, что это он сам.

Он успел отшатнуться за дверь – за секунду до того, как все закончилось – и съехал вниз, в холодную, влажную от росы траву.

Олег сидел в траве долго, не меньше получаса, и его снова начала бить дрожь – уже от ночной прохлады и сырости. Все звуки внутри сарая затихли. Он встал, чувствуя, что голова кружится, и тут дверь изнутри кто-то толкнул – осторожно, медленно. Чайка немедленно вжался в стену и присел, стараясь слиться с травой.

Девушка, пригнувшись, вышла наружу. Он слышал, как глубоко она вдыхает воздух, словно пытается напиться и не может. Держа в руке туфли, она, крадучись, пошла в глубину сада, осторожно переступая босыми ногами.

Туфли перелетели через забор, а вслед за ними и сама девушка, легко подпрыгнув и подтянувшись на руках, перебралась через него. Мелькнули белые бедра под задравшейся юбкой, раздался негромкий удар от приземления, шаги – и все стихло. Пару минут спустя на соседней улице нехотя таякнула собака, обозначая свое присутствие, но никто из дворовых

псов не отозвался лаем. Поселок спал.

* * *

– Нет, не помню ничего, – в третий раз повторил Олег Чайка.

Разговор явно тяготил его, и он старался закончить его побыстрее. Но чем больше упирался Чайка, тем настойчивее становился Сергей.

«Он был мальчишкой, четырнадцатилетним оболтусом. Такое происшествие не могло забыться. Какого черта он темнит?»

До сих пор из разговора Бабкин не узнал ничего нового – того, чего не прочитал бы в архивном деле и не услышал бы от Ольги Григорьевой.

После очередного уклончивого ответа Сергей окинул взглядом фигуру Чайки, пытаясь представить его в четырнадцать лет. «Тощий, нескладный... Мог он убить девчонку? Пожалуй. Чтобы по затылку шарахнуть, большой силы не надо».

– Если ты думаешь, что это я ее убил, – внезапно сказал Олег, – то я тебя огорчу. Не я. У меня, типа, алиби.

– Типа или алиби? – спросил Сергей, в глубине души разозлившись на себя за выданные мысли и на Чайку за его проницательность.

– Алиби. Типа. Я в райцентр ездил с утра, меня там многие видели. Заодно зашел в гости к знакомым дяди и просидел у них до вечера.

– Теперь, через столько лет, твое алиби уже не проверить, – жестко сказал Сергей, которому надоели увертки Чайки.

– Как раз проверить, – усмехнулся тот. – Если тебе это надо. Те люди до сих пор живы, только они переехали из города в Вязники. И, если не впали в маразм, наверняка помнят, как я приезжал к ним в тот день.

Бабкин задумался.

– Координаты дашь? – наконец спросил он.

– Да ради бога. Если тебе охота проверять меня, я мешать не буду.

В дверь постучали, и в комнату проскользнула невысокая девушка в косынке, лицо которой наполовину закрывали солнечные очки.

– Ой. Простите... – Она остановилась, увидев постороннего, и, кажется, испугалась.

– А вот и Лилька! – объявил Олег. – Лилька, иди сюда, познакомься с частным сыщиком. Ты, наверное, и с обычными-то не знакома, а? Куда тебе! А вот тут свезло, такие люди сами пришли в гости!

Он засмеялся, как будто удачно пошутил.

– Сергей. Очень приятно.

– Я Лилия... То есть Лиля.

Бабкин сообразил, что перед ним та самая четвертая жертва сиделки, которая ласточкой сновала между домом и верандой, и единственная, кого он не смог разглядеть. Не вышло у него и теперь: мешали ее огромные очки. К тому же девушка чувствовала себя явно неловко и собиралась уйти.

– Мы уже заканчиваем, – поторопился сообщить ей Сергей. Ему было жалко эту пугливую дуреху, вышедшую замуж за такого мерзкого типа, и не хотелось выгонять ее из комнаты.

– Подожди, я тебе даже помогу! – остановил его Олег. – Айн момент, ферштейн?

Он подмигнул, придвинул к себе лист бумаги и набросал схему проезда, а снизу написал фамилию: Кротовы.

– Инга Григорьевна и Семен Петрович. Видишь, во всем иду тебе навстречу!

Олег сердечно заулыбался. Сергей не верил собственным глазам: из неприветливого человека, неохотно cedившего по одному слову, Чайка превратился в гостеприимного хозяина, радующегося, что сумел угодить взыскательному гостю. «Это что еще за метаморфозы?!»

Улыбающийся Олег был противен ему так же, как недоброжелательный, даже больше: за его странной приветливостью Бабкину чудилось лицемерие, за улыбкой – ехидный оскал. Но листок с адресом он взял, сказав себе, что обязательно заедет к этим людям. И поняв, что из хозяина ему больше ничего не выжать, встал и попрощался.

– До свидания, – тихонько сказала от окна девушка в очках.

– Ты заходи еще, – пригласил Олег, положив руку на свисающий животик. – Если что вспомню, обязательно тебе расскажу. Извини, что не провожаю – не хочу лишний раз с нашей хозяйкой встречаться. Еще испугается опять, визг поднимет... В общем, сам понимаешь.

Бабкин кивнул в знак того, что понимает, и вышел из комнаты, ощущая, что его провожает липкий взгляд. Ощущение было таким сильным, что, закрыв за собой дверь, он едва сдержал желание провести рукой по спине, чтобы сбросить присосавшееся насекомое с переливающимися фасеточными глазками.

Он спустился вниз по лестнице и на последней ступеньке остановился, ожидая, пока глаза привыкнут к темноте... Как вдруг дверь рядом с лестницей приоткрылась, кто-то ухватил его за руку и дернул за собой – Сергей еле устоял на ногах.

– Что... – начал он. – Какого...

Но тут увидел, кто его похититель, и тяжело вздохнул. В маленькой

комнатке, дверь в которую он и не заметил с лестницы, плотные шторы были сдвинуты, но имеющегося света вполне хватало, чтобы рассмотреть все детали обстановки – и человека, вцепившегося в его запястье.

– Незачем так кричать, – недовольно заметила Клара Ивановна. – Садитесь. Мне нужно с вами поговорить.

Сергей опустился на табуретку. Комната вокруг него больше напоминала чулан: маленькая, заваленная коробками, тюками, упаковками книг... На столе вперемешку валялись инструменты: молоток, клещи, небольшая пила, начинающая ржаветь, и рядом с ней – современная электрическая дрель.

– Разобрать бы вам это хозяйство, – не удержался от замечания Бабкин, которому неприятно было видеть, как из хороших мужских вещей делают свалку. – Они еще много лет могут прослужить.

– Что? А, вы об этом... – сиделка пренебрежительно махнула рукой. – Это от бывшего владельца осталось, я в них ничего не понимаю.

– Того самого, который оставил вам дом и все имущество? – кто-то словно тянул обычно сдержанного Сергея за язык.

Клара Ивановна поняла намек и напустила на себя надменный вид:

– Я забочусь обо всем как могу. Особенно о том, что уважаемый Карл Ефимович вовсе не оставлял на мое попечение! Но я знаю, что ему было бы приятно слышать о том, что я не бросила его на хлебников. Или вы считаете, лучше проявить больше внимания к железякам, чем к людям?!

– Я не понимаю, о чем вы, – спокойно сказал Сергей, решив не поддерживать всеобщего безумства семьи Гейдманов.

– Не лукавьте! Вы все прекрасно понимаете. Между прочим, именно об этом я и хотела с вами поговорить. Вы ведь частный сыщик, так?

Сергей изобразил лицом большой вопросительный знак.

– Я подслушивала, – объяснила Клара, ни капли не смутившись. – Должна же я знать, кто приходит в гости *кэтим*. Именно частный сыщик мне и нужен. Меня хотят убить!

– Да-да, мне даже посчастливилось стать свидетелем покушения, – кивнул Бабкин.

– Не ерничайте! Если я испугалась, то только потому, что у меня были для этого основания.

«Какие-то они здесь все немного не в себе, – подумал Сергей. – У этой, кажется, мания преследования».

– Не спешите записывать меня в психованные, – попросила сиделка, и Бабкин едва не выругался вслух: эта семья обнаруживала коллективную способность к чтению мыслей. – Я вам кое-что расскажу.

Сергей хотел возразить, что у него очень мало времени, но Клара Ивановна наклонилась к нему и с такой силой схватила за руку, что ему стало больно.

– В этом доме со мной живет четверо, – негромко сказала сиделка, пристально глядя на Бабкина. – Племянники моего покойного хозяина, брат и сестра, Лидия и Григорий, и сын его давно скончавшейся супруги со своей женой, Лилей. Все эти люди полностью на моем обеспечении. Каждый месяц я выделяю им сумму, достаточную для того, чтобы они могли не работать. Это не записано ни в одном документе, и это не воля Карла Ефимовича, упокой его господь... Я это делаю по собственному желанию. На лето они были приглашены мною сюда, в этот дом. Каждому из них выделена своя комната, как бывало и при Карле Ефимовиче – кроме, конечно, Лили: она живет вместе с Олегом, поскольку они муж и жена. Вам пока все ясно?

Бабкин кивнул. Он вынужден был признать, что эта странная женщина излагает все довольно четко. Более того, сейчас, когда налет истеричности слетел с нее, он готов был бы поклясться, что перед ним совершенно здравомыслящий человек, волею обстоятельств попавший в непростую ситуацию.

– Не будем сейчас говорить о том, почему я помогаю им, это не так важно, – продолжала сиделка. – Примите как факт и это, и то, что они меня терпеть не могут. Когда я работала у Карла Ефимовича, меня дразнили детской скороговоркой: «Карл у Клары украл кораллы, а Клара у Карла украла кларнет». Слышали, наверное? Я про скороговорку. Не проходило и дня, чтобы кто-нибудь не спросил меня, что я сегодня утащила у своего подопечного! У меня неразвитое чувство юмора, и я не умею смеяться над собой, поэтому то, что другому человеку показалось бы ерундой, меня доводило до слез. Конечно, моя реакция лишь распаляла всех преследователей, и я подвергалась еще большим насмешкам. Некоторые из них были весьма злы. Например, однажды мне в сумочку подсунули дорогой портсигар Карла Ефимовича, а затем Лидия будто случайно толкнула мою сумку с полки, и та упала, а портсигар выпал. Тут вся семья, разумеется, разыграла молчаливое изумление и негодование, презрение и прочие чувства, которые вызывает наконец-то пойманная воровка. Спектакль продолжался не больше минуты, и в конце концов жена Олега Чайки оборвала его, но, уверяю вас, эту минуту позора я запомнила надолго!

«М-да, забавные шуточки были в ходу у этой славной семейки, – подумал Сергей. – Нашли с кем шутить...»

– Не думайте, что их отношение ко мне изменилось с тех пор, как роли поменялись. Нет-нет! Сначала я рассчитывала на благодарность, но позже поняла, что и ее не следует ждать. Более того, некоторое время назад я стала замечать, что в моей жизни происходят странные и нехорошие совпадения.

– Например?

– Штора. Да-да, штора! Обычно я сама поправляю занавески на окне в большой комнате, не доверяю это никому, но недавно у меня разболелась нога, и я попросила сделать это Лидию. Попроси я Лилю, и можно было быть уверенным, что она разобьет окно и осколками порвет тюль – не спрашивайте меня, как ей это удастся, но это так! Поэтому к окну подошла Лидия. Она успела только сдвинуть ткань в сторону, и гардина шмякнулась точнехонько на нее!

Бабкин подумал, что это многое объясняет. Да, Лидия и впрямь производила впечатление человека, ушибленного гардиной.

– Если бы она осталась стоять на месте, у нее было бы сотрясение мозга, точно вам говорю! – взволнованно сказала Клара, и Сергей понял, что поторопился с объяснением. – Но Гришка успел оттолкнуть ее.

– У меня в квартире тоже падали гардины, – заметил Бабкин.

– Гардина – ерунда, я и не придавала бы ей значения! Но два дня спустя я полезла за кое-какими книгами в мансарду, и там на меня рухнула балка! Вы можете себе представить?

Бабкин вообще не мог представить, чтобы балка рухнула, в чем и признался откровенно.

– Вы уверены, что речь идет о балке? – уточнил он. – Это такой широкий брус под потолком...

– Господи, да не рассказывайте же мне, что такое балка! – вознегодовала сиделка. – Тяжеленное бревно упало практически на меня! И оно не было трухлявым, нет-нет! Его... Его... его перепилили!

– Нельзя подгадать, чтобы перепиленная балка упала в нужный момент, – огорчил ее Бабкин. – Поэтому на покушение тянет слабо.

– Я видела тень там, наверху. А лестницу, которая обычно стоит внизу, кто-то затащил на мансарду.

– Вы видели тень под крышей? – уточнил Сергей.

– Да, это был убегавший человек, я уверена.

– Но как бы он мог слезть незамеченным?!

– Очень просто, так же, как забрался наверх – по лестнице! Я видела ее, когда поднялась в мансарду, но не придавала значения. А потом, когда балка упала рядом со мной, чуть не проломив пол, мне было не до того,

чтобы кого-то преследовать!

– Что же вы сделали?

– Ничего, – помолчав, ответила Клара Ивановна. – Что я могла сделать?

– Например, написать заявление.

– Я не верю нашей милиции.

– А родственники у вас есть?

– Одна-единственная: троюродная сестра, Александра... Послушайте, вы! – с внезапной агрессией обрушилась она вдруг на Бабкина. – Какое вам вообще дело до моей родни?! Может быть, я с ней тысячу лет не общалась! Может быть, мы вообще враги?!

Сергей подумал, что заключение о здравомыслии снова оказалось преждевременным.

– Да нет мне никакого дела до вашей родни! Я всего лишь хотел предложить, чтобы кто-нибудь пожил с вами здесь, если вы боитесь. Ваша сестра сможет сделать это?

– Сестра... Нет, не сможет! Ей не дадут отпуск! Забудьте про нее, ясно?

– Бог с ней, с сестрой! – Бабкин начал сердиться. – И наплевать на милицию, раз вы никому не верите. Но почему бы вам, раз вы так уверены, что ваша жизнь в опасности, не оградить себя от покушений?

Сиделка удивленно уставилась на него:

– Как? Каким образом?

– Выставив всех четверых из дома, само собой, – так же удивленно ответил Сергей, не понимая, почему бы не прибегнуть сразу к самому простому решению.

– Да вы что?! – возмутилась Клара Ивановна. – Как вы можете такое советовать?! Это ведь несправедливо!

У Сергея, бывшего свидетелем семейного завтрака и хорошо помнившего рассказ доктора о порядках, царящих в доме Гейдманов, вертелось на языке много слов о справедливости и несправедливости. Но он понимал, что никакими словами не сможет воздействовать на эту женщину. «Марсианская логика», – говорил в таких случаях Макар Илюшин, и в данном случае Бабкин склонен был с ним согласиться.

– Теперь вам понятно, что спорить бессмысленно? Покушение было, и это дело рук кого-то из моих родственников! Ежу понятно, что они задумывают.

Сергей ощутил острый приступ нелюбви к безобидным ежам. Большинству из них было понятно то, что до самого Бабкина доходило

долго и с трудом.

– До чего же продвинутые твари, – пробормотал он. – Хуже дельфинов.

– Что?

– Нет, ничего. Так вы сказали про ежей...

– Господи боже ты мой, да не про ежей, а про этих людей! Они хотят убить меня, а потом оспорить завещание! Может быть, не все, а кто-то один из них... Ваша задача – выяснить, кто именно! Вы начнете с того, что...

– Минуточку! – перебил ее Сергей. – Боюсь, я ни с чего не начну, потому что не смогу заняться вашим делом.

Круглые глазки под полукруглыми бровками уставились на него с недоверием.

– То есть как? Я вам хорошо заплачу!

– Простите, нет.

– Вы даже не знаете, сколько заработаете! Я могу обеспечить вас до конца вашей жизни! Хотя бы спросите сумму для приличия!

– Это не имеет значения. У меня уже есть клиент.

– Так разорвите контракт с ним! – Клара Ивановна пожала плечами с великолепным пренебрежением ко всем возможным клиентам.

Сергей больше не мог сдерживаться.

– Уважаемая Клара Ивановна, – задумчиво сказал он. – То, что вы купили кулек нищих художников по две копейки штука, не означает, что вам продадутся и другие. Простите. – Он встал, сделал шаг к двери, бросив последний сочувственный взгляд на инструменты.

– Куда?! – взвилась сиделка. – Я вас не отпускала!

– Я не одна из ваших игрушек, – пожал плечами Сергей. – До свиданья.

Он вышел и плотно прикрыл за собой дверь, надеясь, что сиделке не придет в голову побегать за ним и устроить очередную сцену. Этой женщине все же удалось вывести его из себя непробиваемой уверенностью, что за свои деньги она может приобрести всех окружающих с потрохами.

Он чувствовал, что с него достаточно. Тайны, шепотки, давние убийства, рушащиеся балки, и эти люди, ведущие себя так, словно их выпустили недоленными из психиатрической лечебницы – они давили на него со всех сторон, и на короткое время Бабкин смог приблизиться к пониманию того, что чувствовали те, кто хотел вырваться из Вязников: точно так же ему хотелось поскорее уйти из этого дома, сбросить с себя его невидимый гнет. К тому же Бабкина терзало чувство голода, и при мысли о строчке в сегодняшнем меню, обещавшей на ужин «утиный паштет с

гарниром из овощей», он приходил в ярость. Утиный паштет Сергей мог рассматривать исключительно в роли приятного дополнения к ломтю белого хлеба, намазанного маслом, а сверху – так и быть! – утиным паштетом. Но не в качестве ужина!

– Утиный паштет, – бормотал он, на ощупь продвигаясь к выходу. – Алиби у него!

Его распирало от злости от того, что он бессмысленно потерял уйму времени.

«Конечно, я должен был спросить сумму для приличия, после чего бухнуться в обморок от избытка чувств, а затем броситься целовать ноги этой рыжей мыши! Или наоборот: сначала ноги, потом в обморок. Тьфу! Выбраться бы отсюда поскорее...»

Но у порога он встал как вкопанный, не сводя глаз с предмета, который заметил только сейчас.

Взгляд Бабкина привлекла самая прозаическая вещь: стойка для обуви. Ее собрали из нескольких этажей, и на нижнем лаково поблескивали новенькие калоши, а с верхнего свешивались шнурки маленьких кед, похоже, совсем детского размера. А посередине, как раз между калошами и кедами, валялись небрежно брошенные на полку несколько пар мужской обуви: разношенные ботинки, черные штиблеты – и пара пыльных кроссовок.

Сергей присел на корточки, аккуратно взял одну из них и внимательно изучил отпечаток протектора. Размер он нашел на стельке внутри – сороковой. А найдя в памяти телефона фотографию следа, убедился в том, что наблюдательность не подвела его: он держал в руках обувь, отпечатки которой остались во мху под его окном и на краю заброшенной площадки.

– Э! Вы что делаете?

Обернувшись на «Э!», Бабкин узрел в конце коридора чернобородого, недавно размахивавшего топором. Восполняя урон репутации, нанесенный ему Кларой Ивановной при посторонних, сейчас он напустил на себя боевой вид и приближался к Сергею с агрессивным блеском в орлином взоре.

– Что вы тут шарите, позвольте спросить?!

Бабкин неторопливо поднялся. По мере того как он распрямлялся, агрессивность улетучивалась из чернобородого, и к стойке он подошел совсем другим человеком – готовым к компромиссам и улаживанию конфликтов.

– Это чье? – осведомился Сергей, указывая на кроссовки.

– Это мое! А что такое? В чем, собственно, дело?

«Вот, значит, кто следил за домом! Забавно, забавно... А тебе-то я чем могу быть опасен?»

– Ничего особенного, – вслух сказал Бабкин. – Просто хотел узнать, как они на ноге сидят.

Он простодушно помахал ресницами, но, очевидно, не убедил бородача в искренности своих намерений. Впрочем, у Бабкина и не было такой цели, скорее наоборот. «Ты знаешь, что я знаю, а я знаю, что ты знаешь, что я знаю».

– Нормально они на ноге сидят, – фальшиво улыбнувшись и показав острые белые зубы, ответил тот. – Хотите примерить?

– Нет-нет, спасибо, это лишнее, – поблагодарил Сергей со скрытой усмешкой. – Всего хорошего. Извините за беспокойство.

Дверь за ним закрылась. Бабкин не сомневался ни секунды, что бородач, едва задвинув засов, бросился осматривать свои кроссовки. Сам он, отойдя настолько, чтобы его не было ни видно, ни слышно из дома, достал телефон и позвонил Илюшину.

– Придется тебе внести свою лепту в это дело, – прервал он Макара, немедленно начавшего сетовать, что его отрывают от важных государственных дел. – Запиши имя: Григорий Гейдман. Гейд-ман! Записал? Около сорока двух лет, плюс-минус шесть. Режиссер или руководитель театрального кружка. Нужна его биография. Не срочно, но быстро.

В комнате на втором этаже маленькая женщина сняла очки и сдернула с головы косынку.

– Что за маскарад? – спросил Олег, равнодушно глядя, как жена сминает в кулачке край ткани. После ухода сыщика он выглядел задумчивым.

– Она попросила прополоть пару грядок, а там очень яркое солнце. У меня разболелись глаза без очков.

– Грядки? – он рассмеялся. – Ах ты наша золушка! А мешки с фасолью и горохом тебе не приказали разобрать?

– Я бы не удивилась, – парировала Лилия. – Странно, что до сих пор ей не пришло это в голову.

Олег нахмурился. Мысли его от расспросов сыщика перешли к жене. Он закусил губу, пристально рассматривая ее узкую спину с опущенными плечами, и недобро процедил:

– Слушай, Лилька, я тебя не узнаю. То ты заявляешься в столовую в таком виде, будто тебя оттрахали в придорожных кустах, то огрызаешься...

Жена вздрогнула, но не обернулась к нему. Олег знал, что всякая

грубость вгоняет ее в краску, она теряется и не знает, что ответить. Именно это ему и требовалось – задавить в зародыше ее внезапные порывы к строптивости, изничтожить в ней саму мысль о том, что она может позволить себе сопротивляться и портить отношения с Кларой.

– Не слышу ответа! – он чуть повысил голос.

– Какой ответ тебе нужен?!

Она все-таки обернулась, сжала кулачки, словно собиралась ударить его. С первого раза все-таки не поняла, подумал Олег. Принятые меры оказались недостаточными. Что ж, придется снова провести воспитательную работу.

Он встал, подошел к ней, с удовольствием глядя, как Лилия съеживается на глазах. Ему нравилось, когда она его боялась. В такие минуты в ней особенно ярко проявлялась угловатая подростковость, беззащитность ребенка перед взрослым мужчиной, и вкупе с властью, которой он обладал, это чертовски распалало его.

Олег остановился рядом, протянул руку, провел по голубоватой ключице, по тонкой, как бумага, коже. Она вся принадлежала ему, была в его распоряжении, и только от него зависело, оставить ли нетронутой эту кожу или закрепить на ней красные следы своих отпечатков, подобно печати хозяина.

Он обнял жену сзади, с силой прижал растопыренную пятерню к ее груди, слыша, как быстро и часто бьется у нее сердце.

– Птичка, – прошептал Олег ей на ухо. – Птичка моя!

Пальцы давили все сильнее. Он прекрасно знал, как легко на ее коже остаются следы – чуть ткни, и готов синяк.

– Олег, отпусти...

Сдавленный, тихий голос – как раз то, что нужно. Значит, испугалась, маленькая дрянь. Увидела, что муж рассержен, и поняла, к чему это может привести. «Вот так, птичка моя, вот так! Стой спокойно, не трепыхайся...» Другой рукой он потянул с плеча ее белую футболку, пропахшую землей, обнажая плечико с выпирающей назад острой косточкой, такой манящей, что хотелось вцепиться в него зубами и рвать, рвать, заливая все вокруг ее кровью, пока она не охрипнет от крика. Руки у него моментально вспотели, и он издал глухое рычание, подбираясь ладонью к ее груди.

– Я не хочу, Олег! Не сейчас!

А он хочет. Эта маленькая неудовлетворенная сучка так холодна, что он не может ее не хотеть. Поначалу, когда у них все только начиналось, было гораздо хуже: ее пылкость расхолаживала его, не давая забывать, что перед ним женщина. Но по мере того, как она начала его бояться, когда он

начал понемногу ловить всплески страха в ее глазах, подмечать, как она сторонится его и до последнего избегает идти в постель, ожидая, чтобы он заснул, – тогда все стало налаживаться.

Она всегда терпела его – пусть потерпит и сейчас! С каждым разом он заходил все дальше и дальше, уже почти не опасаясь, что получит отпор, а все потому, что он сплел волосяную петлю, за которую ее можно было придерживать рядом, не опасаясь, что улетит.

– А если ты еще будешь злить меня, птичка моя... Или Клару...

Он с силой сжал ей грудь, левой рукой впиваясь в кожу так, что заныли пальцы.

– Отпусти меня! Мне больно!

Лиля вдруг вывернулась из его рук – он даже не успел сообразить, как ей это удалось, и отскочила в сторону.

– Стой!

Но она подхватила стоящий у двери рюкзак и стремительно выскочила за дверь. Олег бросился было за ней следом, но услышал, как гулко простучали ботинки по лестнице, и выругался. Нечего было и думать ее догнать.

Глава 6

Утро у Сергея ушло на составление окончательного списка тех, кто был в пансионате во время исчезновения всех девушек, и в итоге список подозреваемых сократился на десять человек. Точный план «Рассвета» он составил раньше и отметил все места, где могли прятать девчонок. Карта оказалась целиком испещрена красными крестиками, поскольку их могли затащить в любой дом, а при некоторой доле везения и в главный корпус тоже. У входа там сидел пожилой разговорчивый охранник, но был еще проход со стороны столовой, и еще один, запасной, постоянно открытый, через который шастала белая кошка с рыжей манишкой... В общем, ясности это не принесло.

Проделав кучу бесплодной работы, Бабкин напоследок отправился в Вязники и нашел семью стариков Кротовых, о которых говорил Олег Чайка. Да, они помнили день, когда произошло это бесчеловечное убийство. Как такое забудешь!

– Олежек был у нас накануне, правда, – подтвердила трясущаяся старуха, наливая Бабкину чай. – Привез Семену Петровичу от Валентина уж и не упомяну что... Сень, что тебе Олежек привез?

– Чай какой-то, – подал надтреснутый голос ее муж.

– Травяной?

– Точно, его. Чаи Валька отличные собирал, они меня на ноги от любой простуды ставили. Он Олежку прислал, тот, вшивая душонка, и просидел у нас весь день.

– Почему вшивая душонка? – Сергей не сдержал улыбку, поразившись точности характеристики.

– Вы не слушайте Семена! – вмешалась старуха. – Он вам и не такое наговорит. Бедный парнишка, мать его бросила, уж он не знал, к кому прилепиться. Все покушать у меня просил, жалостливо так...

– Это точно, пожрать он мастак выпрашивать! Не любил я племяша Валькиного и сейчас не люблю. С души от него воротит.

– А вы давно его видели? – спросил Бабкин.

Старики переглянулись, обменялись короткими репликами и сошлись во мнении, что прошло не меньше восьми лет с тех пор, как Олег Чайка возвращался в Вязники.

– А что ему здесь делать? – поинтересовался старый Семен. – С дядей он поссорился: Валька обвинил его, что Олег что-то украл у него, а тот

ударился в обиду – мол, совсем дядюшка спятил, несет незнамо что. Дом Валентинов стоит заброшен, никто ему не хозяин, уж скоро осыплется весь. А на его земле соседи траву для своих коз сажают, чтобы сорняком не пошла.

– Украл? – переспросил Бабкин, зацепившись за это слово. – Что украл?

– Да кто ж его знает! Вальке никто всерьез не поверил, потому что он так и не сознался, что у него пропало. Только кричал да руками размахивал. Думаю, придумал сам себе что-то... Откуда у него ценной вещи взяться? Но Олег тогда страшно обиделся! Вот на этом они и рассорились окончательно. Хотя письма друг другу писали, врать не буду, но уж прежних отношений у них больше не было.

Бабкин порасспрашивал Кротовых еще немного, убеждаясь окончательно, что Чайка не соврал. Старики и в самом деле хорошо запомнили тот день и описывали его в подробностях. А выгораживать Олега им было ни к чему.

– Дядька его, тот святой был человек, хоть и не в себе немного, – сказал напоследок Семен Петрович, будто оправдываясь за нелестный отзыв о племяннике приятеля. – А Олежка из тех телков, которые сразу ко всему стаду пристраиваются и просят с жалобными глазами сиську. А дашь ему ее, так он вцепится ровно клещ и все вымя оторвет. Он и бедненький, он и брошенный... Сам-то, поговаривают, жену себе богатую нашел и сидит у нее на шее.

Бабкин поблагодарил за чай и спросил на всякий случай, где дом покойного учителя.

– Валькин-то? На соседней улице, в са-а-а-мом конце. Считай, окраина. Два шага пройдешь – и лес. Палисадник там весь бузиной зарос. Хотя он и при Вальке был такой, ну чаща чащей! И света в окна не попадало, и пройти мимо страшно. Скажут ему, бывало: «ты бы хоть бузину повырубил!» – а Валька сразу в глухую оборону: нет и все. К его племяшу и вовсе подходить с этим было бесполезно. А вы, никак, Олежку решили к этому убийству притянуть, а?

– Ты что ж несешь-то, ирод старый?! – всплеснула руками старуха.

Муж шикнул на нее, сверкнув глазами:

– А чего бы и не сказать! Он, конечно, мальчишка был тогда, но девочку убить силы много не надо.

– Да как бы он смог, когда он у нас сидел, картошку навораживал! Уехал к вечеру, а ведь потом говорили, что девочка, господи прости, уж умерла тогда.

– Вот разве что... – пробурчал Семен, явно недовольный тем, что имеется такая загвоздка. – То-то и оно. А если бы не оно, так и мог бы! А, может, напутали чего! – горячась, он стукнул кулаком по столу, и чашки испуганно звякнули. – Может, он приехал рейсовым на девять пятнадцать, шасть в лес – и укокошил ее! А?!

Инга Григорьевна замахала на него руками, побагровела, и Сергей поторопился исчезнуть из их дома до начала семейной ссоры.

Предположение разгневанного Семена Петровича о времени убийства было ошибочным, в этом Бабкин не сомневался ни секунды. Он внимательно читал заключение экспертизы и помнил слова «не менее, чем за восемнадцать часов...» Олесю Курехину нашли в восемь утра, значит, смерть наступила около двух. В это время Олег Чайка ел жареную картошку у гостеприимной Инги Григорьевны.

«Да что я так вцепился в это убийство? – озадаченно спросил себя Сергей. – Сегодняшние исчезновения с тогдашними событиями могут быть никак не связаны. Телефонные связи надо пробивать, смотреть, не появлялись ли „чужие“ номера в те дни, когда пропадали девчонки... А не алиби этого козла проверить».

Он вернулся в пансионат, отчитался перед Евгенией Черниковой, ждущей подробностей расследования, и отправился позаниматься на свежем воздухе, а заодно позвонить Макару. Но в трубке вместо насмешливого илюшинского голоса сначала раздавалось противное жужжание, затем кто-то весело хрюкнул пару раз, и на этом связь оборвалась окончательно.

– Черт бы вас... – в сердцах выругался Бабкин.

Все шло неладно. Расследование неумолимо заворачивало в тупик, помощи от местного следователя можно было не ожидать, и все говорило о том, что, не случись в ближайшие дни еще одного исчезновения, дело так и не будет раскрыто. Никакой информации Бабкину собрать не удалось. Разве что установил, кто следил за ним возле его собственного дома... Ну и что?

Сергей Бабкин достал из кармана уточненный список отдыхающих, которые могли быть виновниками похищения, расправил его и пробежался взглядом по фамилиям и характеристикам. За несколько дней, что он провел в «Рассвете», Бабкин запомнил почти всех: трогательную пожилую пару, семью с тремя детьми, хватающими на завтраках еду со столов других посетителей под одобрительный смех родителей, маму с взрослым сыном-оболтусом, вечно уткнувшимся в свой ридер, молодоженов, две супружеских компании... Насколько ему удалось узнать, никто из этих людей двадцать лет назад не жил ни в поселке, ни в райцентре. Но это

требовало уточнения, а при таком количестве потенциальных похитителей его ожидала гигантская работа, осложнявшаяся тем, что отдыхающие понемногу разъезжались... Бабкин уменьшил свой список, оставив в нем только тех, кто приехал без детей: с какой стороны ни взглянуть, дети оказывались слишком серьезной помехой для похищения. Когда он сделал это, на первом месте остался доктор Леонид Сергеевич Абрамцев, с которым он каждое утро беседовал о пользе физических упражнений и вреде большого спорта. Мог доктор с обликом доброго гнома быть тем, кто похищал девочек? Запросто. «У него и доступ к лекарствам есть...»

Но о чем бы Сергей ни думал, мысли его неизменно возвращались к поселку.

«Все крутится вокруг этих несчастных Вязников! Какое-то заколдованное место...»

Он вышел к площадке и остановился, увидев, что снаряды заняты. На турнике подтягивался загорелый мужчина в коротких спортивных шортах. Загорелый торс блестел от пота, мышцы вздувались, когда он рывком поднимал длинное тяжелое тело вверх, зависал над перекладиной и медленно, с натугой опускался вниз. Наконец спортсмен закончил, разжал пальцы и спрыгнул, подняв столбик пыли. Он сдернул полотенце с соседнего снаряда, вытер лоб, обернулся – и Сергей узнал мужа заведующей.

Доброжелательно улыбнувшись, тот пошел навстречу сыщику, пока тот напряженно вспоминал, как же зовут его недавнего знакомца. «Игорь? Никита? Илья!»

– Здорово! Тоже позаниматься? – спросил Григорьев, кивая на площадку.

– Хотел размяться немного. Не привык без тренировок, – признался Бабкин.

– Тренажерного зала здесь не хватает. И нормальной кухни!

Он подмигнул, и Сергей рассмеялся:

– Что есть, то есть.

– Ольга задумала на днях отпраздновать середину последней смены, а то скоро уже и август пойдет на исход. Будут конкурсы всякие, вроде бега в мешках, песни-пляски... Но самое главное, наготовят всего от души! Страшно сказать, может, и отбивными побалуют.

На лице Бабкина отразилось глубокое сомнение.

– Верь мне, – убедительно попросил доктор, непринужденно перейдя на «ты». – Слушай, как твое расследование? Ну не смотри так, Оля мне все рассказала. Откровенно скажу, я обеспокоен. Хотел даже поговорить с

матерью Матильды, но жена отговорила. Что там у нее с анализом крови?

– Не знаю, я не врач, – сдержанно сказал Сергей.

– Но девочка в самом деле ничего не помнит?

– Да. Не думаю, что она врет.

– Паршиво, – Григорьев озабоченно скомкал полотенце. – У меня не праздный интерес. Во-первых, это имеет прямое отношение к Оле. А во-вторых... Не знаю, известно ли тебе об этом, но в поселке уже было нечто подобное: сначала пропали две дурынды – правда, быстро вернулись, а потом случилась трагедия. Олину сестру убили.

– Ты ее знал?

– Нет. Может, и видел ее на улице, но не обращал внимания. Я тогда был довольно зацикленный на своем богатом духовном мире – юный дурак – и полагал, что девочки меня мало интересуют. Я, как выяснилось, вообще ничего вокруг себя не замечал! Представь, сюда несколько лет подряд приезжает один тип, художник, который вырос в Вязниках, но до тех пор, пока он мне об этом не сказал, я его не помнил.

– А потом вспомнил?

– Вспомнил, а как же... Он изменился-то не сильно. Я его видел тогда пару раз, мог бы сам и узнать, без напоминания. Поболтали, обменялись ностальгическими впечатлениями, вспомнили молодость: как я с женой познакомился, как он из поселка старался вырваться... Говорит, картины продает в Москве, и успешно.

У Сергея вертелась на языке саркастическая реплика о том, в чем успешен Олег Чайка, но он решил не сплетничать.

– Ладно, не буду мешать. Если понадобится помощь – звони! Я сегодня-завтра здесь, а потом обратно в Москву. Запиши номер...

Он продиктовал телефон, хлопнул Бабкина по плечу:

– Не унывайте, Холмс! Может, анализы Матильды – это ерунда, придуманная и оплаченная вздорной мамашей. Бывай!

Он размашисто зашагал в сторону озера.

– Хотелось бы надеяться, что ерунда, – пробормотал Сергей, провожая его взглядом.

Сергей вспомнил Ольгу Григорьеву и представил их рядом, Золушку и Принца. Пусть не было мачехи, злых сестер и грязной каморки с вездесущей золой, но была тоскливая беспросветная жизнь, была мечта о сказочном будущем, вырастающем вдали, за лесом, словно недостижимый для замарашки золотой замок на высокой горе.

«Чем не Золушка?»

Но Сергей знал чем. Эта волевая женщина, сумевшая переломить

обстоятельства в свою пользу, была слишком сильной и упорной. Она мужественно выцарапывала счастье у судьбы, дралась за него, защищала свою любовь и ее же оборачивала оружием. Другого у нее не было. Маленький стойкий воин против дракона, обжигавшего ее пламенем из десятка пастей, безжалостно клеймившего огнем: потаскушка, дешевка, грязная деревенская девка, расчетливая лгунья.

Принц, к его чести, оказался непоколебим, но что стало бы с девушкой, окажись на его месте другой, более уступчивый юноша? Осталась бы она в Вязниках, оплакивая искалеченную жизнь, или выбралась бы, бежала, как та, другая, бросившая ребенка и пытавшаяся искупить это под конец жизни?

Сергей ни секунды не сомневался, что не осталась бы. Но и не сбежала бы. Такие, как она, не бегут.

Бабкин, последний раз читавший сказку о Золушке в семь лет, вдруг задумался о ее героине. Он поискал слово, которое, как ему казалось, лучше всего характеризовало ее, и наконец нашел его.

«Кротость».

– Непротивление злу насилием, – вслух сказал он, усмехнувшись.

«Да, пожалуй, так».

Ольга Григорьева была слеплена совсем из другого теста, и слово «непротивление» в ее словаре не встречалось. Если она и была Золушкой, то Золушкой в железных башмачках, упорно продиравшейся сквозь чащу без всякой надежды на фею – в глазах ее отражаются огни замка, взгляд пылает, и не только то, что впереди, заставляет ее идти, но и то, что осталось за спиной: нечищенный котел над чадящим очагом, убогая постель, окна в золе и копоти.

Такая трактовка оказалась Бабкину не по душе. Золушка в доспехах воительницы не вписывалась в знакомый с детства образ, как если бы Сергею предложили представить Красную Шапочку в волчьей шкуре, небрежно наброшенной на плечи. «Вообще-то шапочка у нее была серая, из волка, просто носила она ее мясом наружу», – припомнил он чернушную школьную шуточку, усмехнулся и двинулся к площадке, на ходу разминая руки.

Подойдя к турнику, Бабкин подпрыгнул, ухватился за гладкую железную палку. Выдохнул – и принялся считать про себя, подтягиваясь.

Когда он закончил, то почувствовал себя намного лучше. Надо было еще пару дней назад сюда прийти, подумал Бабкин. Он позанимался еще немного и вдруг остро ощутил, что хочет есть.

Радостное ощущение владения своим телом, легкая эйфория,

охватившая его после занятия, немедленно покинули Сергея, и он остался наедине с недовольным желудком. Брюзгливое бурчание заставило его поморщиться. «Хорошо еще, что никого поблизости нет».

Из чувства противоречия Бабкин направился не к коттеджу, как собирался, а в противоположном направлении, решив закончить занятие пробежкой по лесу. В ответ желудок злобно сообщил, что затея эта идиотская и он категорически возражает. Но Сергей, стиснув зубы и стараясь не прислушиваться к предательскому бурлению, рассудил, что нужно отвлечься от мыслей о еде и показать взбунтовавшемуся организму, кто хозяин.

Он выбрал не слишком быстрый темп, и поначалу бег доставлял ему наслаждение. Бабкин выкинул из головы все мысли о расследовании и только считал про себя, чтобы не сбить дыхание: раз-два-три-четыре, раз-два-три-четыре... Солнце светило по-августовски, слегка отстраненно, из кустов вдоль дорожки выпархивала потревоженная птичья мелюзга, в ушах шумел лесной ветер, и Сергей уверился в том, что идея с пробежкой была абсолютно правильной.

Решив, что на сегодня хватит, он перешел с бега на шаг, а потом, отдышавшись, и вовсе остановился, прикидывая, каким путем вернуться обратно. Он забежал довольно далеко и не был уверен, что дорожка выведет его в правильном направлении. И как раз тогда, когда Бабкин потягивался, глубоко вдыхая звенящий сосновый воздух, организм преподнес ему пренеприятнейший сюрприз.

Вместо смолистого аромата августовского леса, который хотелось втянуть в себя и не выдыхать, сыщику в нос ударил пошлый, но крайне настойчивый запах копченых шпрот.

Бабкин вздрогнул. Обонятельная галлюцинация была такой яркой, что он воочию представил узкую банку, обклеенную полосой черной бумаги, на которой большими желтыми буквами выведено: «Шпроты в масле».

Он нервно сглотнул, убеждая себя в том, что запах навеян горькими думами о еде. Здесь неоткуда было взяться шпротам! Вокруг стоял лес, не испорченный помойками, не изуродованный «местами для пикников», не превращенный в парк для туристов! Неподалеку от Бабкина поднимался заросший травой холм, вокруг которого кустилась малина, и кое-где даже виднелись мелкие рубиновые ягодки, поклеванные птицами. Вот чем должно было пахнуть! Малиной!

Бабкин фыркнул, отгоняя наваждение. В ответ лес утвердительно завонял рыбой. Бабкин зажмурился. Пока он стоял, закрыв глаза, со всех сторон выросли ароматные копченые рыбешки. Его окружал лес из

консервов. Шпроты колосились на поле за лесом. В озере, играя и подпрыгивая над водой, носились безголовые кильки и салаки, а само озеро пахло маслом. Повсюду, куда ни плюнь, были только они, и Сергей взвыл, осознав окончательно и бесповоротно, что никуда ему не деться от этого жуткого гастрономического морока.

Внизу, прямо под его ногами, раздался писк, и Бабкин открыл глаза. А открыв, тотчас отпрыгнул в сторону, потому что на дорожку из кустов малины выползала девушка в майке и джинсах. Едва у Сергея мелькнуло подозрение, что он сбрендил окончательно, как девушка поднялась и стало очевидно, что это живой человек, а не плод его воображения и не шпрота.

– Господи... – ошеломленно, чуть не заикаясь выговорила она. – Я вас не видела... Простите!

– Что вы там делали?! Вы кто? – возмутился Бабкин, смутно начиная догадываться о подоплеке своих видений.

Вместо того чтобы назвать себя, она внимательно взгляделась в него, и лицо ее осветилось радостью узнавания:

– Вы же Сергей! Вы приходили к нам, в дом Гейдманов. Вы, наверное, не помните...

И тут Бабкин в самом деле вспомнил ее.

– Мы виделись вчера. Меня зовут Лилия, я жена Олега, – смущенно сказала она, как-то неловко протягивая ему руку – вывернув узкой ладонью вверх. Ладонь была вся перепачкана в земле, и, как только девушка это заметила, она тут же застенчиво спрятала обе руки за спину: – Ой! Извините...

Бабкин даже не ответил на ее извинение, настолько он был поражен этой встречей. Не тем, что из кустов неожиданно выполз человек, а тем, кем этот человек оказался, сняв очки и дурацкий платок.

Перед ним стояла маленькая, едва достававшая ему до плеча девушка – нет, не девушка, а фарфоровая куколка! Матовое личико, золотые восторженные волосы, незабудковые глаза – большущие, испуганные. Затасканное до пошлости сравнение с озерами навязчиво лезло ему в голову, но что же поделать, если цвет глаз у нее оказался точно такой же, как вода в Светлом озере.

Хрупкая, нежная, она действительно напоминала цветок, но только не лилию, а, скорее, кувшинку: тоненький покачивающийся в воде стебелек, белоснежные заостренные лепестки, солнечная сердцевинка.

Он давно не видел таких женщин и поначалу даже опешил: было неясно, как с ней обращаться. И еще смутно ощущалось разительное несоответствие между нею и ее одеждой – грязными джинсами и

футболкой в коричнево-зеленых разводах. Эта девочка-Дюймовочка, раз уж она появилась здесь, в волшебном лесу, пусть и не из цветка, но хотя бы из зарослей, должна быть наряжена в тонкий шелк, в легкие летящие платица, в невесомые босоножки... Бабкин был чужд поэзии, но и у него имелось чувство прекрасного. Драная футболка и рыбные консервы не вписывались в образ этой женщины.

– Вы ели шпроты, – обвиняюще сказал он. Под этим подразумевалось: «Как же вы, такая нежная, ели шпроты? Может, вы еще и водку пьете?!»

– Ела, – призналась Лиля и порозовела: ей послышался упрек в том, что она не предложила разделить трапезу. И, желая исправиться, немедленно предложила: – А вы хотите шпрот? Еще есть свежий хлеб. Ржаной. С корочкой.

Сергей давно не слышал ничего более музыкального, чем эти слова. «Свежий хлеб. Ржаной. С корочкой» – это звучало прекрасно, особенно после того, как несколько дней подряд ему предлагали к обеду и завтраку нечто полусырое, явно очень полезное, под названием «Девять злаков». Каждый раз, когда Бабкин откусывал от предложенного куска, он думал, что злаки можно было бы и помолоть, хотя бы четыре из девяти.

– У вас что, пикник? – спросил он, рассматривая кусты за спиной этого лесного чуда с золотыми волосами.

Она снова смешалась. Похоже было, что она смущается от каждого его предложения.

– Н-не совсем. У меня там... как бы вам сказать... У меня там домик.

– Домик, – понимающе протянул Сергей, бросив взгляд на пригорок и волнующиеся под ветром непролазные кусты. На миг у него возникло чувство, что он разговаривает с безудержно фантазирующим ребенком, и он подыграл ей: – Под землей?

Лиля вздрогнула и со страхом уставилась на него своими большущими озерными глазищами.

– Я пошутил, – поторопился объяснить он, чувствуя себя неуклюжим ослом. – Простите, это просто была попытка юмора. Неудачная.

– Нет, не под землей, – медленно сказала она и опять порозовела. – Если хотите, я вам покажу... Но предупреждаю, там грязно!

Сергей решил больше не задавать вопросов.

– Ничего страшного, – сказал он. – Честное слово, мне было бы очень интересно взглянуть.

Она кивнула и с серьезным видом подвела его к тому месту, откуда выбралась на дорожку. Здесь побеги, склоняясь и переплетаясь, образовывали подобие очень низкого навеса, и, присев на корточки, Сергей

увидел, что под ним открывается темный проход, достаточный для того, чтобы в него пролез ребенок. Или маленькая женщина.

– А вы никому не скажете? – вдруг с тревогой спросила Лиля. – Это тайна, секрет!

Сергей посмотрел на нее снизу вверх и отрицательно покачал головой. У него едва не сорвалось: «Солдат ребенка не обидит», но он благоразумно сдержался.

– Я первая, а вы за мной. Здесь совсем недалеко.

Бабкин подвинулся, пропуская ее, и девушка легко, словно рыбка, нырнула в этот лисий лаз и исчезла в нем. До него доносилось шуршание и шелест листьев, но когда он поднялся, желая отследить направление ее движения, то ему не удалось этого сделать. Кусты шевелились то здесь, то там, как будто внизу девушка дергала за привязанные к ним ниточки, сбивая его с толку. К тому же мешал ветер. Возле пригорка торчали из бурелома засохшие жерди, но Сергей усомнился, что именно это называется «домик».

– Где же вы? – донесся до него звонкий голос. – Я уже здесь!

Сергей огляделся, удостоверился, что поблизости нет свидетелей его позора, и полез в кусты. Тяжело дались лишь первые несколько метров, а затем стебли немного раздвинулись, и он резво пополз вперед, заинтригованный, как мальчишка. Подняться ему не удалось, но, по его прикидкам, он уверенно двигался к холму.

И вдруг малина закончилась. Кусты расступились, и открылась круглая, ровная, словно блюдечко, полянка. С одной стороны ее ограждали те самые «оглобли», которые он видел с дорожки, но изнутри они оказались укреплены подпорками, и между ними был натянут брезент. Получалось укрытие и от дождя, и от ветра. Рядом были аккуратно сложены еловые ветки, а сверху на них брошена дырявая телогрейка, из которой нахально лезла клочковатая желтая вата.

– Ее все равно никто не носил, – объяснила Лиля, проследив за взглядом Сергея. – А с ней намного удобнее сидеть на... на софе. Я так называю эту лежанку.

Похоже, она волновалась, словно хозяйка, принимавшая гостей, и всерьез огорчилась бы, если бы Бабкин высмеял ее «домик». Это выглядело и трогательно, и смешно. Она не сводила глаз с его лица, выискивая на нем следы насмешки, но Сергей и не думал насмехаться. В нем проснулся подросток, и он увлеченно разглядывал все детали укрытия – не то гнезда, не то шалаша – которое эта маленькая женщина любовно обустроила для себя.

Книга в целлофановой обложке, чашка с отбитой ручкой, примотанное к ветке зеркала... Здесь имелся даже простенький, сложенный из камней очаг. В стороне все было подготовлено для обеда: на широком обрезке доски, прикрытом салфеткой, лежала порезанная толстыми ломтями ржаная буханка, пористая, как губка, и манила блестящей корочкой, щекотала ноздри своим хлебным духом. А рядом с ней красовалась банка. Та самая узкая черная банка с надписью желтыми буквами: «Шпроты прибалтийские».

И в ней, в этой банке с неровно обрезанной по краям крышкой, в темно-золотистом масле, сверкая спинками в лучах солнца, благоухали копченые шпроты. Ровненькие, тесно уложенные одна к одной, с черными хребтинками и янтарной сморщенной кожицей на боках, они безмолвно, но выразительно приглашали макнуть кусок хлеба в масло, с ловкостью фокусника поймать этим же кусочком стекающие с него капли, вилкой подцепить одну из рыбешек – и поднести ее ко рту, замерев в предвкушении острого копченого вкуса.

Вот о чем поведали шпроты Бабкину, последняя трапеза которого включала салат из вареной свеклы и сельдерея.

– Картошечки бы к ним отварной, – пробормотал он, не сводя глаз с этого богатства.

– Ой, а картошка есть, – обрадовалась Лиля. – Чуть не забыла!

Она сунулась в угол под навес, пошуршала в рюкзаке и выудила оттуда пакет, сквозь который виднелись несколько отварных картофелин в мундире и заостренные перья зеленого лука.

– И соль вот еще...

Только чувство долга и сильная привязанность к жене помешали Бабкину сейчас же, сию же секунду признаться в любви этой невероятной женщине.

– И чай в термосе, – добавила Лиля. – Сладкий. Только он, наверное, немножко остывший...

Сергей закрыл глаза и напомнил себе, что у него семья и дети. Ладно, пусть один ребенок. Но тем не менее.

– Ничего, что остывший, – великодушно разрешил он. – Все равно будет вкусно.

Он уселся на топчан, который хозяйка называла софой, и Лиля придвинула поближе импровизированный стол, выложила картошку с луком, наполнила крепким чаем чашку с отбитой ручкой.

– Приятного аппетита, – сказала она, улыбнувшись. – Ешьте, пожалуйста, я только недавно пообедала.

Сергея не пришлось просить дважды. Он откусил от картошки, с хрустом сжевал злой и очень вкусный лук, вышибающий слезу, и навис над шпротами.

«Кадавр жрал», – вспомнилось Лиле, пока она рассматривала мужчину, сметающего все, что было на столе. Она чуть не прыснула, но тут же ей стало совестно. Он совсем не был похож на кадавра! Большой, очень крепкий, с мышцами, явственно выделявшимися под рубашкой, разительно отличающийся от бледного тщедушного Олега, этот человек вовсе не казался ей ни злым, ни глупым, ни опасным. В противном случае она никогда не показала бы ему свое укрытие.

Ее саму удивил собственный порыв, когда она предложила незнакомому, в сущности, человеку взглянуть на то, что она так тщательно оберегала от посторонних глаз.

Главную роль сыграло то, что ее мужу сыщик явно пришелся не по душе. Лиля достаточно хорошо знала Олега, чтобы видеть, что тот всерьез разнервничался и даже испугался. И хотя не понимала причин, почувствовала что-то похожее на благодарность к этому человеку, который даже не запомнил ее лица. И потом, он так деликатно ушел из комнаты, когда она прибежала... Лилия, выросшая в семье, где истинный смысл слова «тактичность» оставался неведом подавляющему большинству ее членов, чутко улавливала и очень ценила любые проявления участия.

Да и что ей оставалось делать, когда она так неосмотрительно оказалась у него под ногами? Забыла о бдительности, вот и сунулась на дорожку не глядя, точно слепой крот. После этого ничего не оставалось, как признаться.

– Картошка отличная, – промычал Бабкин, заметив, что Лилия ничего не говорит и только смотрит на него выжидательно. – И чай заварен чудесно. С травками, да?

– С травками, – улыбнулась она, радуясь, что ему понравилось. – С иван-чаем и мятой из огорода Клары Ивановны.

Бабкин отметил про себя, что Лилия – единственная, кто не говорит «наша» о собственности бывшей сиделки. Ему вспомнился разговор в комнате под лестницей, после которого он пыхтел от злости, и слова, брошенные в конце беседы: «Покушение было, и это дело рук кого-то из моих родственников! Ежу понятно, что они задумывают!»

– Слушайте, вы не замечали, что ежи значительно умнее, чем принято считать? – неожиданно спросил Сергей.

Лилия изумленно взглянула на него:

– Нет, – поразмыслив, серьезно ответила она. – По-моему, это милые,

но очень глупые животные. У меня как-то жил ежик. У него были повадки коня: он фыркал и топал копытами по ночам.

– Но не ржал?

– Нет, к счастью. Только бегал кругами. Я думаю, он представлял себя скакуном на манеже. В конце концов бабушка сказала, что он плохо влияет на нашу соседку. Она жила с нами в одном доме, только в другой половине. Между прочим, он сопротивлялся. Не хотел уходить.

– Правильно: сцена, зрители...

– Свежее мясо три раза в день, – поправила Лиля. – Знаете, сколько он лопал? А когда ел, превращался в такого страшного урчащего зверя, что я его боялась. А вот наша соседка – ни капли! Она приходила и пела ему песни.

– Какие?

– Разные. «Ходит ежик над рекою», например. Или «Три белых ежа, три белых ежа, декабрь, январь и февраль». И еще: «Ежики, ежики, светлого мая привет, ежики, ежики, целый букет»!

– Мне кажется, ваша бабушка была права, – деликатно заметил Бабкин.

– Может быть, может быть, – глубокомысленно согласилась Лиля. – Тетя Галя потом ходила, искала его в лесу. Звала по имени...

Сергей вопросительно поднял брови.

– Кукуцаполь, – вздохнула Лиля. – Так его звали. Это сокращение от «кукуруза – царица полей». Соседка раньше работала агрономом.

Бабкин понимающе покивал и подцепил еще одну рыбешку. Лиля долила чай и себе, и ему, и они сидели некоторое время в лесной тишине, молча прихлебывая сладкий травяной напиток и не чувствуя ни малейшей неловкости.

– Вы правда сыщик? – с любопытством спросила Лиля, отставив в сторону чашку.

– Правда.

– И вы работаете один?

– Не совсем. У меня есть напарник. Хотя на самом деле из нас двоих он главнее.

– Мой сын на вопрос бабушки: «Кто у нас главный в стране?» ответил: «Бог», – вспомнила Лиля.

– И не поспоришь, – согласился Бабкин. – А бабушка что?

– У нее не хватило аргументов для цивилизованного спора, поэтому она просто поставила его в угол. Наверное, маме казалось, что так он быстрее найдет правильный ответ. Меня тоже в детстве много ставили в

угол, но что-то не припомню, чтобы там на меня снисходило просветление.

Сергей бросил на нее быстрый взгляд. Цветочек, конечно, и цветочек робкий, но при этом, оказывается, насмешливый. Наверняка самая молчаливая в семье, из тех, кто себе на уме, и никогда не знаешь, о чем такие думают... А потом она берет и пишет книгу, или выигрывает ралли, или делает еще что-нибудь, чего от нее никто не ожидал.

– Вы водите машину? – спросил он.

– Н-нет, – запнувшись, ответила девушка. – Я... нет.

– Почему? У вас нет машины?

Она помялась, будто не решаясь признаться в чем-то постыдном, но все же решилась:

– Есть, старенький «опель». Я очень хотела научиться водить его и заставила Олега дать мне несколько уроков. Но на третьем я... в общем... Понимаете, так вышло... Так всегда выходит...

– Так что же? – подбодрил ее Сергей, гадая мысленно, что Кувшинка сотворила с машиной. Разбила? Упала с моста? Наехала на родного мужа?

– Я провалилась в яму и разбила подвеску, – созналась Лиля. – Дорога, где мы начали учиться, была вся в ухабах, и я провалилась колесом в один из них.

– И что же? – Бабкин непонимающе уставился на нее. – Застряли? Сели «пузом»?

– Нет-нет, не застряли, что вы! Это была просто яма. Олег кричал мне, чтобы я объехала ее, но я от страха никак не могла сообразить, куда крутить руль, и в конце концов проскочила прямо по ней. Олег, конечно, очень расстроился... (*«Любая дура сообразила бы объехать эту яму!»*) и огорчился из-за машины... (*«Ты, что ли, новую тачку нам купишь?!»*) В общем, я лишний раз подтвердила свои уникальные способности, и все сошлось на том, что мне противопоказано водить машину (*«Чтобы близко подходить к гаражу не смела, ясно? Сначала мозги свои в кучу собери, потом лезь в мужские дела»*). Лиля смущенно улыбнулась, как бы извиняясь за себя.

– А какие у вас уникальные способности? – заинтересовался Сергей. – И кто эти «все»?

– Все – это мама с тетей. Они сразу говорили, что ничего хорошего из моей затеи не получится. Дело в том, что я довольно неуклюжая: за что ни берусь, все идет не так. Если в комнате стоит что-то, что можно уронить или пролить, то обязательно это сделаю. Поэтому мама с самого начала утверждала, что меня нельзя подпускать к машинам.

– Чушь какая, – не удержался Сергей. – Простите, конечно.

– К сожалению, не чушь. Вы, наверное, никогда не сталкивались с враждебностью вещей. Вот, например, моя собственная кухня меня ненавидит. Терка жаждет моей крови и регулярно получает ее, когда я тру морковь для супа. Разделочная доска всякий раз старается упасть мне на руку, а тот единственный раз, когда я попыталась открыть консервную банку с горбушей, закончился трагически и для меня, и для горбуши.

– Что с ней стало? – любопытствовал Бабкин. – Про вас боюсь даже спрашивать.

– Горбуша вылетела из отскочившей банки и разлетелась по всей кухне, а я порезалась. Все это было ожидаемо, как сказала тетя, когда перевязывала мне руку.

– Ожидаемо, значит? Как же в таком случае у вас получилось открыть *это*?

Он кивнул на банку, в которой сиротливо плавала последняя шпротина, и перевел вопросительный взгляд на девушку.

На лице у нее было написано такое изумление, что Сергей рассмеялся. Он придвинул к себе консервный нож, осмотрел его, пожал плечами:

– Нож как нож. Уверен, у вас дома точно такой же.

– Надо же... – пробормотала Лиля, моргая. – Я даже не задумалась над этим, когда открывала банку!

– И именно поэтому открыли ее. Слушайте, знаете что... Вставайте. То есть наоборот, не вставайте: давайте выбираться отсюда.

– Зачем?!

– Мне тоже нужно вам кое-что показать. Ну же, давайте!

В его уверенном голосе звучала настойчивость, и девушка подчинилась. Быстро, не задавая вопросов, она смела в пакет остатки их трапезы, спрятала пакет в дальний угол и поднялась с выражением готовности на лице.

Они выбрались тем же путем, которым попали к подножию холма, и одновременно огляделись вокруг, точно сообщники, вылезшие из чужого окна после удачного ограбления. Издалека доносились детские голоса, но дорожка выглядела совершенно безлюдной, и Бабкин увлек Лилию за собой.

Им руководил такой же внезапный порыв, что и Лилей меньше часа назад. «Это не займет больше получаса, – решил он. – Может быть, даже меньше».

– Куда мы идем? – Она смешно подпрыгивала, торопясь успеть за ним.

– К моему коттеджу. Я хотел кое-что вам показать... Расскажите-ка мне пока о своей семье.

Она искоса взглянула на него, удивленная просьбой, но послушно принялась рассказывать. Этот прием был из арсенала Илюшина, который, в отличие от самого Сергея, мог найти подход практически к любой особе женского пола независимо от характера и возраста. «Спрашивай ее о себе, еще лучше – о ее семье. Фактически это одно и то же. Любая женщина выложит свое полное досье, всего лишь рассуждая о собственной матушке».

Бабкин слушал Лилию Чайку, вспоминая забавные эпизоды из своего детства, мягко посмеивавшуюся над собой, и тихо зверел. Он не любил ничьего унижения, а то, что рассказывала ему эта крошечная женщина, с точки зрения Сергея было сплошной цепью издевательств, иезуитски облеченных в форму заботы о ней.

Самое паршивое заключалось в том, что она, похоже, не видела в этом ничего ненормального. Поэтому Бабкин кипел про себя, но вслух отделялся междометиями и короткими вопросами.

Когда они подошли близко к «Рассвету», от одного из коттеджей их окликнули.

– Лиля! Стойте!

К ним спешила заведующая, в руках сжимая несколько исписанных листов.

– Замечательно, что я вас встретила, – запыхавшись, сказала она, подойдя ближе. – Просто замечательно! Слушайте, вы мне нужны. И вы, Сергей, между прочим, тоже. У нас мало людей, катастрофически не хватает бегунов и прыгунов!

– Кого? – хором спросили Бабкин и Лиля.

– Боже мой, ну я же тысячу раз говорила! – рассерженно воскликнула Ольга Романовна. – И писала! В столовой висит объявление о том, что в воскресенье состоится день «Рассвета»!

– День «Рассвета»... – повторила Лиля, завороченно вслушиваясь в смысл этого словосочетания.

– Вот именно! Будут конкурсы, соревнования, выйдет газета! Но третья смена самая немногочисленная, людей на все конкурсы не хватает. Прошу вас, примите участие в беге с эстафетной палочкой и состязаниях по прыжкам в мешках! Ваши, между прочим, уже согласились.

– Мои? – удивилась Лиля.

– Да-да-да! Григорий – спортивный мужчина, он будет метать дротики. А Лидочка станет участвовать в поэтическом конкурсе на лучшее стихотворение о нашем доме отдыха. Теперь дело за вами!

– Что, и Клара Ивановна согласилась?! И Олег?!

Григорьева насупилась.

– Клара Ивановна обещала помочь, а вот ваш супруг отказался. Так я и не смогла его уговорить! Просто удивительно, до чего замкнутый он у вас человек! – недовольно выговорила она Лиле.

«Нет, удивительно было бы, если бы он согласился», – подумала та и развела руками, показывая, что сочувствует деятельной Ольге Романовне, но помочь ничем не может.

– Ну так что, согласны? Давайте, не отказывайтесь! И вы тоже! – заведующая потербила Бабкина за рукав рубашки.

– Ладно, – сдался тот. – Буду прыгать в мешке.

– Чудесно! – просияла Ольга Романовна. – А вы, Лиля, значит, побежите с эстафетной палочкой!

– Хорошо, – рассмеялась Лиля. – Только я не умею быстро бегать.

– Ах, дорогая моя, это не имеет никакого значения! Больше того, – она доверительно наклонилась к Лиле, – там никто не умеет! Так что не стесняйтесь.

– А кто пишет газету?

– Наш всеобщий любимец, Леонид Сергеевич! Кажется, сейчас он оформляет карикатуры, но я не уверена. Кстати, это сюрприз, так что не выдавайте меня!

– Доктору больше подошел бы жанр исторического обзора, – заметил Сергей. – Написать об истории этого места, о семье Вязниковых, о поместье...

– Правда, было бы очень интересно! – воодушевленно подхватила Лиля. – Он так увлекательно рассказывает обо всем!

Но Ольга Романовна отнеслась к этой идее без энтузиазма.

– Между нами говоря, в рассказах милейшего Леонида Сергеевича больше фантазии, чем правды, – доверительно произнесла она, наклонившись к Лиле и Бабкину. – Мы все уважаем его, он чудесный человек, но, ради бога, не принимайте всерьез всего, что он говорит. Он у нас человек совершенно безобидный, и я уважаю его право на маленькие слабости. Если доктору хочется пугать гостей историями о заточенной в подвале девушке и влюбленном графе – пусть! Может быть, он уже и сам в них поверил... Но для газеты пусть лучше рисует карикатуры!

Когда Григорьева удалилась, внеся в свой перечень участников две новых завербованных души, Бабкин и Лиля двинулись прежним путем.

– Где ваш коттедж? – спросила она.

– Вон он, за деревьями. Мы уже почти пришли.

Через тридцать шагов они и впрямь вышли к славному аккуратному

домику, возле которого стоял огромный черный джип.

– Это ваша? – уважительно спросила Лиля.

– Угу. – Сергей нажал на кнопку, и отключенная сигнализация негромко пискнула.

– А какая... – Она чуть не спросила «порода», но в последний момент спохватилась: – ...какая марка?

– «БМВ». Сейчас мы с вами кое-кто предпримем... Идите сюда, не бойтесь.

Озадаченная Лиля подошла к Бабкину, пытаясь понять, что он задумал.

Сергей распахнул перед девушкой водительскую дверь.

– Садитесь, – скомандовал он.

– Что-о?!

Лиля отпрыгнула от машины с таким ужасом, будто он предложил ей забраться верхом на орангутанга.

– Садитесь, садитесь! Я хочу провести на вас отработку урока с новичками. Считайте, что вы нужны мне как рабочий материал. Вперед!

– Нет, ни за что! – Она замотала головой. – Так нельзя!.. Чужая машина...

– Я не предлагаю вам ее угнать, – усмехнулся Бабкин. – Мы всего лишь немного прокатимся.

– Я не смогу!

– Отчего же? По-моему, сможете.

– Вы с ума сошли?! Я врежусь! Врежусь в дерево!

– У меня страховка, – бросил Сергей. – Врезайтесь. Да бросьте пререкаться, садитесь. Ну же!

Лиля на цыпочках подошла к машине, показавшейся ей теперь не просто большой, а огромной, и втекла на водительское сиденье. Бабкин сел рядом, прикрыл дверь и протянул ей ключ зажигания.

– Вставляете в эту щель. Нажимаете. И сразу отпускаете. Давай!

Если бы Лиле дали время подумать, она ни за что не согласилась бы. Но подумать ей не дали. Она выполнила инструкции Сергея, с содроганием ожидая, что вот-вот случится что-нибудь страшное. Они поедут и задавят кого-нибудь! Помчатся на безумной скорости! Она разобьет этот большой и явно очень дорогой джип! Господи, что-нибудь непременно произойдет, потому что она безмозглая корова, и это «что-нибудь» будет кошмарным и неисправимым.

«БМВ» негромко заурчал. Машина ожила, замигала лампочками на приборной панели.

– Ну вот, умница, – спокойно сказал Сергей. – Вы ее завели. Видите? Она вас слушается.

Лиля перепуганно взглянула на него, но Бабкин был вполне серьезен.

– Теперь смотрите: мы не тронемся до тех пор, пока вы этого сами не захотите...

– Я не хочу! – выпалила Лиля.

– Хотите, хотите, – заверил ее Сергей. – Просто еще сами не понимаете. Вот рычаг коробки передач. У вас под ногами две педали, газ и тормоз. Посмотрите.

Девушка взглянула вниз.

– Я знаю, – пробормотала она. – Я на «опеле» видела то же самое. Это называется коробка-автомат.

– Правильно, – похвалил Бабкин. – И управлять ею очень просто. Ну-ка сдвиньте сиденье вперед. Вот этой кнопкой...

Лиля нажала на кнопку, и сиденье мягко вытолкнуло ее к рулю. Сергей убедился, что ногами она достает до педалей, и показал, как переключать скорости.

– Все, что вам нужно – это мягко отпустить педаль тормоза, – сказал он. – Но если вы сделаете это резко, то ничего плохого не случится. Ну, поехали!

Он откинулся на спинку сиденья и приоткрыл окно.

– Вы не пристегнетесь? – робко спросила Лиля.

– Пристегнусь, и вы тоже.

Она неловко потащила ремень, с трудом нашла место, куда его нужно было вставлять.

– А теперь переключайте скорости и трогайтесь с места, – сказал Сергей. – Помните, куда переключать?

– Помню, – прошептала Лиля.

– Вот и прекрасно. Давайте.

Он делал вид, что беззаботно поглядывает вокруг, но в действительности контролировал каждое ее движение. «Выезд широкий и прямо на дорогу. Деревья стоят далеко. Других машин нет и не предвидится. Ну, с богом!»

Лиля сдвинула рычаг переключения скоростей и вцепилась в руль, думая только об одном: стоит ей отпустить педаль тормоза – и они рванут вперед.

– Мягко поднимайте ногу, – посоветовал Бабкин.

Лиля посмотрела на него расширенными глазами. Он, кажется, совершенно не понимал всего ужаса их положения! То ли дело Олег! Когда

муж начал заниматься с ней, он сидел с напряженным лицом и сперва объяснил ей устройство машины, а потом накричал на нее, потому что она не поняла и половины и не смогла ответить на его вопросы. А этот... этот сидит, как будто ничего не боится и ничуть не опасается за свое черное чудовище!

«Вовсе это и не чудовище, – неожиданно вступился за машину внутренний голос. – Большой, уютный, и руль мягкий. Ну же, попробуй!»

Пораженная предательством внутреннего голоса, Лиля чуть приотпустила ногу с педали. Машина тронулась с места так плавно, что только по движению деревьев за окном Лиля поняла, что они поехали.

– Умница, – невозмутимо похвалил Сергей. – Без рывка тронулась, молодец.

Не веря самой себе, Лиля еще отпустила педаль. Теперь она видела, что они и в самом деле движутся.

– Я еду... – выдохнула она.

– Конечно, едете. Если станете нажимать на газ, поедете быстрее. Кстати, сейчас дорога делает изгиб.

– Изгиб?! – всполошилась Лиля. «Господи, я не смогу! Я не знаю, как крутить руль!»

Руки ее сами повернули руль влево, и черный джип плавно вписался в поворот.

– Блестяще, – искренне восхитился Бабкин. – Сейчас проедем еще метров пятьсот, там развернемся – и обратно.

Он бросил короткий взгляд на девушку. Она по-прежнему держалась за руль как за спасательный круг, и на лице ее отражались восторг и недоверие.

– Мы едем... – повторила она шепотом.

– Ну конечно, – флегматично заметил Сергей. – Женщина, которая бескровно вскрывает банку со шпротами, легко научится водить машину. Объезжайте сосну и разворачивайтесь.

Лиля выполнила все указания. Машина слушалась. Слушалась! Этот огромный сложный механизм, про который Олег говорил, что он не предназначен для женщин, вез их с Сергеем, и она, Лиля, управляла им! В это невозможно было поверить.

Колесо на что-то наехало, и пассажиров ощутимо потрянуло. Лиля ударила по педали тормоза так резко, что их обоих бросило вперед, и с отчаянием уставилась на своего штурмана.

– Что? – непонимающе спросил тот. – Что мы встали?

– Яма... – пробормотала Лиля, мучительно краснея. – Мы упали.

Подвеска сломалась, наверное.

– Мы – что сделали? – переспросил Бабкин. – Упали?

И вдруг захохотал. Лиля смотрела на него и ничего не понимала.

– Слушайте, вы в такую же яму провалились на своем «опеле», правда? – сквозь смех выговорил Сергей. – Подвеска, еще бы! А кузов не дал трещину, нет?

– Олег сказал... – начала она.

Бабкин прекратил смеяться как по мановению волшебной палочки. Она готова была бы поклясться, что во взгляде его мелькнула ярость, но голос был спокойный, как и прежде, когда он сказал:

– Ваш муж ошибся. Это не яма, а кочка, и с подвеской ничего не случилось. Стекла не вылетели, двери не отвалились, бампер цел, машина готова продолжать движение. На то она и машина, чтобы наезжать на кочки. Поехали.

И они поехали.

Повеселевшая Лиля даже осмелилась разогнаться до пятнадцати километров в час, и очень ловко загнала машину на то же самое место, откуда они выехали. «Потом перепаркуюсь, – решил Бабкин, поглядев в зеркало. – Пусть пока криво постоит».

Когда они вышли, она уже улыбалась во весь рот и выглядела совершенно счастливой:

– Мне не верится... Слушайте, я в самом деле ехала! Просто слов нет!

– Ехали, и ехали очень неплохо, – подтвердил Сергей. – Я бы вам советовал найти хорошего инструктора и брать уроки вождения. У вас получится, можете мне поверить.

Лиля взглянула на него сияющими глазами, и Бабкин ощутил себя волшебником. Оказалось, что это чувство приятно щекочет его самолюбие. Он даже не знал, кем больше гордится: девушкой или самим собой.

– Ой, мне пора, – спохватилась Лиля, взглянув на часы. – Спасибо вам большое! Спасибо-спасибо!

Она сделала движение, словно собираясь поцеловать его в щеку, но ограничилась тем, что махнула рукой и побежала в сторону озера. Бабкин проводил ее взглядом, вздохнул, достал телефон и снова позвонил напарнику.

На этот раз ему удалось дозвониться, и Сергей, тут же выкинув из головы Лилю Чайку, подробно описал Ильюшину ход расследования.

– Сдается мне, дело тухлое, – напрямик сказал он в завершение рассказа. – Полно обрывочных сведений, а с места я не сдвинулся ни на шаг. И не сдвинусь, если этот тип не украдет еще какую-нибудь девицу, а я

не поймаю его на этом. Непонятно даже, зачем он это делал!

– В пансионате есть места, где их могли бы прятать?

– В том-то и дело, что таких мест полно! Есть отдельно стоящие коттеджи, есть хозяйственные постройки, есть главный корпус, в конце концов. Девиц могли завести куда угодно! Особенно, если они шли по собственной воле. Самый простой способ – обследовать каждый дом, но это неосуществимо.

– А свидетели? Что, никто не видел, как девочка-подросток уходит куда-то с взрослым человеком?

– Никто.

– Ты всех опросил?

– Да. Макар, это место – сонное болото! Здесь в лесу за целый день можно встретить двух старичков, которые сами тебя не разглядят сослепу, да влюбленную парочку. Народ разбредается по своим номерам, валяется на берегу возле озера, играет в бильярд... Дискотек и клуба нет, место встречи у всех – столовая. К вечеру отдыхающие немного оживляются, но девчонки пропадали по утрам, когда здесь еще все дрыхнут.

Макар помолчал в трубку и спросил:

– У тебя самого есть какие-нибудь подозрения? Бездоказательные, на чистой интуиции?

– На интуиции – это к тебе вопрос, – проворчал расстроенный Сергей.

– Кое-какие есть, но без подтверждений это не подозрения, а личная антипатия.

– Кто?

Бабкин подробно рассказал об Олеге Чайке.

– Гнусный тип, – закончил он. – Вечно что-нибудь мнет в руках, посмеивается невпопад, местами выглядит полным придурком, но при этом далеко не дурак.

– Мнет в руках? – переспросил Макар. – Что именно?

– Ну... бумажки всякие, фантики... Цветочки из них складывает. Да какая разница! – вдруг рассердился Сергей. – Даже если он шулер, то хорошо замаскировавшийся: живет себе на средства чужой тетки и в ус не дуется.

– И его жена мирится с таким положением дел, – скорее себе, чем ему сказал Илюшин.

Бабкин мимоходом попытался вспомнить, говорил ли он Илюшину о жене Олега Чайки, но не вспомнил.

– Мирится, не мирится, – по-прежнему раздраженно бросил он, – какая разница?

– Может быть, и нет разницы, – подозрительно покладисто согласился Макар. – Вход в дом у них обоих случайно не отдельный?

– Нет. Больше того, двери в доме запрещено закрывать: за этим строго следит хозяйка. Все пятеро должны быть в сговоре, чтобы провести в дом девушку.

– Или преступник обладает большой долей наглости и везения, – поправил его Илюшин. – Ты сам говоришь, по утрам все спят.

– Но не эти. Гейдманы живут по своему расписанию, завтракают очень рано, около семи.

– И один из них следил за тобой, – напомнил Макар, – тот самый, о котором ты просил меня навести справки.

– Навел? – встрепенулся Сергей. – И что нарыл?

– А то, что Григорий Гейдман пять лет назад был уволен из театральной студии «Махаон». Основание: недопустимые действия в отношении одной из учениц. Родители пожаловались, и девочка подтвердила, что руководитель кружка приставал к ней.

– Что ж ты молчал?! – возмутился Бабкин. – А сколько лет чаду?

– На тот момент было пятнадцать. Гейдман ушел тихо, до уголовного дела не дошло. Но история все равно получилась шумная и некрасивая. Так что у тебя еще один подозреваемый.

– Не исключено, – протянул Сергей, в новом свете взглянувший на Григория после слов напарника, – что он следил не за мной, а за Матильдой. Она шла мимо моего коттеджа. Тогда я решил, что это совпадение...

– Может быть, и совпадение, а может быть, и нет. Говоришь, дом большой?

– Да. Двухэтажная изба с мансардой, за ней...

Бабкин осекся. Он неожиданно сообразил, что за домом Гейдманов есть сарай и еще какое-то мелкое сооружение, а ведь он совсем упустил их из виду.

И в тот день, когда он заходил к ним и попал в эпицентр заварушки, бородач упоминал о сарае. Что-то он там делал... Кажется, чинил дверь...

– Так, Серега, слушай внимательно, – сказал Илюшин, подождав продолжения и не дождавшись его. – Помимо отработки Гейдмана тебе нужно сделать две вещи. Первое: посмотреть картины Олега Чайки. Запомнить их и описать во всех подробностях, а в идеале – сфотографировать и отправить мне снимки. Он живет в пансионате с начала лета и должен был что-нибудь изобразить за это время.

– А второе? – спросил Бабкин, огорошенный первым заданием и

тщетно пытаюсь найти связь между своим расследованием и картинами Олега.

– Второе проще. Необходимо выяснить, отчего умер его дядя.

– Понял. Хорошо, сделаю.

У Бабкина вертелся вопрос о картинах, но он по опыту знал, что расспрашивать Макара бесполезно.

– И вот еще что, – добавил Илюшин. – Из взрослых мужчин у тебя там еще имеется супруг заведующей, если я ничего не путаю. Хирург, так? Что он собой представляет?

– Понятия не имею. На первый взгляд – мужик как мужик, и к тому же был в Москве в то время, когда случились исчезновения. Но я знаю об этом лишь со слов самой Григорьевой. Говоря начистоту, это не алиби, его нужно проверять. Но ты же понимаешь, Макар, если проверять каждого, то я один не управлюсь и до зимы.

Макар помолчал, и в трубке Сергей услышал быстрый звонкий перестук: Илюшин, по своему обыкновению, выбивал пальцами четкую барабанную дробь по тому, что попало под руку. Судя по звуку, на этот раз ему попала кастрюля.

– Ты что, суп варил? – подозрительно осведомился Бабкин. – По чему ты там барабанишь? Кстати, перестань, это действует мне на нервы.

– Не кастрюля, а сковорода, – сказал Илюшин, не прекращая выстукивать. – Не отвлекайся. На мой взгляд, мой запутавшийся друг, самый перспективный твой подозреваемый – заведующая. Исходя из того, что ты мне рассказал, она уже в семнадцать лет грудью стояла на защите семейного счастья, а к чему дозрела до сорока, один бог знает! Подумай сам: у нее наверняка есть доступ ко всем хозяйственным помещениям и она может, не вызывая подозрений, заманить туда девушек. К тому же муж – врач, что здорово облегчает приобретение лекарств, в том числе тех, которые в обычной аптеке не продадут. Девица из Вязников не стала скрывать, что имеет виды на ее супруга...

– А Григорьева не стала скрывать, что знает об этом, – вставил Сергей.

– Ну и что? Неглупая женщина – поняла, что врать бесполезно. Но у нее есть все основания ненавидеть молодых красивых девушек, согласишься?

– Соглашусь. Я обо всем этом уже и сам думал. Ты только одного не учел: цели. Зачем? Вот скажи мне, раз ты такой умный – зачем нужно похищать их на один день? Это же абсурд! Я бы понял, если бы какой-нибудь местный псих насильно их! Но – женщина? С головой у нее все в порядке, уж поверь мне.

– Ты не врач, – возразил Илюшин. – Наверняка знать не можешь.

– Наверняка – нет, но могу предполагать. И еще: не забывай, у нее самой убили сестру, когда та была чуть старше.

– Что тоже говорит в пользу моей версии. Психологическая травма, полученная в юности, вкупе с нынешней психотравмирующей ситуацией и тщательно подавляемым чувством ревности – это гремучая смесь, мой простодушный друг.

– Ладно, принял к сведению. Все равно настаиваю на своем: голова у нее варит, как у здоровых, не как у больных. Кстати, результат исследования вещества, которым вырубил Матильду, еще не готов?

– Пока нет. Еще минимум три дня.

– Черт, плохо! Может, хоть это внесло бы какую-то ясность.

– Начни вносить ясность с того, о чем я сказал, – посоветовал Илюшин. – Картины Олега Чайки и причина смерти его дяди. Все, конец связи.

Бабкин сунул телефон в карман, хмуро огляделся вокруг.

– Картины Олега Чайки, – проворчал он. – Легко сказать! Как к ним подобраться-то, к этим картинам? Притворяться покупателем уже поздно. Или еще нет?

Глава 7

Когда я вернулась, Олег сидел на веранде и, по злому выражению Клары Ивановны, «малевал». Заметив меня, он отложил кисть и поднялся мне навстречу.

– Где ты была?

Его голос не оставлял мне шансов тихо ускользнуть, сделав вид, что ничего не произошло: муж был в бешенстве. Должно быть, он долго просидел здесь с мольбертом, дожидаясь моего возвращения. Когда Олег впадает в исступление, глаза у него из светлых становятся белесыми, а угол рта судорожно подергивается, будто он ежесекундно предпринимает попытку улыбнуться и раз за разом терпит поражение.

Сейчас на него снова напал тик. Такого не случалось еще ни разу за это лето, и я надеялась, что на этот раз все обойдется.

– Где ты была? – повторил он, конвульсивно улыбаясь мне правой половиной рта.

– В лесу.

Я постаралась, чтобы ответ мой прозвучал спокойно и не вызываяюще.

– Ты была не в лесу.

– В лесу.

– Не смей мне врать! – Он приблизился вплотную, схватил меня за руку, наклонился ко мне и задышал мне в ухо. – Не смей врать, поняла?! Посмотри мне в глаза. Посмотри! Посмотри!

Бормотание Олега всегда действовало на меня парализующе, а взгляд его белых глаз ужасал так, что я готова была признать за собой любые грехи, лишь бы он перестал изводить меня и требовать, чтобы я смотрела на него. Случись мне превратиться в героя книжки, я стала бы глупой обезьяной из племени бандерлогов, что безропотно идет напрямик в пасть удаву Каа, выписывающему перед ней круги в мраморных развалинах.

Наверное, тем, кто не переживал подобного, сложно понять, как один человек может так легко подчинить себе волю другого. Но мне казалось, что если я немедленно не послушаюсь приказаний мужа, случится что-то очень плохое, что-то страшное, о чем нельзя даже думать, чтобы ненароком не накликать. Олег пугал меня, и я замечала, что Федя тоже боится отца, когда он становится таким.

– Смотри на меня, паршивая врушка!

Я бы посмотрела на него, и все закончилось бы как обычно, но...

Но за последние два часа со мной что-то произошло – то, что как будто подвело итог изменениям, понемногу накапливавшимся во мне за неделю. Эта фраза, брошенная почти незнакомым человеком: «Женщина, которая бескровно вскрывает банку со шпротами, легко научится водить машину»... Она что-то разбудила во мне. Ведь я действительно управляла автомобилем! Я, которую считают ни к чему не пригодной и постоянно напоминают об этом, чтобы не забывала! И еще я нашла подземный ход и выбралась из него, и у меня есть свой домик в лесу, и я научилась открывать банку со шпротами без того, чтобы забросать ее содержимым окрестности и отрезать себе полпальца! Наверное, все это звучит смешно, но я была калека, обреченная на неподвижность, которая неожиданно для самой себя вдруг обнаружила, что делает крохотные, неуверенные, но самостоятельные шаги.

И еще... стыдно сказать, но я чувствовала, что нравлюсь мужчине, который разрешил мне сесть за руль своего джипа и подбодрял, пока я вела его машину. От этой мысли становилось неловко, как будто я думала о чем-то запретном, и очень приятно. Я так давно не была с мужчинами наедине, что совсем забыла, каково это – нравиться...

Все это перемешалось у меня в голове и вызвало цепную реакцию: во мне тихонько начало вскипать возмущение. Вместо того чтобы подчиниться, я отошла к краю веранды и встала спиной к перилам.

– Подойди сюда и не смей мне врать!

– Это правило распространяется только на меня? – тихо спросила я, избегая смотреть мужу в глаза. – Или и на тебя тоже?

– Что ты несешь?!

– «Не смей врать» – это и к тебе относится, правда? – чуть смелее повторила я. – А ведь ты соврал мне насчет машины.

Олег, направившийся было ко мне, остановился в трех шагах, словно натолкнувшись на препятствие.

– Какой еще машины? – Он прищурился, разглядывая меня, словно желая убедиться, что перед ним и в самом деле его жена, а не другая женщина.

– Нашей машины, Олег. Ты сказал мне, что я разбила подвеску, когда провалилась в яму. Но после того случая ты не отвез ее в автосервис, не так ли? Сам ты не мог бы починить ее, а машина с разбитой подвеской ездить не в состоянии. Из всего этого я делаю вывод, что ты сказал мне неправду и с подвеской ничего не случилось.

Олег помолчал. Губа у него дергалась уже тише.

– Я ошибся, – ровно сказал он, не сводя глаз с моего лица. – В самом

деле, сейчас вспомнил. Подвеска оказалась довольно крепкой.

– Вот как? Тогда почему же ты попрекал меня изувеченной машиной следующие три месяца? И рассказал маме и тете, как я испортила почти новый «опель»? Разве ты не понимал, что они мне этого никогда не забудут?

– Твои отношения с матерью меня не касаются, – холодно сказал муж.
– И прекрати истерику.

Истерику? Я говорила так тихо, что меня вряд ли можно было услышать за десять шагов.

– Ступай в дом, я потом поговорю с тобой.

Услышав это, я возликовала. Отсрочка! Не знаю, что такого я сказала, но наказание, кажется, откладывается, а может быть, и вовсе отменяется.

Я проскользнула мимо мужа, стараясь не прикасаться к нему, но и не обходить стороной, и зашла в дом. На полке валялись грязные ботинки Клары Ивановны, и только легким помешательством от собственной храбрости я могу объяснить ту идею, которая закралась мне в голову, пока я смотрела на них.

Как выяснить, чем мой муж шантажирует нашу покровительницу? Будь у меня деньги, я наняла бы частного сыщика. Но денег не было. Значит, мне самой предстояло стать частным сыщиком.

Я задумала залезть в комнату Клары Ивановны и обыскать ее. Возможно, там ничего не окажется, но что, если я обнаружу то, что поможет мне найти разгадку? К сиделке никто не заходит, и ее дверь единственная, которую запирают в этом доме. Если она что-то и прячет, то именно там.

Еще неделю назад даже бледная тень этой мысли не могла бы посетить меня, а сейчас я всю обдумывала, как мне попасть в святая святых этого дома. Сделать копию ключей? Украсть ее собственные? Идя по коридору, я с каждым шагом все яснее осознавала, что это невыполнимо. Проходя мимо закрытой двери на первом этаже, я замедлила шаг, прислушиваясь, и наконец остановилась совсем.

Интересно, там ли Клара Ивановна? Что, если постучаться, войти и незаметно стянуть ключи со стола, отвлекая ее болтовней? Нет, глупости! Меня даже не пустят внутрь...

Я сообразила, что понятия не имею, как сейчас выглядит комната сиделки. С той поры, как умер старый Гейдман, Клара Ивановна переселилась со второго этажа на первый и перестала пускать к себе. Наверное, на то есть причины...

Чем дольше я стояла возле двери, тем сильнее мне хотелось попасть

внутри. В конце концов, ступая на цыпочках, я бесшумно подкралась к ней и положила ладонь на изогнутую кованую ручку. Нажала на нее – и внутри негромко щелкнула задвижка. Дверь приотворилась.

Что, так просто?! Не может быть! Но она и впрямь оказалась незаперта. Неужели Клара Ивановна не допускала и мысли, что кому-то из нас придет в голову залезть к ней? Я быстро протиснулась внутрь в узкую щель, отчего-то боясь приоткрыть дверь шире, и осторожно закрыла за собой. Поразительно, какой несложной при ближайшем рассмотрении оказалась эта задача!

Я огляделась. Обитель сиделки выглядела на удивление пристойно и скучно. Широкая кровать, письменный стол у окна без единой бумажки, зато с чернильницей древнего вида, потрескавшийся комод, худой шкаф-гардероб и тумбочка – вот и вся обстановка. Старые пожелтевшие обои в полоску, на свободной стене – красный ковер с геометрическим рисунком. Я была так разочарована, как если бы подземное логово дьявола на поверку оказалось благоустроенной комнаткой с кондиционером, телевизором и желтенькими стикерами на холодильнике. «Не забыть купить душу у Н!», «Переписать контракт с Сальери!!», «Выкинуть ветчину не позже 11-го!»... Где черные псы, изрыгающие пламя, где клубки шевелящихся двухголовых гадюк, где камин с дьявольской золой?

Забыв про осторожность, я торопливо обыскала ящички письменного стола. Документы на дом, какие-то счета, еще счета, и еще... Бог мой, да наше летнее жилье недешево обходится Кларе Ивановне! Я выдвигала один ящик за другим и задвигала обратно, стоило только убедиться, что ничего секретного он не содержит. Косметика, записные книжки, куча обломков от карандашей... Не знаю, что я надеялась обнаружить, но вещи Клары Ивановны были безупречны, как у старой девы, которой она и являлась.

Покончив со столом, я решила перейти к шкафу, и вдруг услышала знакомые шаги в коридоре. Сиделка! Заметавшись, я чуть не сшибла чернильницу, но в последний момент успела поймать ее на краю стола. Господи, что же делать?! В тот момент, когда изогнутая ручка уже начала опускаться вниз, я бросилась на пол и заползла под кровать, забила к стене, молясь, чтобы меня не заметили.

Бахрома покрывала покачивалась, но Клара Ивановна, к счастью, не обратила на нее внимания. Прижавшись щекой к полу и чувствуя дуновение сквозняка, я смотрела, как мимо кровати шаркают стоптанные розовые тапочки с помпонами. Они остановились, и сердце у меня бешено заколотилось. Кряхтя и что-то бормоча себе под нос, сиделка наклонилась – перед моим лицом мелькнула худая белая рука в браслетах – и подняла с

пола обрывок бумаги. Тапочки прошли дальше и скрылись из зоны видимости.

Я облегченно перевела дух. Конечно, положение мое не из веселых: Клара Ивановна может просидеть в комнате до самого ужина, а уходя, закрыть дверь на ключ, и как тогда я стану выбираться? На окнах первого этажа стоят решетки, а ходить через стены я пока не научилась. Но меня хотя бы не заметили! Страшно представить, что случится, если Клара обнаружит меня под собственной кроватью. С нее станется похоронить меня под ней же, а всех прочих с милой улыбочкой известить, что «бедную Лилию, должно быть, утащили гномы»...

– Это что, новый приступ сумасшествия? – пронзительно сказала Клара.

От этого вопроса я подскочила и ударилась головой о панцирную сетку.

– Я не собираюсь выслушивать этот бред! – продолжала она. – Возьми себя в руки!

Только тут я сообразила, что подслушиваю телефонный разговор. Клара позвонила кому-то, и этот кто-то сходу огорошил ее. Любопытно было бы знать, чем...

– Саша, прекрати! – увещевала Клара. Голос ее стал мягче. – Все будет хорошо, обещаю тебе. Они ни о чем не догадаются!

Саша? Мужчина?! У нашей Клары есть мужчина, и она скрывает его от нас? К кому же еще могло относиться «они»?

– ... И даже в этом случае я успею раньше! Все подготовлено, осталось дожидаться подходящего момента. Сашенька, не бойся! Скоро, уже скоро!

Клара еще недолго поговорила, убеждая своего собеседника не паниковать, и наконец попрощалась.

Окончание разговора звучало гораздо более мирно, чем его начало. Похоже, ей удалось убедить своего Сашу в том, что у нее все получится... Но что получится? И не об этом ли они говорили с Олегом?

Закончив беседу, сиделка испустила тяжелый вздох, свидетельствующий о том, что общение с Сашей далось ей нелегко. Лежа под кроватью и ощущая, как от неудобной позы немеет рука, я слышала шелест бумаги: Клара что-то писала. Она вздыхала, шептала себе под нос, кряхтела, как скряга, вынужденный расстаться с частью накопленного, и даже пофыркивала, словно пьющая лошадь. Мне стало смешно. Тапочки вновь прошлепали мимо меня, уже в обратную сторону, скрипнула дверца шкафа, и через несколько секунд затишья послышалось бульканье.

Поразительно! Сначала мужчина, теперь выпивка... Для полноты картины не хватало лишь, чтобы Клара Ивановна станцевала на столике в кабаре.

Пыль щекотала у меня в носу, и мне ужасно хотелось чихнуть. Я зажала нос пальцами и прижала колени к животу, собирая всю грязь, скопившуюся под кроватью. Сколько я смогу пролежать так? Три часа? Четыре? Потом мне захочется есть, но еще раньше – в туалет, и что делать, если Клара до этих пор не уйдет из комнаты?

Я заставляла себя продумывать способы выбраться, но мое воображение рисовало самые мрачные картины. Любой способ побега заканчивался унижительным фиаско. Мысленно я застревала между прутьями решетки на окне, была застигнута в шкафу, словно съевшая шубу моль на месте преступления, меня придавливало кроватью, на которую сверху ложилась Клара... Фантазия определенно работала против меня.

В конце концов я смирилась и решила просто ждать. Больше мне ничего не оставалось.

Но лежать на полу становилось все холоднее, а от пыли постоянно хотелось чихать. Как я и ожидала, меня начал мучить голод. Я слышала, как ручка скрипит по бумаге. Клара писала. Письменный стол стоит возле окна, значит, она сидит спиной к комнате...

У меня зародилась дерзкая мысль. Не давая себе времени одуматься, очень медленно я подползла к краю кровати, выглянула – и тут же отдернула голову.

Так и есть! Клара сидит спиной ко мне, склонившись над столом. Я выглянула снова, стараясь не дышать, чтобы неосторожный звук не привлек ее внимания.

Сидит.

Передвигаясь по миллиметру, я выбралась наружу и осторожно перевела дух. Теперь стул Клары возвышался прямо передо мной, а вожделенная дверь осталась в четырех метрах за моей спиной. Предстояло дойти до нее, не издавая ни единого звука, открыть так, чтобы Клара не обернулась на щелчок, и закрыть за собой.

Нет, немислимо! Она обернется!

«Да стукни ее табуреткой – и все дела! – подсказал зловерный внутренний голос. – Давай! Или набрось покрывало ей на голову! Пока она мечется, успеешь удрать».

«Заткнись!»

«А еще можно подкрасться сзади и шепнуть, что ты дух старого Гейдмана. И пока она лежит в обмороке, обыскиваешь шкафы и выходишь неспешной походкой».

«Да тихо ты!»

«Ну хотя бы выдерни из-под нее стул, – не унимался голос. – Выдерни, выдерни! Будет что вспомнить перед четвертованием!»

Я принялась пятиться назад, не сводя взгляда с рыжеватых с проседью волос на затылке. «Только не оборачивайся! Только не оборачивайся!»

В коридоре слышались голоса. Господи, этого еще мне не хватало! Лида с братом опять меряются талантами и выясняют, у кого из них на надгробии будет выбито «От благодарных потомков». Мне некстати вспомнилось, что Лидия уже написала для Григория эпитафию. Она сама призналась нам в этом на днях, мило смущаясь, и тут же продекламировала, решив не дожидаться, так сказать, официального повода:

*Здесь, не обласкан Мельпоменой,
Не в силах властвовать над сценой,
Лежит, душою свеж и чист,
Несостоявшийся артист.*

Выслушав это, Гриша пообещал, что постарается жить как можно дольше. И через пять минут, любезно улыбаясь нахмурившейся Лидии, предложил свой вариант эпитафии, на этот раз – для нее.

*Ее душе в аду нашлось бы место,
Но, с Сатаной стихами говоря,
Дождалась вскоре наша поэтесса,
Что прочь из ада выгнали ея!
Возрадуйтесь! В раю она отныне!
И там приводит ангелов в унынье.*

Лидия вскипела и наговорила Грише гадостей, тот не остался в долгу, и через пять минут мы все наблюдали семейную заварушку с приправой из едких комментариев Клары Ивановны. Видимо, отголоски этого спора и доносились теперь до меня.

Сиделка зашевелилась, и я превратилась в соляной столп. Но она всего лишь сменила позу. За дверью продолжали ссориться. Теперь я не могла даже выскочить наружу и убежать в надежде, что Клара не узнает, кто именно пробрался к ней. «Уходите, да уходите же!» – молча взывала я к

Гейдманам.

Мои мольбы подействовали: разговор затих. Я подкралась к двери, остановилась – и безжалостная половица тотчас скрипнула у меня под ногами. Сжав зубы, я обхватила ручку со всей нежностью, на которую была способна, и потихоньку начала поворачивать ее, со страхом ожидая щелчка.

И щелчок раздался. Клара Ивановна вздрогнула, прислушалась и пришла в движение: приподнялась, отодвигая стул, отложила ручку...

Все дальнейшее для меня осталось за дверью. В прямом смысле: я за одну секунду успела дернуть ручку на себя, вылететь в коридор и метнуться к выходу. Мига мне хватило, чтобы сунуть ноги в разношенные босоножки, и я выбежала на крыльцо.

Как выяснилось, Клара сделала почти то же самое. Она проворно пробежала следом, еще не зная, кто осмелился на такое нахальство, и выглянула во двор. Но вместо позорно улепетывающего преступника обнаружила Сергея Бабкина, неторопливо подходящего к дому.

– Вы кого-нибудь видели? – крикнула Клара, не задаваясь вопросом, что он делает здесь второй раз за день.

– Когда? – удивился Сергей.

– Господи, только что! Только что! Видели или нет?

– Доктора видел, заведующую... – перечислил сыщик. – Еще семья с ребенком возле озера играет. А вам кто нужен?

– Тьфу!

Оборвав таким невежливым образом их диалог, Клара Ивановна скрылась в доме и принялась последовательно обыскивать комнаты.

– Можете выходить, – вполголоса позвал Сергей. – Она улетела.

Я выбралась из-за угла и выдохнула.

– Что, насыщенный день? – поинтересовался сыщик, насмешливо глядя на меня умными темно-карими глазами.

Меня одолело искушение выложить все ему начистоту: и про мужа, и про подслушанный разговор, и про подземный ход. Не знаю, что меня остановило... Должно быть, понимание, что Сергей – не просто один из отдыхающих, он выполняет какую-то работу, и ему не до того, чтобы выслушивать глупые жалобы случайной знакомой.

Поэтому я ограничилась кивком. Да, день и в самом деле очень насыщенный.

– А я шел к вам, – сообщил Сергей. – Мне нужен ваш совет. У моей жены скоро день рождения, выбрать подарок в Москве я не успею. Вот и подумал, не купить ли у вашего мужа пейзаж здешних мест. Он ведь художник, так?

– Художник, – подтвердила я.

– Но есть одна засада: мы с ним не слишком хорошо поладили... Боюсь, что если попрошу его показать мне картины, он откажет. Вот я и хотел посоветоваться с вами, что лучше сделать.

– Но это же очень просто! – Я обрадовалась тому, что смогу быть чем-то полезной. – Олег сегодня поедет в райцентр, ему что-то нужно в магазине. Григория он, скорее всего, захватит с собой, а Клара Ивановна собиралась пойти в главный корпус: там в холле стоит телевизор, а в пять будет какая-то передача, которую она никогда не пропускает. Так что я смогу провести вас в комнату, где Олег хранит картины, и вы посмотрите, подойдут ли они вам.

Очевидно, в голосе моем под конец прозвучало колебание, потому что Сергей тут же озабоченно спросил:

– Что, могут не подойти? Мне нужен обычный пейзаж.

– У всех свои предпочтения, – вывернулась я. – Вы сами посмотрите и решите.

Все получилось так, как предсказала Лиля: Олег с Гришей уехали, Лидия закрылась у себя, а Клара Ивановна ушла в главный корпус, злая как сто чертей: ей так и не удалось узнать, кто пытался забраться к ней в комнату. К счастью для Лили, она не поняла, что этот кто-то провел рядом с ней немало времени: ей показалось, что один из домашних попытался зайти и тут же убежал. Если бы она знала правду, то не поленилась бы нанять Сергея, чтобы он нашел негодяя.

Сергей шел рядом с девушкой, стараясь ступать неслышно, и Лиля только поражалась, как здорово у него получается. Этот большой мужчина, в два раза выше нее и во столько же раз тяжелее, двигался плавно, как ниндзя, и с поистине кошачьей грацией. Лиля подумала, что производит куда больше шума, чем он, хотя может пройти по дому с закрытыми глазами.

Они поднялись в ту часть мансарды, которую Клара Ивановна выделила Олегу под временную мастерскую, и она обвела рукой пространство:

– Вот. Пожалуйста.

Сергей пошел вдоль картин, прислоненных к стене, время от времени останавливаясь перед какой-нибудь из них. Пару раз он даже присел на корточки. Лиля подошла ближе, пытаясь понять, чем обусловлен его выбор, но не смогла.

Ей не нравились картины Олега. Она так и не научилась понимать их.

Она бы, наверное, даже огорчилась, если бы Сергей выбрал одну из них в подарок своей жене, но он этого не сделал.

– Боюсь, это не то, что может ей понравиться, – сказал Бабкин, поднимаясь. – Она предпочитает другую цветовую гамму.

Сыщик подошел к столу, окинул вопросительным взглядом коробки с карточками:

– А это что такое?

– Это что-то вроде картотеки, – объяснила Лиля. – Олег любит, чтобы о каждой картине все было известно. Где, при каких обстоятельствах написана, размер холста... Много разных сведений. Ему даже важно, чтобы я указывала, в каком магазине куплены краски, которыми он пользовался. О кистях то же самое, конечно.

Сергей присвистнул:

– Вы шутите!

– Нет, правда-правда! Я придумала систему, по которой можно быстро найти любую понадобившуюся картину.

Ей не хотелось говорить, что эта система пригодилась всего два раза. И что Олег, с маниакальной точностью записывающий все, что касается его полотен, почти никогда не пересматривал их. Только если хотел проверить, не забросила ли жена свои обязанности.

– Можно посмотреть? – Сергей склонился над длинным ящиком, из которого торчали карточки.

– Конечно.

Лиля достала одну, показала ему, объяснила, как ориентироваться по кодам.

– Вы действительно сами это придумали? И записали?

Недоверие в его голосе вызвало улыбку на ее лице:

– Честное слово. А что?

– Это колоссальный объем. Но почему на бумаге, а не на компьютере?

– На компьютере тоже есть. Но Олег не доверяет технике, он предпочитает бумагу. Говорит, что бумага всех переживет. Может быть, он и прав...

Лиле вспомнилось кое-что, и она вытащила из кармана смятое письмо.

– Хотела вам кое-что показать... Смотрите – я нашла его в том самом шалаше, где мы с вами сегодня обедали. Оно было спрятано в коробке. Как вы думаете, сколько лет этому посланию?

Сергей бережно взял у нее листок, развернул и начал читать. Она видела, как меняется его лицо: сперва на нем отразилось изумление, которое сменилось узнаванием и, наконец, улыбкой.

– Это письмо написано двадцать лет назад, – без тени сомнений сообщил он. – В июне месяце.

– С чего вы взяли? Что, я не заметила числа?

Лиля внимательно осмотрела листок, но даты не нашла и подумала, что это и неудивительно: обычно влюбленные девушки не стремятся к точности в таких вопросах.

– Дело вовсе не в числе. Просто мне знаком автор.

Теперь настала ее очередь смотреть на него недоверчиво.

– Честное комсомольское! – поклялся Сергей. – Я знаю, кто написал письмо. Этому человеку, наверное, было бы забавно прочесть его сейчас, когда двадцать лет остались позади.

– Она, наверное, из Вязников! – сообразила Лиля. – Вы еще встретитесь с этой женщиной?

– Да, и не раз.

Она, не задумываясь, протянула ему письмо:

– Тогда отдайте ей, пожалуйста! Отдадите?

– Конечно. А вам не жалко?

– Но оно же не мое! – возразила девушка. – То есть было мое, пока отправитель оставался неизвестным, но после ваших слов превратилось в чужую корреспонденцию, пусть и неотправленную. Зачем же мне хранить у себя чужие письма? И тем более, перечитывать их?

– Логично.

Сергей сунул письмо в нагрудный карман рубахи и снова обернулся на картины.

– Скажите, – не смогла она удержаться любопытства, – а вы не знаете случайно, как сложилась ее судьба? Я понимаю, что вопрос глупый... Извините...

– Случайно знаю, и не за что извиняться. Она вышла замуж за того, кому написала письмо.

– Да?! – Лиля обрадовалась. – Так это же замечательно! И жили они долго и счастливо и умерли в один день?

Сергей посмотрел на нее как-то странно, словно она сморозила несусветную глупость, и Лиля тотчас почувствовала, что выставила себя душой. Господи, ну конечно! Конечно, они еще не умерли! Уж женщина-то точно, раз он разговаривал с ней раньше и собирается разговаривать вновь.

– Извините, – пробормотала она, и, чтобы перевести тему, спросила: – Вы точно решили насчет картин Олега?

– Боюсь, что да. Но можно мне на всякий случай сфотографировать парочку?

– Конечно, снимайте.

Сыщик немного пощелкал камерой телефона, и они спустились вниз. Бабкину пришлось пригнуться, чтобы не удариться головой о притолоку, когда они вышли из дома.

– Хотите, я провожу вас на ужин, – предложила Лиля. – Все равно мне пока нечего делать.

Они пошли вниз по склону. Солнце уже зацепило нижним краем верхушки деревьев, и облака растеклись вокруг него, точно готовясь к приземлению.

– А где ваша безумная поэтесса? – спросил Сергей. – И ее доблестный братец с топором?

– Григорий уехал, как я вам и говорила, а Лидия – в доме. Творит. Думаете, почему я просила вас идти тише? Она могла поднять шум, даже позвать Клару Ивановну. Впрочем, и Гриша тоже...

– Чудесные у вас родственники, – не удержался Сергей, но тут же сам устыдился своих слов: уж кто-то, а Кувшинка была совершенно ни при чем.

– Не судите их строго, – попросила Лиля. – Они вынуждены жить с Klarой и подчиняться ее безумным требованиям.

– Вынуждены? – переспросил Бабкин. – Э, нет! Ничего подобного! Ваши творческие родственники выбрали из нескольких возможностей самую комфортную. Никто их ни к чему не принуждал.

– Они не могут сами себя содержать!

– Бросьте! Они что, инвалиды? Ваш Гриша даже работает, вы мне сами говорили, и зарплату получает. Просто зарплата у Клары Ивановны нравится им больше. К тому же она предоставляет им прекрасную возможность: не чувствовать себя ничем ей обязанными.

Сергей увидел по ее глазам, что Лиля не понимает его, и пояснил:

– Когда старый Гейдман выплачивал всей своей родне ежемесячное пособие, это была благотворительность в чистом виде. Он совершал доброе дело, ничего не требуя взамен. И я совершенно уверен, что от этого благодеяния все его иждивенцы, за исключением разве что Лидии, чувствовали себя весьма паршиво. Они никогда в жизни не отказались бы от его денег, но никому не приятно осознавать, что ты нахлебник. Вот если бы они отработывали – например, писали для него картины, ставили спектакли или сочиняли плохие стихи, тогда можно было бы представить все так, будто он – меценат, а они – творцы, собравшиеся под его крылом. Но ваш недобрый... кто он вам? дедушка?.. В общем, Гейдман не давал им шанса воспользоваться этим фиговым листком, чтобы прикрыть свой срам.

– А вы, оказывается, умеете пользоваться метафорами, – поддела его

Лилия, как назло, после слов Бабкина вспомнившая, что прежде Олег никогда не признавался ей, что он получает деньги от мужа умершей матери. Олег рассказывал, что продает картины, плел о состоятельных клиентах, покупающих у него одно полотно за другим, и она только после смерти Гейдмана узнала, что все это – одно большое стыдливое вранье.

– Еще я знаю, что такое консоме, – скромно заметил Бабкин. – Но речь не о моих достоинствах. Клара Ивановна поступила просто: создала для бездельников рабочие места. Обязала всех танцевать вокруг нее канкан в подштанниках и тем самым сильно упростила вам жизнь, потому что все дружно решили, что получают деньги именно за это: за удовлетворение ее прихотей.

– Это неправда!

– Правда. Работенка так себе, но зато платят неплохо. Что бы ни говорили ваши Лида и Гриша... – Бабкин хотел добавить «и Олег», но в последнюю секунду прикусил язык, – их устраивает положение дел.

– По-вашему получается, что сейчас, когда их унижают каждый день, когда ими командуют, обзывают, им есть за что себя уважать? А раньше, выходит, не было?

– Именно так. Марсианская логика, – пояснил Сергей, чувствуя себя специалистом по разуму у гуманоидных форм жизни. – Искаженная.

Лиля остановилась, теребя край рукава. Они подошли к самому берегу озера, от которого веяло холодком.

– Одного не могу понять, – признался Бабкин. – Поэтессу и театрального деятеля содержит Клара, так что они от нее полностью зависимы. Вашего мужа она тоже подцепила на этот крючок. Но вы-то здесь при чем? Почему вам обязательно нужно жить с ними, а не с сыном?

– Потому что так захотела Клара Ивановна, – потухшим голосом ответила Лиля. – Для нее важно, чтобы мы все вместе были свидетелями ее триумфа. Это только моя догадка, но, думаю, она верна. И еще ей нравится сталкивать людей между собой, как кегли, и смотреть, как они падают в разные стороны. Когда я хотела уехать, она сообщила Олегу, что будет давать ему и Гейдманам деньги лишь в том случае, если я останусь. И он запретил мне уезжать.

– Что значит «запретил»? – напрямик осведомился Бабкин. – Вы ему кто, подчиненная? Взяли бы да уехали.

Она остановилась, повернула к нему чистое нежное лицо. Губы зашевелились, но с них не сорвалось ни звука.

– Что?

– Если я не буду вести себя хорошо, мой муж заберет у меня ребенка.

Лилия выдавила из себя эту фразу и сумела совладать с голосом, так что он звучал почти ровно. Но скулы у нее побледнели, и она сразу стала выглядеть больной.

Сергей даже фыркнул от удивления:

– Кто вам сказал такую чушь?!

– Это не чушь, – каждое слово давалось ей все тяжелее, она выжимала из себя короткие предложения, обрубая их. – Мне подтвердил юрист. И мать предупреждала.

– Какой, к черту, юрист? Вы что, алкоголичка? Асоциальный элемент? Истязаете ребенка?

– Нет, но дело вовсе не в этом. Я не работаю, поэтому у меня нет собственных средств. Нас обеспечивает Олег. А при разводе ребенка отдадут тому родителю, который может себе позволить содержать его.

– А об этом кто вам поведал? Тоже юрист?

– Да, и юрист. Послушайте, Сергей... Я знаю, вы хотите помочь. Но у вас не получится. Я работала совсем недолго, меньше года, и сейчас меня с моим образованием никто не возьмет.

– Какое у вас образование? – перебил он, про себя послав бронебойное проклятие в адрес того бездаря-юриста, с которым ей не повезло столкнуться.

– Экономическое, совсем непрестижное. Я родила и несколько лет занималась Федей, а потом не смогла устроиться на работу.

– А вы пробовали?

– Пробовала, конечно! Олег нашел для меня вакансию в фирме своего знакомого... Я так радовалась, когда начала работать! Мне казалось, у меня все получается! А через месяц меня уволили, сказав, что я не справляюсь со своими обязанностями.

– В чем они состояли?

– Обычная секретарская деятельность, ничего сложного! Мне так казалось... Но выяснилось, что я ошибаюсь. И с тех пор Олег... Он понял, что мне некуда деться.

– И шантажирует вас сыном, – подытожил Бабкин.

– Нет, не шантажирует, что вы! Но он дал мне понять, что в случае развода Федя останется с ним. Я пыталась поговорить с мамой, но она и слышать не хочет о разводе. Если мы разведемся, для нее я всегда буду виноватой. Она первая поддержит Олега в том, чтобы Федька достался ему. А я не смогу. Не смогу без него. У меня никого нет, кроме Федьки. Я знаю, я сама виновата, что так вышло... – Она быстро провела тыльной стороной кисти по одной щеке, стерла слезы с другой. – Простите, пожалуйста... Я...

Она все-таки заплакала – беззвучно, отворачиваясь и стараясь не всхлипывать.

Бабкин наклонился к ней, взял руками за плечи и осторожно встряхнул. Лиля вскрикнула от неожиданности. Очень темные и очень злые глаза оказались напротив ее лица, и она уставилась в них, быстро-быстро смаргивая слезы.

– Прекратите извиняться, – процедил Сергей сквозь зубы. – Вы, несчастная бестолковая женщина, перестаньте извиняться по любому поводу! Посмотрите на себя! До чего вы себя довели?! Подойдите сюда! Сядьте! Наклонитесь!

Он присел рядом, зачерпнул ладонью воды из озера и, придерживая Лилю, точно котенка, за шиворот, чтобы не свалилась, умыл ей лицо.

Лиля из бледной и заплаканной тотчас стала красной и распухшей. Вода показалась ей ледяной, а ладонь – шершавой, как наждак.

– Умойтесь сами! – приказал Бабкин. – Смотреть тошно. Ну! Вот, уже лучше... Держите платок.

Лиля протрубила, отвернувшись в сторону, и сжала платок в кулаке, не зная, что с ним делать.

– Картина «Винни-пух и Пятачок в гостях у Кролика», – недовольно сказал Сергей. – Часть первая: Винни умывает Пятачка.

Лиле стало смешно. Она хорошо помнила весь мультфильм и тот отрывок, когда большой толстый Винни-Пух возит лапой по крохотному бледному рыльцу Пятачка.

– Простите, – несмело улыбаясь, сказала она. – Обычно я не такая плакса, как может показаться. Вы плохо на меня действуете...

– Все правильно, кроме первого извинения, – буркнул Бабкин. – Оно было лишним. Слушайте, у меня сейчас катастрофически не хватает времени, поэтому разговор придется отложить. Но поверьте мне на слово: ваш юрист сморозил полную чушь. Полную! Вам ясно? Все, больше никаких слез. Идите домой, завтра поговорим. Запишите мой телефон...

Лиля торопливо записала номер.

– Отлично!

Бабкин кивнул на прощание и быстро пошел по берегу. Лиля проводила его взглядом, ощущая себя как человек, которого чья-то сильная рука вдруг выдергивает вверх из бурлящей черной стремнины, и он начинает чувствовать перекатывающиеся под ногами камни на том месте, где еще секунду назад ничего не было, кроме безучастной затягивающей воды.

На этот раз Илюшин позвонил первым, как только фотографии дошли

до него.

– Почему только две картины? – недовольно спросил он. – Или это все, что он нарисовал за лето?

– Все? – Бабкин хохотнул. – Ну уж нет! Их там не меньше тридцати!

– И где они?

– Макар, они все одинаковые! Точно такие же, как эти.

– Точно такие же?

– Ну да! Черная вода, белые камыши, фиолетовое небо и желтые облака. Этот Чайка пишет одну и ту же картину! Только на девяти картинах из тридцати из воды смотрит Лох-Несское чудовище. Такую я тебе тоже отправил.

– Не Лох-Несское чудовище, а человек, – задумчиво поправил Илюшин.

– Ну да, человек! И расстояние между глазами у этого человека – двадцать метров. Ты картину-то видишь?

– Вижу. Вижу копию паршивого качества.

– Ну уж извини, как получилось! Скажи спасибо, что я вообще туда попал.

– Вот уж точно, – хмыкнул Илюшин. – На любителя живописи ты похож, как я на орангутанга.

– А у вас куда больше общего, чем ты думаешь, – парировал Бабкин. – Ладно, лучше скажи: зачем этот горе-художник в черной воде нарисовал два глаза? Что он хотел этим сказать? Может, что озеро глядит на нас? Или там что-то отражается?

Макар издал неопределенный звук, который можно было расценить как согласие.

– А что со старшим Чайкой? – спросил он. – Ты узнал, отчего он умер?

– Разумеется. Там немного нетипичные обстоятельства смерти, но ничего криминального.

– А точнее?

– Пожалуй, можно сказать, что он утопился.

...Для того чтобы выяснить все о завершении жизненного пути Валентина Петровича, Бабкину снова пришлось навестить его старых знакомых, Семена Кротова с женой. Семен чувствовал себя плохо и разговор вышел коротким, но все, что нужно, Сергей разузнал.

– Валька к старости совсем сдурел, – отозвался о приятеле Кротов. – Голоса слышал, с гербарием своим общаться начал... Однажды отругал меня, что я мысли его читаю. Не лезь, говорит, мне в голову! И ушел, разобиженный... На зиму закрылся в своем доме, носа оттуда почти не

высовывал, соседка ему еду приносила. А в марте, как снег немного стаял, рано утром вышел в одной пижаме и попер босиком по снегу. Быстро, говорят, шел – его из окон только и видели. В руке нес букетик засушенный, потом его на берегу бросил.

– На берегу чего?

– Да прудов наших, Гусиных. Видели, может – где пешеходная набережная?

Бабкин вспомнил то сиротливое место, где он разговаривал с Катей и Верой, и кивнул.

– Вот туда-то Валька и вышел. Букетик, значит, в снежок положил, а сам по льду почесал. Босиком. А ледок-то мартовский, он под Валькой и проломился. Кто из домов успел повыскакивать, те потом рассказали, что даже до берега добежать не успели: как ухнул учитель в полынью, так больше и не выныривал. А тело только к вечеру достали, на том самом месте, где он провалился. Течений-то в прудах нет, так что его и не унесло, Вальку-то... А все племянник евойный виноват – не свинтил бы он в Москву к жене на дармовые харчи, глядишь, Валька бы дольше в своем уме продержался.

Сергей поблагодарил старика, вернулся в пансионат и отправил Макару фотографии картин Олега Чайки, которого Кротов винил в смерти дяди.

– И после этого тебе все еще непонятно, откуда на полотнах Чайки появился взгляд из воды? – поинтересовался Макар, выслушав его повествование. – По-моему, все очевидно.

Теперь и Бабкин с опозданием сообразил, что это может означать.

– Совесть его мучает, гаденыша, – удовлетворенно заметил Сергей. – Ему, наверное, дядюшка во снах является!

– И тычет распухшим синим перстом, – подтвердил Илюшин. – С этими двумя мне, в целом, все ясно, но я должен еще кое-что проверить.

– Что тебе ясно? – спросил Сергей, раздосадованный тем, что Илюшину, сидящему в Москве, отчего-то все ясно, а ему, работающему на месте преступления, нет.

– Рано пока говорить. Серега, ищи место, где прятали девчонок. Если я не ошибаюсь и над ними проводили что-то вроде ритуала, то должны были остаться следы.

«Место, место... Есть у меня предположение, что это за место...»

Бабкин зашнуровал кроссовки, снял с крючка темно-синюю утепленную куртку. «Чулка на голову не хватает». Фонарик, фотоаппарат со

вспышкой, отмычка, перчатки... Пистолет он сунул за пояс, и куртка полностью закрыла оружие. Часы показывали три, когда он вышел из дома.

Вокруг была ночь. Тревожная августовская ночь с дрожащими крупными звездами на небе, перепоясанном млечным поясом. Синие тени от деревьев расплывались на дорожке, фонари зябко жались к коттеджам, и куда-то исчезла вся мошकारа, прежде плясавшая по ночам вокруг слабеньких желтых огоньков.

Воздух охлаждал горло, нес вечный осенний запах осыпавшихся яблок, хотя поблизости от коттеджа не росло ни одной яблони. Осень, как вор, прокрадывалась по ночам. Сергей чувствовал себя таким же вором, сворачивая с главной дорожки на тропу, ведущую к ельнику за избой Гейдманов.

Через озеро подходить было рискованно: его могли увидеть отдыхающие, выбравшиеся на улицу в погоне за падающими звездами, могли заметить из дома – силуэт любого ночного гостя четко выделялся на фоне воды. Поэтому Бабкин выбрал более длинный, но и более безопасный путь.

Вид ровных рядов высоченных елей, охранявших подступы к двору, заставил Сергея остановиться. Ему совершенно не хотелось соваться в это мрачное царство, и он обошел сторожевой еловый отряд, косясь на черные мохнатые лапы, свисающие до земли. Когда он выбрался из леса, перед ним, как на ладони, возвышалась изба, а перед ней виднелись сарай и вторая постройка, которой, кажется, никогда не пользовались.

«Начнем с сарая», – решил Сергей.

В голове его несколько пазлов сложились в часть картинки, и он надеялся найти недостающие. «Григорий Гейдман был уволен за домогательства к несовершеннолетней. Следы его обуви я нашел возле коттеджа. И он крутился вокруг сарая, обтесывая дверь. Черт его знает, может, и правда обтесывал... Зачем только привлек бледного хмыря? Но не удивлюсь, если они в сговоре».

Подумав, что все члены этой семейки, за исключением одного человека, стоят друг друга, Бабкин подошел к сараю, перешагивая грядки и стараясь не оставлять следов. На двери висел тяжелый замок, но это не стало для него неожиданностью: присев на корточки, Сергей надел перчатки, вытащил из кармана отмычку и начал ковыряться в замке.

Один раз он прервал занятие – ему показалось, что на крыльце дома мелькнула чья-то тень. Сергей привстал, вглядываясь, но после минуты наблюдений решил, что это была ночная птица или летучая мышь. Он вернулся к замку, нащупал отмычкой кончик «язычка» и придавил его:

пружина щелкнула, и дужка сама выскочила из паза. Не включая фонаря, Бабкин открыл дверь, шагнул в темноту и плотно прикрыл ее за собой, чтобы свет не привлек ничьего внимания.

Оказавшись внутри в полной темноте, он нажал на кнопку, и в белый круг света попали черенки от лопат, грабли и прочий инвентарь, который Сергей даже не стал долго рассматривать, чтобы не терять времени. Он обвел фонарем вокруг себя. Сарай как сарай. Небольшая поленница в углу. Пыльно, пахнет лежалым тряпьем, вдоль стены выстроились штабеля пыльных картонных коробок. «Секундочку... Пыльных?»

Сыщик подошел ближе, направил фонарь на коробки. Из шести штук слой пыли покрывал лишь четыре, а две дальних, придвинутых ближе к стене, выглядели так, будто в них не так давно рылись и смахнули всю грязь.

Бабкин пристроил фонарь на полу так, чтобы свет падал в нужное место, а сам склонился над картонной крышкой, поправляя перчатки. Он стоял боком к двери, и поэтому слишком поздно заметил, что дверь, которую он закрывал, приоткрыта так широко, что из нее видна даже полоса озера с поблескивающей темной водой.

Реакция у Сергея была великолепная и неоднократно спасала ему жизнь. Но на этот раз он не успел. Из темноты за фонарем на него обрушилось что-то длинное, белое, расколовшее его голову на две части. Сергей повалился как подрубленный, не издав даже стона, и уже не видел, как над ним склонилась высокая фигура в темном плаще.

Глава 8

Когда Бабкин открыл глаза, в вышине над ним за туманной пеленой покачивались воды Светлого озера. От холода оно посветлело, стало почти белым, и ему показалось, что озеро прихватил тонкий потрескавшийся ледок. В стороне тускло светило невзрачное солнце.

«Какое время года?..»

Даже такая простая мысль далась ему с трудом. Сергей физически ощущал, как тяжело ворочаются мысли в его голове, перекачиваются, словно булыжники по дну ленивой медлительной реки. Он моргнул, с ужасом ожидая взрыва боли в затылке, но ничего страшного не случилось. Тогда Бабкин отважился немного шевельнуть головой, зажмурился и снова посмотрел вверх.

Стоило ему сделать это, как туманная пелена рассеялась, лед над его головой приблизился, и он увидел, что это белая штукатурка, вся в трещинах и разводах. Солнце обернулось круглой лампой, а, скосив глаза, Бабкин обнаружил на стуле возле своей кровати Макара Илюшина, сидящего в прямоугольных очках без оправы и с книгой в руках.

Сергей привстал и невразумительно замычал. Илюшин обернулся к нему, приподнял очки на лоб и воззрился на приятеля с любопытством энтомолога, у которого приколотая бабочка вдруг задергала крылышками.

– Смотри-ка, живой! – донес он до окружающего пространства свое удивление.

Бабкин откинулся на подушки, не отводя от него взгляда.

– В твоих глазах я читаю вопрос, – заметил Илюшин, откладывая книгу в сторону. – Но не уверен, правильно ли я его перевожу. Успел ли я позавтракать? Как мне удалось выпросить у старшей сестры стул? Почему тебе не принесли утку?

– Какого черта ты здесь делаешь? – выговорил Сергей, с облегчением замечая, что этот процесс дался ему легче, чем можно было ожидать. – И почему на тебе очки?

Илюшин пожал плечами:

– А что мне оставалось? Когда твоя жена позвонила из Крыма и сообщила, заикаясь, что твой труп нашли в лесу и доставили в местную больницу?

Сергей поднял руку и ощупал свою голову. Справа на затылке болело так, что он отдернул руку, успев лишь почувствовать, что волосы, кажется,

острижены и чем-то смазаны. Но в глазах не двоилось, и туман больше не появлялся.

– Все ты врешь, – сказал Бабкин, понемногу обретая уверенность. – Машка бы ни за что не стала заикаться. К тому же они сейчас не в Крыму, а в Хорватии.

– Ага. Соображаешь, значит, – удовлетворенно кивнул Макар. – Что ж, уже неплохо. Расслабься, мой стукнутый друг: Маша спокойно отдыхает вместе с сыном. Я решил, что сначала должен сам убедиться в тяжести твоего состояния, а потом уже решать, привлекать ее к последнему прощанию или нет.

– Типун тебе на язык, – поморщился Бабкин, садясь. – Надеюсь, до последнего прощания мне еще далеко. И ты не ответил про очки.

– В очках я выгляжу солиднее. Мне даже разрешили поселиться в твоей палате, дожидаясь, пока ты придешь в себя. Черта с два мне удалось бы обаять завотделением, будь я без очков! Теперь моя очередь задавать вопросы.

Бабкин, кряхтя, скинул ноги с кровати, убедился, что на нем остались трусы и майка, и прошлепал босиком к окну с перекосившейся рамой.

– Подожди с вопросами, – озабоченно сказал он, всматриваясь в пейзаж и убеждаясь, что никогда его прежде не видел. – Мы где?

– В больнице райцентра, где же еще? И сейчас еще август, если тебя это интересует.

– А день?

– Суббота.

– Время?

– Около четырех.

Сергей облегченно выдохнул. Значит, он провалялся без сознания меньше суток.

– Но как...

«Как я оказался здесь? – спросил он себя. – Меня ударили, когда я был в сарае... И что потом? Вытащили в лес? Вызвали милицию? Если последнее, то в палату не пустили бы Макара. Если первое, то кто меня нашел?»

Думалось плохо. Бабкин даже зажмурился от тщетных усилий сообразить, что случилось после того, как он потерял сознание.

Илюшин сжалился над ним.

– Тебя нашла в лесу за домом женщина из дома Гейдманов. То ли Лиза, то ли Лида... Кажется, Лида. Кстати, оцени, как звучит: «женщина из дома Гейдманов»!

– Не рассеивайся, – попросил Сергей. – Может, Лилия?

– Может, и Лилия. Сказала, что ходила рано утром по роще, сочиняя стихи.

– Тогда Лидия. И что она?

– По ее словам, вместо вдохновения она нашла твое практически бездыханное тело. Сначала решила, что ты напился как свинья и ползал по лесу в поисках желудей, но потом что-то ее насторожило, и она побежала к озеру. Там нашла местного рыбака, который по совместительству оказался доктором, и притащила его к тебе.

– Леонид Сергеевич, – сообразил Бабкин.

– Он самый. Приятный старикашка, я с ним беседовал. Он отвез тебя в больницу и дождался диагноза.

– И какой у меня диагноз? – мрачно осведомился Сергей.

– Похоже, ты отделался сотрясением мозга. Переломов и трещин в кости нет. Врач отметил, что у тебя на редкость крепкий череп. И при этих словах у него было такое выражение лица, словно он надеется со временем приобрести его в свою коллекцию. Так что на твоём месте я был бы с ним осторожен.

– Я буду, – пообещал Бабкин. – Черт, болит все-таки...

– Иди в кровать, – посоветовал Макар. – Теперь твоя очередь рассказывать. Ты что-нибудь помнишь? Или у тебя амнезия? Врач предупредил, что, раз ты несколько часов пролежал без сознания, у тебя возможны провалы в памяти.

Сергей доковылял до кровати и с облегчением опустился в пружинистый гамак.

– Все я помню, – выдохнул он, – и никакой амнезии у меня нет. Он меня ударил, когда я наклонился над коробками.

– В сарае?

– Да.

– Я так и предполагал. Почему «он»? Ты видел, кто это был?

Бабкин отрицательно покачал головой:

– Мне показалось, что этот тип высокого роста, но лица я не разглядел. Да и вообще ничего не разглядел, если уж честно... Черт, как же я его подпустил к себе, а? Если что-то и было в сарае, то теперь улики точно перепрячут.

– Если было что перепрятывать, – непонятно отозвался Макар.

– Слушай, ну ведь не просто так меня по голове приложили! – вспыхнул Бабкин. – Не потому, что боялись за любимую лопату или опасались, что я сопру кубометр-другой дров! Меня вырубил и вытащили

из сарая. Тащили далеко, значит, должны быть следы от самой двери! Давай-ка быстро подвигнем местных розыскников на то, чтобы они обшарили все у Гейдманов и выяснили, что вытащили из сарая и куда перепрятали!

Сергей привстал, увлекшись этой идеей и жалея, что потерял уже четверть часа, разговаривая с Макаром. «Сразу надо было это сделать!»

Вместо того чтобы немедленно побежать, позвонить, поднять или другим образом проявить участие, Илюшин поудобнее угнездился на стуле и посмотрел на Бабкина с состраданием.

– Что? – подозрительно спросил Сергей.

– Успокойся. Тебе вредно волноваться. Не надо никого ни на что подвигать, это бесполезно.

– Откуда ты знаешь?

– Потому что из сарая все уже убрано, а следы от твоего тела спрятаны. Заброшены листьями в буквальном смысле слова.

– Откуда ты знаешь?! – повторил Бабкин.

Макар вздохнул:

– Я ездил туда сегодня. Сразу после того, как побывал здесь. Не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы догадаться, кого ты подозревал и что хотел осмотреть. После твоих слов о кроссовках театрального деятеля было ясно, что ты не успокоишься, пока все не обследуешь. Так вот, в сарае все приведено в порядок: коробки накрыты какой-то ветошью, следов не осталось. Нападающих было двое, я полагаю...

– Почему двое?

– Потому что один не справился бы с твоим телом. Сколько ты вешишь?

– Сто пять или около того.

– Ну, вот видишь... Подумай сам, много ли найдется здесь силачей, которые в состоянии отволочь центнер живого веса на сто метров и при этом не прорыть глубокую борозду? Я даже допускаю, что тебя перенесли втроем, а то и вчетвером.

– Как же ты попал в сарай? – спросил Бабкин, с трудом осмысливая информацию.

– Открыл дверь и вошел. Правда, вокруг суетились, но на меня никто не обратил внимания.

– Илюшин!

– Да так все и было. Я действительно видел людей. На веранде обитала какая-то дамочка очень вменяемого вида из тех, что умеют притворяться невменяемыми, когда им это выгодно. Вела себя как

взбесившаяся левретка – дрыгала ножками, гавкала, тряслась и роняла слюну.

– Не знаю, кто такая левретка, но по твоему описанию это совершенно точно была Клара Ивановна.

– Должно быть, она. Я воспользовался тем, что вокруг нее организовалась суматоха, и спокойно все осмотрел.

Бабкин не успел ничего ответить на это: дверь в палату приоткрылась, и в щель просунулась знакомая голова с белой бородкой и усами.

– Леонид Сергеевич! – позвал сыщик, помахав своему спасителю. – Заходите, заходите!

– Голубчик мой! – обрадовался эскулап, пробираясь внутрь. – Пришли в себя? Очень рад! Что же вы нас всех так перепугали? Я вам не помешал?

Он вопросительно взглянул на Илюшина.

– Ни в коем случае! – заверил тот, поднимаясь. – Я как раз собирался пройтись.

Бабкин не успел вымолвить и слова, как Макар растворился, а его место занял Леонид Сергеевич, жалостливо глядящий на Сергея.

– Что же на вас нашло? – мягко укорил тот. – Солидный, представительный мужчина... Дрались из-за дамы, а? Признайтесь!

Он подмигнул опешившему Сергею и залихватски подкрутил седой ус.

– Ну... Э-э-э... – начал Бабкин.

– Можете ничего не объяснять! – доктор поднял указательный палец вверх. – Честь дамы – дороже всего! А такой дамы – тем более!

И он снова подмигнул сыщику, на этот раз другим глазом.

Вконец смутившийся Сергей не нашелся что ответить.

Леонид Сергеевич во всех подробностях повторил ему то, что Макар вкратце уже рассказал полчаса назад. Сергей, которому вовсе не хотелось отвечать на вопросы об обстоятельствах «сражения», постарался перевести разговор на обитателей пансионата, и ему это удалось.

– О, в «Рассвете» все стоят на ушах! – доложил доктор. – Готовятся к завтрашнему дню! Видели бы вы, какую бурную деятельность развила наша Ольга Романовна, а с ней и прочие дамы. Бегают, машут какими-то мешками, суетятся так, что в глазах пестро! Признаюсь вам, голубчик мой, что на фоне этого мельтешения происшествие с вами отошло на второй план. Но лишь потому, – немедленно заверил он, испугавшись, что Бабкин огорчится этой новости, – что мысли у людей заняты праздником. Если бы не это, сейчас в вашей палате выстроился бы весь пансионат!

Сергей мысленно перекрестился и вознес благодарность высшим силам за то, что его сотрясение мозга так удачно совпало с праздником.

– А как продвигается ваша газета? – вежливо спросил он.

– Боюсь, в моем случае художественные способности проигрывают энтузиазму, – честно признал Леонид Сергеевич. – Все-таки карикатура – не мой жанр...

– Ваш жанр – исторические изыскания! – польстил ему Бабкин. – Вам нужно записывать рассказы об усадьбе Вязникова и раздавать отдыхающим, чтобы знали, в какое место им посчастливилось приехать.

– Можно даже нарисовать двойной план, «что было» и что «стало», – добавил незаметно вошедший Илюшин. – Наложить их друг на друга, чтобы все видели: здесь, где сейчас корпус, раньше была усадьба. Номера гостей – на месте комнат для прислуги. Столовая – на месте кухни. Ну и так далее. Дарю идею!

– Идея неплоха, – усмехнулся в усы доктор, – но открою вам небольшой секрет: на этом плане усадьба не совпала бы с корпусом пансионата. Так что постояльцы были бы разочарованы.

– То есть как не совпала бы? – не поверил ему Сергей. – А где же она была? Именно там! Я же видел: и фонтаны перед входом, и мемориальная табличка на корпусе имеется...

– И все-таки вы ошибаетесь. Усадьба Вязникова находилась чуть правее. Если вам нужен ориентир, то примерно там, где сейчас домик Ольги Романовны и гаражи. Только это – тс-с-с! – по большому секрету! – Леонид Сергеевич приложил палец к губам. – Зачем разочаровывать гостей? Всем им нравится думать, что они ходят там же, где когда-то прятался от жены шаловливый граф.

– А как же фонтаны, то есть статуи? Подделка?

– Ну почему же подделка? Разве на них написано, что это вторая четверть восемнадцатого века? Нет. Вот видите, сработал шаблон: вы заметили что-то весьма потрепанное и решили, что эта вещь очень стара. Но никто вас в этом не убеждал, нет-нет! Вы сами, голубчик мой, все сами...

– Так статуи – нашего времени?

– Самые что ни на есть современные, – подтвердил доктор. – Ольга Романовна откопала их у какого-то забулдыги-архитектора, у которого они превратились в то, что вы видели, и привезла сюда. Сперва я не мог понять, зачем она деньги отдала за такое убожество, а затем проникся. Ведь и впрямь хорошо вписались, поддержали, тыкскыть, дух и облик пансионата.

– Ну хоть история про девушку в подполе и графа правдива? – спросил Бабкин.

– Не разрушайте ему веру в сказки! – подал голос Илюшин.

– Хорошо, не стану, – согласился Леонид Сергеевич. – История совершенно правдива. Между прочим, вы и сами можете в этом убедиться, если исследуете местные летописи!

– Зуб даете? – сощурился Бабкин.

– Честное благородное слово даю! – рассмеялся в ответ доктор и встал, прощаясь. – А что до зубов, то всучивать вам свои коронки считаю бесчестным. Что ж, выздоравливайте, жду вас на празднике!

Макар дождался, пока дверь за ним закрылась, и легко запрыгнул на подоконник:

– Повсюду сплошной вымысел и одурачивание туристов! Что сказал лекарь, пока меня не было? Нашел причину твоего сотрясения?

– Похоже, решил, что я кручу роман с замужней дамочкой, – усмехнулся Сергей. – И ее муж победил меня в рыцарском поединке.

– М-да, унизительно, – согласился Макар. – Быть побежденным эдаким слизняком...

Бабкин открыл рот, чтобы спросить, откуда Илюшину известна внешность Олега Чайки, и тут же закрыл его. Правдивого ответа он все равно не дождался бы.

Сергей взбил подушку и подложил под спину.

– Что ты думаешь обо всем происходящем? – устало спросил он, чувствуя, что голова все-таки гудит.

Макар легкомысленно поболтал ногами, сидя на подоконнике.

– Думаю, что мне стоит кое-куда наведаться, – сказал он и спрыгнул на пол. – Раз ты пришел в себя, я за тебя спокоен. Поведай мне, о мой ушибленный друг, как найти дом, где жил Валентин Чайка?

– Это еще зачем? – вскинулся Бабкин, мигом забыв о головной боли.

– Нужно. Говори адрес.

– Не дам. Сначала скажи, что ты хочешь делать.

Илюшин понял, что на этот раз напарник не отстанет.

– Хочу осмотреть дом, – небрежно сказал он. – Есть кое-какие подозрения... Короче, давай адрес.

– Какие подозрения? – продолжал допытываться Сергей. – Есть что-то, чего я не знаю?

– Есть предположения, которые я хочу проверить.

– Забравшись в чужой дом?! А другими способами твои предположения проверить нельзя?

– И это мне говорит человек, которого ночью стукнули по башке в чужом сарае! – ехидно заметил Макар. – Нет, нельзя. Я должен убедиться лично. Дело непростое, требуются выдающийся интеллект, хитрость,

ловкость и наблюдательность.

– И при чем здесь ты? – удивился Бабкин.

Их спор прервал лечащий врач, пришедший проведать пациента. Сергея увели, и Илюшин был вынужден дожидаться в палате его возвращения.

Медсестра лет тридцати пяти, белая, пышная, колыхающаяся на ходу как желе, заглянула в комнату и спросила, не нужно ли ему чего-нибудь.

– Может, чайку горяченького вам заварить? – сердобольно спросила она, вздыхая про себя.

«Такой парнишка, такой парнишка... Обходительный, симпатичный, и человек хороший, сразу видно: вон как о друге заботится! Друг, правда, еще и посимпатичнее будет. А зато этот улыбается так, что сердце тает...»

Пока медсестра по имени Таня металась в воображаемых муках выбора, Илюшин улыбнулся ей и тем склонил чашу весов в свою пользу. «Откормить бы тебя, – плотоядно прикидывала Таня, – и будет мужчина хоть куда!»

– Сидите здесь с утра, хоть бы покушали! – добавила она.

Илюшин вовсе не сидел безвылазно в больнице, но опровергать слова медсестры и не подумал. Он с благодарностью согласился на чай, и через пять минут пышногрудая красавица, мечта тракториста, принесла ему отменный крепкий чай в обжигающем стакане. Пока Илюшин наслаждался напитком, вернулся Сергей.

– Все в порядке, – сказал он, опережая вопрос Макара. – Как было сказано в одном протоколе: шесть пуль в голову, мозг не задет. Наши дальнейшие планы?

– Твоя самокритичность не может не радовать, – Илюшин встал, вылил в рот сладкие остатки с доньшка. – Серега, давай серьезно: я не стану пока привлекать тебя к расследованию. К тому же в больницу скоро наведается следователь, чтобы узнать, кому ты насолил.

– Еще один аргумент в пользу того, чтобы смыться как можно скорее. Макара, нечего мне здесь делать! Чувствую я себя нормально, жизненно важные органы не задеты. Мне-то казалось, что я все это время провалился без сознания, а врач говорит, я пришел в себя в больнице и сразу уснул... Совершенно этого не помню!

– Да, ты спал, – подтвердил Илюшин. – Как сказал старикашка с бородой, вполне возможная реакция. И посоветовал тебе все ближайшее время именно этим и заниматься, то есть спать. Не беспокоить голову, не читать, не смотреть телевизор, не шастать по чужим избушкам.

– Только ты меня не лечи, – попросил Сергей. – Смотри, уже темнеет.

Давай выметаться отсюда, а по дороге в Вязники ты расскажешь, зачем тебе понадобился дом Валентина Чайки.

Бабкин натянул джинсы и брезгливо осмотрел рубашку, всю в сухих иглах и пятнах от земли.

– Слушай, меня точно не волочили по земле, – сказал он, застегиваясь. – Иначе на ткани остались бы следы. Да и на мне тоже. А у меня несколько царапин – и больше ничего, не считая следа от удара, конечно. Все, я готов. Пошли.

– Ладно, – сдался Макар, – черт с тобой. Только ты сначала из больницы выпишись, пациент.

На формальности у них ушло около часа, и когда они вышли во двор больницы, у ворот уже загорелся одинокий фонарь.

– Пожрать бы, – без обиняков высказался Бабкин. – Я со вчерашнего вечера ничего не ел.

– За углом есть кафе. Пошли.

Пока они сидели в кафе с многообещающим названием «Приключение», Макар вынул из кармана отмычку Сергея:

– На, держи. Она тебе сегодня еще пригодится. Уверен, что в состоянии ехать со мной? Меня настораживает, что ты с таким аппетитом лопаешь эту гадость...

– Уверен, уверен, – заверил его Сергей, наслаждаясь не очень вкусным, но горячим и сытным борщом. – Знал бы ты, чем меня кормили в «Рассвете». Колись, что ты хочешь найти в доме Чайки?

– Да сам пока не знаю, – признался Макар. – Не хочу делиться домыслами и сбивать тебя с толку. Ты уверен, что отыщешь дом в темноте?

– Абсолютно.

– Тогда доедай и поехали.

Илюшин был как на иголках, и Сергей, знавший, что без причины Макар не станет торопиться, быстро забросил в себя остатки супа, одним глотком выпил чай и поднялся, ощущая головокружение.

– Сейчас ловим такси и едем в «Рассвет», – распорядился Илюшин. – А уже оттуда своим ходом в Вязники. Машину поведу я, а ты мне покажешь дорогу.

Уже совсем стемнело, когда они остановили машину на дороге между поселком и лесом, немного не доезжая до Вязников. В домах горели окна, у кого-то во дворе играло радио, и до Сергея с Илюшиным доносились высокие голоса.

– Гуляет молодежь, – заметил Бабкин. – Не рано приехали?

– Нормально. Пойдем, нам еще избу Чайки искать...

Джип Сергея они отогнали поближе к деревьям.

– Сами-то найдем потом? – с сомнением спросил Бабкин, вглядываясь с дороги в черный провал леса, проглотивший его машину.

Макар негромко засмеялся.

– Ты чего? – обернулся Сергей.

– Представил, что мы с тобой залезли не в тот дом.

– И что смешного?

– И скачем по кустам в поисках машины, пока по нам палят из деревни разгневанные хозяева.

Бабкин раскритиковал чувство юмора Илюшина, но все же воткнул в песок на дороге палку.

– Во! Вешка! Оознавательный знак. И нечего рисовать мрачные перспективы! Кротов четко сказал: самый крайний дом в проулке, ближний к лесу. Фонари у тебя?

– У меня.

– Тогда вперед.

Вопреки опасениям Макара, дом Валентина Чайки они опознали сразу, стоило им выйти к проулку. Даже в темноте было видно, что он тяжело осел на правый бок, а палисадник перед окнами зарос кустарником наглухо, словно отгораживая окна от любопытных взглядов.

– Сколько лет назад умер учитель? – тихо спросил Илюшин.

– Десять. Странно, что племянничек никому не продал свое наследство. Может, ждет, когда земля в цене повысится?

– Стой!

Оба замерли. По дороге перед ними прошла обнявшаяся парочка, но ни мальчик, ни девочка не обратили внимания на прижавшихся к забору сыщиков.

– Давай-ка ближе к дому, – шепотом скомандовал Бабкин. – Здесь нас рано или поздно заметят. Иди за мной.

Особенно не скрываясь, но и не выходя на освещенную часть дороги, он дошел по тропинке вдоль забора до калитки и остановился на несколько секунд. Калитка крякнула и отворилась.

– Давай. Живо!

Он скользнул вслед за Макаром во двор и накинуд щеколду.

– Что ты с ней сделал? – поинтересовался Илюшин. – Сказал «сезам, откройся»?

– Да просто у Кротова точно такой же засов. Открывается элементарно, вот я и запомнил.

– Если ты так же легко откроешь дверь в дом, накормлю тебя мясными отбивными, – пообещал Макар.

– Ты только пиццей можешь накормить, – фыркнул Бабкин. – Покупной, остывшей. Смотри-ка, окна на совесть заколочены. Вот смешно будет, если входную дверь тоже заколотили!

– Через крышу полезем, – обрадовал его Илюшин и решительно направился к крыльцу под просевшим навесом.

Сергей, оглядевшись, последовал его примеру.

У крыльца на земле валялись две бочки, оплетенные травой, и Макар аккуратно обошел их. Вдоль стены вымахала длинная, в человеческий рост, крапива, а крыльцо посередине пробил тоненькая березка.

Бабкин осмотрительно огляделся вокруг и обнаружил, что с улицы заметить их невозможно: с одной стороны сыщиков полностью закрывал забор, а с другой – заросший палисадник. Да и само крыльцо, словно по заказу, было совсем низким.

– Что, заколочена? – спросил Сергей опередившего его Илюшина.

– Нет, только замок висит, – тихо ответил тот. – Давай сюда твою отмычку!

– Обойдешься. Тебе еще на мясные отбивные ближайший месяц работать.

С этими словами Бабкин отодвинул сообщника от двери и в три приема вскрыл замок.

– Ловко, – одобрил Илюшин. – У меня даже появились сомнения, что ты прежде работал в опергруппе – у тебя навыки профессионального взломщика.

– Ты просто не видел, как работают профессиональные взломщики, – бросил Сергей, нажимая на дверь.

Та в ответ недовольно проскрипела и отворилась, нехотя пропуская в заброшенный дом ночной свет от фонарей и луны. Сергей замер на пороге. Его вдруг кольнуло нехорошее предчувствие, ощущение, что он что-то упустил, уцепившись за версию с Григорием Гейдманом.

– Что стоим? – тихо осведомился Илюшин. – Кого ждем?

Бабкин шагнул внутрь, включил фонарь. За его спиной Макар сделал то же самое.

– Может быть, следующую тоже придется взламывать, – уже обычным голосом сказал он, кивнув на дверь, ведущую из коридора в комнаты. – Не теряй времени, а я пока осмотрюсь.

Но осматриваться Илюшину пришлось недолго: вторая дверь оказалась незаперта, а в коридоре он не обнаружил ничего интересного,

кроме пары прохудившихся сапог и косо прибитой вешалки для одежды. Сергей спрятал отмычку и двинулся осматривать комнаты, обшаривая фонарем каждый закуток.

– Что мы ищем? – спросил он не оборачиваясь.

– Сам не знаю. Увидим – пойдем.

– Отличное описание, – усмехнулся Бабкин. – Что ж, давай искать...

Повинуясь привычке, он сперва обошел весь дом, не приглядываясь внимательно, только рисуя в голове карту места, в котором очутился. За двумя комнатами, которые он миновал, скрипя разохшимися половицами, нашлись кухня и каморка с пустыми стеллажами, должно быть, когда-то использовавшаяся как кладовая. Вверх поднималась лестница на чердак. Бабкин поднялся, но с одного взгляда понял, что сюда вряд ли проникал кто-то, кроме Оли Григорьевой, которая тогда еще была Олей Курехиной. Толстые листы стекловаты закрывали пол, с балок свисала жирная паутина. «Что бы мы ни искали, оно не здесь».

Он снова спустился в кухню. Воздух здесь был застывший, неживой, и Сергей, удостоверившись, что, кроме пустого стеллажа и разобранных кухонных шкафов, ничего не найдет, поторопился вернуться к Илюшину.

Безжизненный дом с бельмами затянутых простынями зеркал давил на него со всех сторон. Когда Сергей был ребенком, он считал, что дома могут дичать, как брошенные людьми на произвол судьбы животные. К квартирам это наблюдение не относилось. Даже те квартиры, в которых подолгу никто не жил, ничем, кроме тишины, не отличались от тех, из которых на время ушли люди. В любой типовой квартире было столько же индивидуальности, сколько в картонной коробке от телевизора, и это не зависело от обстановки и цвета стен.

С домами все обстояло по-другому. Дома могли ждать, как живые, они впитывали эхо голосов своих хозяев, на их стенах оставались невидимые отпечатки слез и смеха, криков, брани и радости. Не все, конечно. Но многие. В детстве Сергея часто отправляли к тетушке в село, где от уехавших жителей остались заброшенные дома, и среди мальчишек считалось особой удачей проникнуть в какой-нибудь из них – особенно в такой, что пользовался дурной славой. Десятилетний Сережа Бабкин, ловкий и бесстрашный, побывал почти во всех. И с тех пор знал, что у домов есть свои голоса. С возрастом он забыл об этом, а теперь вспомнил.

У этих стен тоже был голос. Невнятное бормотание, монотонное, глухое, удручающее своим однообразием.

– Что-то не чувствую я здесь особой святости, – пробормотал Бабкин, вспомнив, как об учителе отзывался его друг.

– Ты о чем?

Илюшин склонился над письменным столом, не дотрагиваясь до него, и что-то рассматривал.

– Про Валентина Чайку говорили, что он, святая душа, взял сына племянницы на воспитание и сделал из него человека.

– А-а-а... Ну, человек-то из него получился паршивенький, судя по твоему описанию. Что-нибудь нашел?

– Ничего. Там кухня, которую, похоже, собирались вывезти и бросили. Еще кладовка. А у тебя?

– Подойди-ка сюда, взгляни.

Сергей подошел, подсветил фонарем то, что показывал Макар.

На столе валялись разбросанные листы, на каждом из которых было нарисовано растение, а рядом отдельные его части. Корень, стебель, лист, плод, цветок... Все прорисовано с большим тщанием, и при этом – неумело. Бабкину пришло в голову, что плод больше напоминает ручную гранату, а листок – вытянутое колесо с зубцами.

– Посмотри внимательно, – попросил Илюшин. – Будут какие-нибудь мысли по этому поводу?

Сергей с минуту всматривался в рисунки.

– Никаких. Кроме того, что старший Чайка был чертовски паршивым художником, – заключил он. – Зубчики какие-то, шестеренки... Похоже, под конец жизни учителю опротивели его цветочки, и он подсознательно пытался изобразить бэ-тэ-эр.

– Механистичность присутствует, – согласился Илюшин.

– Это то, что ты надеялся обнаружить?

– Нет. Это только подтверждение моей догадки. Ищем дальше.

Возле стола обнаружился шкаф, а рядом – открытые полки. В шкафу Илюшин нашел потрепанные альбомы и с блеском в глазах схватил самый толстый, присел на корточки, перелистывая страницу за страницей... Но по мере того, как альбом подходил к концу, Макар понемногу мрачнел.

– Что там? – Сергей подошел, направил луч на книгу.

– Титанический труд. Смотри...

Здесь тоже оказались растения: снимки, рисунки, подклеенные к страницам, подробнейшие описания, занесенные в книгу ровным бисерным почерком.

Десятки, сотни видов! Многие, как показалось Сергею, повторялись, но он подумал, что, возможно, не улавливает разницы, которая была очевидна самому Валентину Петровичу.

Какое-то воспоминание шевельнулось в его памяти, когда он смотрел

на описание хвоща полевого (*Equisétum arvéense*) и красавки обыкновенной (*Аtrоpа belladоnna*).

– Такое ощущение, что где-то это я уже видел...

Так и не вспомнив, что ему напоминают исследования Чайки, Бабкин отошел на шаг, оставив напарника рассматривать находку, и застыл.

– Сколько же здесь всего... – ошеломленно пробормотал он, обведя лучом ряд полок до самого потолка.

Книги, альбомы, гербарии, папки... Сняв наугад толстый том, Бабкин нашел внутри засушенные растения: многие истлели и крошились не от прикосновения, а лишь оттого, что он открывал страницу.

– Да, столько всего, – негромко подтвердил Илюшин, поднимаясь и откладывая альбом на стол. – И все зря. Дневниковые заметки, описание, даже его собственная классификация – и все впустую. Никому это не понадобилось.

Они на скорую руку просмотрели альбомы. Пальцы у Сергея стали серо-коричневыми от пыли, как крылья ночной бабочки. Свет фонаря добавлял желтизны страницам, и высохшие растения казались скелетиками, похороненными среди них.

– Пахнет мертвечиной, – поморщился Бабкин.

– Мышами пахнет. Смотри-ка, Чайка, оказывается, и фотографировал!

В руках Илюшин держал открытый альбом с выцветшими снимками. Вереск, бузина, ландыши, лесная фиалка... Фотографии не приклеены, а бережно вставлены в «уголки», обведены от руки фигурными рамками, проложены тонкими листами.

– Странно... Никакой закономерности с точки зрения биолога не вижу, – пожал он плечами, пролистав до конца. – Разве что здесь собраны одни цветы. Похоже, к Чайке в руки просто попал фотоаппарат, и он снимал всякую красоту без разбора. Нет, здесь для нас ничего интересного нет...

Вторая комната и вовсе оказалась пуста: кроме пары старых стульев да узкого шкафа без полок в ней ничего не было.

– Соседи постарались, – предположил Сергей. – Или художник.

– Чайка мог и сам все выкинуть или продать.

– Вряд ли кто-то польстился бы на такую рухлядь...

Бабкин пренебрежительно пнул старый стул, и тот не упал, а сложился: ножки разъехались, сиденье опустилось вниз, а спинка отвалилась. В воздух поднялась туча пыли, заиграла в луче фонаря.

– Тише, – предостерег Макар. – Не круши хозяйскую мебель, вандал.

– Не думал, что он развалится. Слушай, давай выбираться отсюда, а?

– Подожди.

Макар огляделся. Пустые стены, отваливающиеся обои, за которыми скребутся жуки и мыши...

– Ладно, – со вздохом согласился он. – Можем уходить. Где-то я ошибся. Кроме его научных изысканий здесь ничего нет.

Бабкин видел, что Илюшин обескуражен. Не расстроен, не огорчен, а именно обескуражен.

– Постой, – позвал он, когда Макар уже вышел из комнаты.

Илюшин обернулся, посветил на Сергея фонариком:

– Ты чего?

Тот помолчал, собираясь с мыслями. В отличие от него, привыкшего все планировать и просчитывать, Макар Илюшин отличался склонностью к спонтанным решениям, основанным на голой интуиции. Но его попадания были точны, а чутье не раз приводило их с Сергеем к цели. Бабкин признавал, что Илюшин обладает каким-то непостижимым для него качеством, сродни умению птиц ориентироваться в полете на сотни километров.

Если он был уверен, что отгадку к делу Черниковой нужно искать в доме Валентина Чайки, значит, здесь должно было что-то найтись.

Пользуясь этой несколько извращенной логикой, Сергей вдруг сообразил очень простую вещь.

– А где комната? – спросил он, точно проснувшись.

– Какая еще комната?

– Для проявки и печати фотографий! Если Чайка фотографировал сам, то должен был разобраться и с остальным процессом. Где бы он в Вязниках нашел фотолабораторию?

Илюшин просветлел лицом.

– Я идиот, – вдохновенно сказал он. – Подвал!

Люк нашелся возле кровати. Бабкину пришлось полазить с фонарем, чтобы разглядеть квадрат, вырезанный в полу.

– Ручки нет! – известил он Илюшина, стоявшего возле гербария. – Как он его открывал, интересно?

– А что есть?

– Кольцо. Маленькое, не ухватишься.

– Значит, нужна веревка. Или ремень.

Ремень Сергея оказался точь-в-точь подходящим под размеры кольца. Бабкин просунул его в кольцо, потянул вверх, и крышка на удивление легко откинулась. Но вместо шаткой лестницы он увидел под ногами хорошо обустроенный спуск: широкие ступени, прочные перила.

– Макар, мы попали в точку, – взволнованно сказал Бабкин. – Он часто спускался туда. Глянь, как все продумано!

Илюшин забросил гербарий и живо подошел к люку.

– Да, неплохо, – признал он. – Посторонись, я первый.

Пока Макар нащупывал ступеньки, Сергей сверху освещал ему путь фонариком.

– Ух ты! – раздался снизу гулкий голос, как только Илюшин закончил спуск. – Серега, здесь есть на что посмотреть!

Бабкин спустился следом, пощелкал мертвую кнопку выключателя на стене и сообразил, что электричества в доме быть не может. Он переключил фонарь в режим максимальной яркости, поставил его на пол и обошел подвал.

– Вот здесь он их проявлял и печатал, – раздался из угла голос Макара. – Смотри, целую кабинку занавесочкой отгородил! Стол, кюветы... Непонятно только, зачем ему понадобилось лезть под землю.

– Наверху места мало, да и племянник мешал, – предположил Бабкин, принюхиваясь. – Слушай, здесь, похоже, был угол для хранения овощей, но все сожрали крысы. Смотри-ка, Чайка даже велосипеда в подвале держал!

Проржавевшие велосипеды, похожие на остовы реликтовых подземных существ, были прислонены к стене. Бабкин только теперь заметил, что все стены вокруг закрыты фанерными досками. Во многих местах на них болтались вырезки из журналов с фотографиями растений.

– Нормальный мужик бабу голую повесил бы, – проворчал Сергей, подходя к одной и рассматривая ее. – А этот все над пестиками-тычинками замирал. И здесь какой-то василек наклеил, и здесь...

Бабкин постучал по стене и убедился, что перед ним действительно фанера.

– Бред какой-то, – вслух сказал он. – Макар, зачем в подвале фанерные стены?

– Утеплитель, – лаконично отозвался Илюшин, выходя из-за шторы.

– Да кто так делает?! Это ж ерунда полная! Фанера гниет, изоляции никакой...

– За десять лет не сгнила, как видишь. Хм... Странноватое местечко, конечно, но снова ничего подходящего для нас...

– Слушай, да скажи ты мне уже, что ты ищешь?! – не выдержал Сергей. – Или хотя бы объясни, почему ты решил, что здесь что-то найдется!

Макар не ответил. Он встал, замерев в позе охотничьей собаки, как будто собирался сделать шаг и на полпути передумал.

Бабкин проследил за его взглядом и уткнулся в велосипеды.

– Что? – быстро спросил он. – На что ты смотришь?

Не отвечая, Илюшин сорвался в места и в одну секунду оказался возле стены. Он стоял перед ней почти вплотную, задрал голову, и глядел на что-то, не видимое Сергею.

– Да что там, черт возьми?!

Макар отступил на шаг и обернулся, блестя глазами:

– Помоги убрать этот хлам, живо!

Велосипеды полетели в сторону.

– Ничего не замечаешь? – азартно спросил Макар, поставив Сергея на свое место. – Ну же! Ничего?!

Бабкин смотрел на листы фанеры, грубо сколоченные между собой, и вдруг увидел. Сперва он решил, что ему показалось, но Илюшин поднес второй фонарь ближе, и сыщик присвистнул.

– Елы-палы... Да здесь дверь! Как он ее замаскировал, собака! Велосипедами прикрыл, вырезки свои поразвесил! Ну-ка, ну-ка...

Он толкнул вырезанный в фанерном листе прямоугольник, но тот не поддался.

Бабкин выхватил у Илюшина фонарь, и в ярком свете оба увидели крохотную дырочку в центре.

– Вот жеж сволочь! Еще и запор придумал! Макар, давай в сторону на три шага.

Прежде, чем Илюшин успел остановить его, Сергей ударил плечом в дверь, и хлипкая фанера с треском проломилась.

– Стой! – крикнул Макар. – С ума сошел?! После сотрясения!..

– Ну не ключ же к ней подбирать, – возразил Сергей, пыхтя и выламывая остальное. – Все! Фонарь захвати!

Бабкин пролез через дыру во второе помещение. Макар, поднявший фонарь, прислушался. До него не донеслось ни звука.

– Серега! – окликнул он.

Бабкин молчал.

Встревоженный Илюшин подбежал к пролому и, увидев силуэт друга, перевел дух.

– Серега, что у нас тут? – спросил он, пробираясь через отверстие и дергая зацепившуюся штанину. – Без причины такие фальшивые стеночки ставить никто не будет...

– Ты очень, очень прав, – ответил Бабкин странным голосом.

Макар наконец освободил джинсы, обернулся – и чуть не выронил фонарь.

– Так, – после долгой паузы сказал он. – Вот теперь мы нашли то, что должны были. Надеюсь, это не труп?

– Не думаю. Иначе был бы запах.

Они стояли в помещении, лишь немногим меньше того, что осталось за фанерной стеной. Перед ними на грубо сколоченном длинном деревянном столе лежало то, что в первую секунду показалось Макару мертвым телом.

Но это была кукла. Большая, в половину человеческого роста кукла, привязанная к столу бечевкой. Ноги ее были раздвинуты, насколько позволяло устройство игрушки, личико закрывали сухие веточки вереска. Вокруг куклы по периметру стола поднимались свечи, и десятки свечей были укреплены в полу.

Отсвет на потолке привлек внимание Сергея – он направил луч фонаря вверх и вздрогнул: оттуда на него выступали из мрака два лица, его собственное и безжизненное кукольное.

– Макар! – окликнул он. – На потолке зеркало!

Илюшин взглянул наверх, высветил фонарем свое отражение.

– А здесь – лаборатория, – бросил он.

Сергей обошел стол, стараясь держаться от куклы подальше, и увидел то, что Макар назвал лабораторией. Шкаф, а возле него на широком столе микроскоп, колбы, воронки, термометры, весы и трехногий штатив, упавший набор и задравший вверх одну из металлических ног... На полках лежали приборы, незнакомые Бабкину.

– Макар, это что? – тихо спросил он.

– Конкретно вот это, если не ошибаюсь, ареометр. – Илюшин снял с полки длинную стеклянную трубку с шариком на конце. – Определяет удельный вес жидкости. Вот это – градусники. Здесь, кажется, что-то вроде устройства для водяной бани... А вот и горелка! И еще перегонный куб. Ого, тетрадь с записями! И что у нас в ней, интересно?..

Сергей открыл шкаф. Черные от пыли пузырьки, снова тетради, исписанные все тем же бисерным почерком, тарелки и ступки, стеклянные колбы самой разной формы... Он с отвращением захлопнул дверцу, и вниз осыпались коричневые хлопья краски.

За шкафом Бабкин увидел щель. На полу что-то белело. Сыщик наклонился, морщась от ударившего в нос запаха полусгнившей древесины, и поднял раскрытую тетрадь, на обложке которой было выведено: «Личный собственный неприкосновенный дневник Олеси Курехиной...» – и дальше неразборчиво.

– Значит, Чайка, гад такой, так и не вернул девчонке дневник, –

пробормотал Бабкин.

У него отпали последние сомнения. Все, что он видел вокруг, было делом рук не Олега, а Валентина Петровича Чайки, старенького учителя, уважаемого в Вязниках за доброту и любовь к детям.

Макар, нацепив очки, вчитывался в формулы:

– Серега, ты знаешь, что здесь? Описание средства, которое Чайка готовил из вытяжек разных растений... Что-то вроде опиумной настойки, если судить по тому, что он использовал млечный сок мака. Но тут еще полтора десятка ингредиентов! – он склонился над тетрадь. – Перец опьяняющий... Это галлюциноген, если я ничего не путаю. Еще он выделил сальвинорин... ага, из шалфея, что очень логично... Где еще он мог его добыть...

– Откуда ты все это знаешь? – поразился Бабкин.

– Учительница химии привила любовь к предмету. Не мешай! Вот это, видимо, он экстрагировал, чтобы отбить вкус... Страшная горечь, должно быть, эта его настойка... Но учитель ее усовершенствовал. Поразительно! – Илюшин оторвался от тетради и восхищенно потер руки. – Наш уважаемый Валентин Петрович, похоже, отлично разобрался в химии.

– Наш уважаемый Валентин Петрович, похоже, был законченным параноиком! – Бабкин сплюнул, с отвращением глядя на связанную куклу.

– А вот здесь ты ошибаешься, – серьезно сказал Макар. – Параноиком Чайка не был. Он страдал шизофренией.

Поднимаясь вверх по лестнице из подвала, Бабкин бросил последний взгляд на пролом в фальшивой стене. Хорошо же старый учитель спрятал свои скелеты...

– Почему шизофрения? – спросил он у спины идущего впереди Макара. – Как ты об этом узнал?

– Подожди, пока не до этого... Есть еще кое-что непонятное...

Илюшин закрыл за выбравшимся напарником крышку люка.

– И все-таки? – настаивал Сергей.

Вместо ответа Илюшин подошел к полкам с альбомами и уставился на них.

– Куда я его сунул? – донеслось до Бабкина. – Он должен быть здесь...

– Да что ты ищешь?!

– Альбом с фотографиями, – пояснил Илюшин, не оборачиваясь. – Мне до сих пор не все с ним ясно. Он как-то вопиюще нелогичен!

Бабкин даже рассмеялся:

– Это единственное, что тебе непонятно? Слабость психа к цветочкам?

– Не в цветочках дело, мой поспешный друг. Чайка – натуралист, он не

стал бы фотографировать подряд все цветущее. Должна быть какая-то причина, что вереск соседствует с бузиной... Не может не быть. А, вот он!

Макар потянул к себе альбом, едва не обрушив стоящие рядом, и в задумчивости опустил на пол, установив фонарь на стуле так, чтобы свет ложился на страницы.

– Посвети мне еще, – попросил он. – Батарейка садится, что ли...

Сергей молча следил за тем, как Илюшин переворачивает одну страницу за другой.

– Пстой! – вдруг скомандовал он. – Вернись обратно. Да, туда, где фиалки. А почему...

Не договорив, Бабкин подцепил снимок и вытащил его из «уголков», порвав один из них. Перевернул обратной стороной – и хмыкнул.

– Вот тебе и объяснение, – сказал он, протягивая карточку Илюшину.

На обороте к снимку был приклеен другой, размером чуть поменьше. Толщина фотографии и насторожила Бабкина.

– К чему это причислить, как считаешь? – спросил он, вынимая следующие снимки. – К порнухе или к эротике?

– Изображение половых органов? Да еще в таком виде? Порнография, конечно. Интересно, с какого ракурса это снято?

– Извращенец! Мне вот совсем не интересно.

Они просмотрели все фотографии. Некоторые заставили Бабкина поморщиться.

– Что ж, одной загадкой меньше, – заключил Макар, возвращая карточки в альбом. – Значит, учитель раздевал девчонок, фотографировал их интимные места и, может быть, совершал над ними какой-то обряд. Почти наверняка, судя по свечам. Потом собрал свои сокровища и замаскировал невинными цветочками. Кстати, неплохая метафора. Как думаешь?

– Думаю, что рано помер учитель, – с сожалением сказал Бабкин. – Ушел безнаказанным. Протянуть бы еще лет пятнадцать старому козлу – и остаток жизни провел бы в лечебнице для таких вот педофилов!

Он потер виски и поморщился.

– Все, уходим! – Илюшин поднялся, взял фонарь. – Об остальном поговорим в машине.

По ночной дороге Макар ехал осторожно, крадучись. На въезде в лес перед машиной прыгнул заяц, замер, будто оглушенный светом фар, и бросился наутек, стоило Илюшину приоткрыть дверь.

– Жаркое убежало... – Бабкин проводил его голодным взглядом и

обернулся к Макару. – Теперь выкладывай, как обещал: откуда ты узнал, что Чайка болен шизофренией?

– Когда ты рассказывал о тех, прежних, исчезновениях, то обронил, что учитель повсюду ездил на машине. Это была первая зацепка. Вторая – что он вел в школе кружок в летнее время. А третья – что его считали человеком со странностями. Сами по себе эти детали ничего не значат, но если сложить их вместе, картина меняется. Чем-то опохмелить или уколоть девочек мог только человек, которому они доверяли. Учитель – идеальная кандидатура. А энтузиаст Валентин Петрович не вызывал никаких подозрений, катаясь туда-сюда на своей машинке, потому что все знали, чем он увлечен. Не сомневаюсь, что на заднем сиденье у него всегда что-то лежало: ящики, коробки... Закрывать это богатство тряпкой – и никто не догадается, что под тряпкой не коробки, а девчонка без сознания.

– Или в багажник их засовывал, затейник.

– Тоже возможно. Наверняка он встречал их в лесу, чем-то одурманивал, запихивал в машину и вез к себе. Беспрепятственно заезжал во двор, а там дело было лишь за тем, чтобы незаметно перетащить жертву в дом.

– Крыльцо! – осенило Бабкина. – И палисадник! Его приятель упоминал, что за глухой заросший палисадник Чайку ругали еще при жизни. А крыльцо специально построено так, чтобы никто с улицы не видел, что там происходит. Продумал все, старый извращенец! Затаскивал дурочек в дом, а потом вывозил в лес и там оставлял... Как думаешь, он их насиловал?

– Вряд ли, – покачал головой Макар. – Иначе девчонки обнаружили бы это и хотя бы одна подняла шум. Серега, пойми: Чайка – не классический насильник, он больной человек. Ты же видел снимки! Думаю, он только фотографировал их. Наверняка долгое время обходился куклой, а потом что-то случилось, и его понесло.

Справа мелькнул указатель: «Дом отдыха „Рассвет“».

– За поворотом – налево, – Сергей отвел взгляд от деревьев на обочине, чувствуя, что от их мельтешения начинает болеть голова. – Если Чайка не насильник, зачем изнасиловал убитую Курехину?

– Ты слишком многого от меня хочешь! Я же не специалист по психологии шизофреников. Может, это такая форма мести. Кстати, допускаю, что Чайка был импотентом. Это вписывается в общую картину и объясняет, почему с Курехиной он использовал бутылку.

– Но не объясняет, почему он ее убил!

– У меня есть одно предположение... То, что Чайка убил ее в лесу и

ударил не ножом, а тем, что первое попало под руку, говорит о том, что убийство он не планировал. Может, его средство не подействовало?

Бабкин задумался.

– Рассчитал неправильно дозировку или девчонка оказалась слишком выносливая, – пояснил Макар. – Вместо того чтобы уснуть, бросилась бежать, догадавшись, что дело нечисто. Учителю нужно было любым способом остановить ее, вот он и выбрал самый кардинальный из них. Что уж он потом делал с телом – это второстепенный вопрос. Но случившееся его жутко перепугало, и он снова вернулся к своей кукле, потому исчезновения и прекратились.

– Логично, – согласился Бабкин. – Могу представить, в каком страхе пребывала эта сволочь! Но ты не ответил, как догадался о его шизофрении.

– С другого конца. Ты упомянул, что его племянник при тебе постоянно вертел в пальцах какую-то бумажку...

– Фантик, – подтвердил Сергей. – Ну и что? Художественное верчение, хоть оно меня порядком раздражало...

– А то, что такая забава – один из симптомов шизофрении. Нам сейчас куда?

– Налево и метров двести вперед, выедем прямо у коттеджа. Откуда ты знаешь про симптомы?

– Незадолго до нашего разговора мне попала книжка, где они перечислялись. Я, как водится, нашел у себя половину и запомнил их. Получилось как с учителем: незначительные детали собрались в один рисунок. Стоило мне лишь задуматься о том, что Олег Чайка может быть шизофреником, как ровно на такое же предположение стал напрашиваться его дядюшка. Поэтому я и просил тебя узнать, как он умер. То, что ты описал – типичная смерть для человека, страдающего шизофренией.

– Черт, мне же его приятель прямо говорил, что Чайка слышал голоса!
– Бабкин хлопнул себя по лбу. – А девчонки упоминали про хихиканье без повода.

– Беспричинный смех, угу. Тоже один из симптомов.

– И чтение мыслей из его головы... Вот, значит, почему ты решил забраться к нему в дом?

– Да, я подозревал, что с учителем все обстоит вовсе не так радужно, как рассказывают в поселке. Рисунки, которые остались после него, не просто говорят – они кричат о болезни во все горло! Ты заметил, что Чайка бесконечно повторял одно и то же? Все эти зловещие расчлененные растения, похожие на разобранный механизм, полное неправдоподобие изображенного... А цвета! Черный, желтый, фиолетовый...

– Странно, что никто не обратил внимания на это раньше.
– Растения для каталогов зарисовывал его племянник, а сам Валентин Петрович вряд ли показывал соседям свои творения.

– Приехали, – сказал Сергей, увидев свой коттедж. – Заезжай справа, там полно места...

Он зашел в дом с таким ощущением, будто не был здесь неделю. С каждым шагом на него все сильнее наваливалась усталость. Бабкин бросил сумку под ноги и тяжело опустился на кровать. Надо было еще многое узнать... Много узнать... Он заставил себя напрячься и собрать разбегающиеся мысли:

– Получается, сначала ты заподозрил шизофрению у художника...

Макар с любопытством оглядывался вокруг.

– А тут уютно, – заметил он. – Что ты спросил? А, про художника! Да, сначала у него. И в итоге круг у меня замкнулся.

– В каком смысле?

– От Олега Чайки я перешел к дяде. И утвердился в мысли, что мое предположение о психическом заболевании – верное. Но шизофрения – болезнь, передающаяся по наследству, пусть не всегда, но довольно часто. Поэтому я вернулся к тому, с кого начал: к Олегу Чайке. Творчество пациента – хорошее подспорье для диагноста, и я попросил тебя сфотографировать его картины. Врач, которому я показал снимки, весьма заинтересовался ими и даже спрашивал, нельзя ли ему познакомиться с их автором.

– Я так понимаю, его не сами полотна заинтересовали, – хмыкнул Бабкин.

– Правильно понимаешь. Цвета, расположение объектов в пространстве, копирование самого себя без малейшего изменения – все это, по его словам, очень нехорошие признаки.

– И еще картотека... – протянул Сергей, вспомнив каталоги Валентина Петровича. Вот что они напомнили ему!

– Какая картотека?

– В мансарде Олега я видел коробки с карточками, в которых его жена записывает все данные о каждой картине, включая размеры кистей и то, какие краски использовались. Я еще тогда поразился, зачем нужно собирать и систематизировать тонну бессмысленной информации. Выходит, у племянника с дядей была склонность к составлению каталогов...

– Похоже на то.

– И склонность к девочкам-подросткам, – помрачнев, добавил Бабкин.

– Если только старший Чайка не восстал из могилы, то мы нашли ответ на вопрос, кто похитил Матильду Черникову. Правда, пока неизвестно, что он делал с ней... Может быть, тоже совершал обряды, как его дядюшка?

– Думаешь, это старик приохотил младшего Чайку к своим развлечениям?

– Полагаю, что так. Сходство «почерков» выглядит просто фамильным.

– Но тогда почему... – начал Сергей и понял, что не знает, как закончить фразу. В голове ворочался земляной ком, мешавший соображать. Бабкин хотел обратить внимание Илюшина на что-то важное, но забыл, что это было. Фамильное сходство почерков...

Илюшин, обыскав шкафчики, нашел батон, вскрытую банку сгущенки и настрогал бутербродов.

– Надо решить, что делать дальше, – сказал он, облизывая ложку, с которой стекала густая молочная масса. – Я предлагаю подключать местную прокуратуру. Встретишься завтра со следователем, расскажешь ему как на духу о наших противозаконных действиях, и пусть сам лезет в подвал и делает выводы. Если у него есть хоть капля мозгов, он обыщет дом, где сейчас живет племянник Чайки. А мы будем наблюдать за этим со стороны и ждать результатов. Как тебе мой план?

Сергей молчал.

– Бутерброд будешь? – спросил Илюшин.

Ответа снова не последовало.

Удивленный Макар обернулся и увидел, что Сергей спит, привалившись к стене. Илюшин раскопал в недрах кровати подушку, раздел Бабкина с ловкостью профессиональной сиделки и накрыл пледом. Потом с аппетитом умял два бутерброда со сгущенкой, устроил себе постель на диване и спустя десять минут уже спал, посвистывая как суслик.

Глава 9

Сегодня в пансионате праздник. Мы все идем (кроме Олега, конечно) и, казалось бы, должны предвкушать веселый день с шутливыми состязаниями и дурацкими конкурсами, но обстановка за столом такая, словно нас ждет участие в «Последнем герое». Вот-вот закадровый голос произнесет с драматическими интонациями: «Кто же останется победителем?» – и одни из нас опустят глаза, внутренне готовясь к сражению за право быть выжившим, а другие ненавидяще уставятся на соперников.

Моя-то неразговорчивость легко объяснима: сыщика Сергея нашли вчера утром в лесу неподалеку от нашего дома – говорят, он был в стельку пьян, с кем-то подрался... Правда, Леонид Сергеевич опроверг эти слухи, заявив, что человеку просто-напросто стало плохо, и он потерял сознание в лесу. Но мне кажется, доктор что-то не договаривает. Он двадцать раз заверил меня, что опасности для жизни нет и Сергей скоро вернется в пансионат, но я все равно чувствую себя как человек, потерявший единственного друга.

Олег сегодня тоже молчит и зыркает на всех исподлобья. Клара Ивановна то и дело поджимает губы, и видно, что сиделка чем-то сильно озабочена. Я поставила перед ней стакан свежесжатого морковного сока вместо яблочного, который она предпочитает по утрам – Клара Ивановна выпила и ничего не заметила.

Но больше всего меня поразили Григорий с Лидией. Последняя вышла вчера к завтраку с заплаканным лицом. Клара с утра объявила «английский» день, и все мы прислуживали ей в костюмах, так что Лида выглядела горничной, совращенной богатым бездельником. Расстройство ее было так велико, что она даже не смогла выговорить стихи по случаю праздника. От каждого звука наша поэтесса вздрагивала, а когда в дверь постучал забежавший на минуточку доктор, Лидия вскрикнула.

Услышав это, Клара Ивановна вышла из задумчивости и возмутилась в своей обычной манере, пригрозив, что доберется до причины ее невроза. Лидия затряслась как лист и, кажется, пришла в полное смятение, но тут Григорий внезапно встал на ее защиту. Григорий, которого хлебом не корми, дай поиздеваться над сестрой! Григорий, лучше остальных умеющий угодить Кларе и считающийся ее любимчиком! Он вдруг вскочил и заявил, что никто не посмеет при нем издеваться над слабыми, что подло

пользоваться уязвимым положением женщины и что все совершают ошибки, но многих на это вынуждают!

Выступление его было немножко невразумительным, зато эмоций хватало в избытке. Гриша напоминал лохматого черного скотч-терьера, а Клара Ивановна – крысу, и он нападал на нее, свирепо оскаливая зубы и рыча. Мы все онемели от его напора. Больше всех изумилась Лидия, но и Клара опешила и поспешила отозвать свои войска. Гриша вышел победителем.

Сегодня он снова рядом с сестрой: ухаживает за Лидой, воинственно оглядывает всех нас. Что их объединило? Не завелся же и в самом деле у нее любовник, бросивший Лиду на пятом месяце беременности?

Последние два дня все не в своей тарелке, и у меня недобрые предчувствия. Мне представляется человек, вокруг которого неумолимо собирается смерч, а он видит предвестники его появления, но не знает, как их трактовать. Зеркало трясется в раме, внезапно лопаются веревка с бельем, падает японская ваза, десять лет простоявшая на комод... А человек собирает осколки вместо того, чтобы бежать прочь, прочь, как можно дальше, пока от него самого и всей его жизни не остались мелкие кусочки, затянутые в безумный вихрь.

Мне нужно скорее сбежать из этого дома, сбежать хотя бы на день! Олег поглядывает так, что меня охватывает дрожь, потому что я не могу понять, что он задумал. Я боюсь оставаться с ним один на один. Но, к счастью, сегодня – такой исключительный день, когда я могу не возвращаться до вечера. Пускай он остается один и пишет свои устрашающие картины с черной водой и белыми глазами, глядящими из нее! Если мой муж что-то и задумал, это случится не сегодня.

* * *

Когда Сергей открыл глаза, в комнате плавал туман. Все вокруг заволгло, и он не мог разглядеть ни дивана, ни двери. Стоило ему оторвать голову от подушки, как в затылке изнутри глуховато постучали молотком: тук-тук, тук-тук, и Бабкин охнул.

В ответ на этот звук из тумана послышался жизнерадостный голос:
– О, проснулся! Где тут у вас раздают завтраки? Предлагаю поторопиться, пока все не разобрали.

Мимо Сергея прошлепали босые ноги, что-то упало, и возле крана раздалось бульканье.

Бабкин закрыл глаза и снова открыл. Туман никуда не исчез.

Он нащупал на стуле джинсы, ощущая, что рука подрагивает. Ему остро захотелось курить, так сильно, что даже пересохло во рту. Одну сигарету... Одну... И ему сразу станет легче!

– Макар, – хрипло позвал он в туман. – Макар, у тебя закурить есть?

Бульканье прекратилось. Две секунды в комнате висела тишина, а затем голос Илюшина прозвучал совсем рядом:

– Что случилось?

– Да покурить захотелось...

– Серега, что случилось? – настойчиво повторил Макар.

Бабкин сделал над собой усилие и произнес, стараясь держаться спокойно:

– Похоже, я ослеп.

Они выехали с территории пансионата под бравурную музыку, доносившуюся от главного корпуса.

– Праздновать начали с утра пораньше, – заметил Сергей. – День «Рассвета», елы-палы!

– Это называется не ослеп, а «посттравматическая слепота», – сказал Илюшин. – Не паникуй. Через сорок минут будем в больнице.

Он резко вывернул руль, машину занесло, и Бабкин почувствовал, как они кренятся вправо.

«Если доедем», – хотел сказать он, и вдруг в тумане что-то мелькнуло. Знак. «Дом отдыха „Рассвет“». Он мигнул и отчетливо увидел уносящиеся назад ели, машущие лапами.

– Ельник проехали? – осторожно спросил он.

Макар глянул в зеркало и кивнул. Потом, спохватившись, сказал вслух:

– Да, ельник.

– А сейчас поле? – уточнил Бабкин через пару минут.

Илюшин коротко взглянул на него и снова кивнул, но на этот раз промолчал.

Долгий облегченный выдох – и Сергей выругался вполголоса. Но это была не злая, а успокоительная ругань: так бранятся, оступившись с моста – и удержавшись на самом краю.

– Все видишь? – спросил Макар, сосредоточенно следя за дорогой.

– Нет. Но все, что вблизи – вижу.

Бабкин едва не рассмеялся от радости.

– Больше всего слепоты боюсь, – признался он. – Слушай, зрение вроде почти вернулось. Может, вернемся?

– Нет уж, – отрезал Илюшин. – Поедем в больницу, и будешь говорить с врачом. Он, вроде бы, мужик вменяемый.

Сергей поспорил еще немного, но, поняв, что на этот раз Макар уперся, махнул рукой. С каждой минутой туман рассеивался, и он был уверен, что к моменту приезда в больницу будет видеть не хуже, чем обычно.

Так и вышло. В обшарпанном приемном покое, где кроме них ожидал своей очереди, охая и кряхтя, неряшливый подвыпивший старик, Бабкин осмотрел все и убедился, что тумана больше нет. Молоденькая, до смешного строгая медсестра, преисполненная сознания собственной важности, велела им ждать доктора, и сыщики заняли дальнюю скамейку возле окна.

– Давай пока составим план, – предложил Сергей, наблюдая за солнечным зайчиком на зеленой стене. Зайчик скакал туда-сюда и был похож на одуванчик, сорвавшийся со стебелька и умчавшийся в свободный полет.

По странной ассоциации Бабкин вспомнил о Лилии Чайке. «Прыгает, наверное, в мешке, бедная... или на что там ее подписала Григорьева?»

– План – это хорошо, – отозвался Макар, что-то чертивший в блокноте. – Правда, я без всякого плана собирался съездить и побеседовать с твоим этим, как его, Мерзляевым. Пока ты общаешься с доктором на предмет того, понадобится ли тебе в ближайшие десять лет собака-поводырь.

– Мерзляев – это из фильма. А здешняя гнида – Мурзоев. Черт, ты меня сбил с мысли! Крутилось ведь что-то важное, что мы вчера не договорили... Снова забыл! А все ты со своей собакой-поводырем.

– Ладно, попробуй вспомнить, – миролюбиво предложил Илюшин, не прекращая рисовать. Заглянув в блокнот, Бабкин увидел что-то вроде разбухшей тыквы. – А еще лучше – давай попробуем сообразить, где Чайка-младший прятал девиц.

– И кто помогал ему вытащить меня из сарая. Неужели они все вместе заодно, а? Нет, конечно, Гейдманы – безумная семейка, но не настолько же!

– Расскажи мне о них поподробнее, – попросил Макар. – Все, что вспомнишь.

Рассказ Сергея превратился в полноценный отчет. Илюшин не прерывал его расспросами, и как-то незаметно для себя Бабкин поделился и тем, как он встретил Лилю в лесу, и как учил ее водить машину, и как она опасалась возвращаться к мужу.

В середине повествования Макар перестал рисовать. Он нахмурился, выбил барабанную дробь по подоконнику. Выложив все, что помнил,

Бабкин выдохся и некоторое время сидел молча, ожидая реакции Илюшина.

– Серега, – помедлив, спросил Макар, – скажи мне, а как она выглядит? Жена художника?

Бабкин замялся.

– Ну... невысокая, глаза голубые, волосы такие... светлые, пышные. Маленькая очень...

– Я понял, понял, что маленькая. Фигура у нее какая?

– Худенькая она, вроде...

– «Худенькая вроде», – сердито передразнил Илюшин. – И это описание я слышу от бывшего оперативника! Невысокого роста и худая – а лет ей сколько? Не паспортный возраст, а на вид!

Сергей задумался.

– Зададим вопрос иначе, раз этот поставил тебя в тупик, – снизошел Макар. – Лицо юное? Детское?

– Да, можно и так сказать, – подтвердил Бабкин, все еще не понимая, к чему ведет Илюшин.

И вдруг прозрел.

– Ты что, думаешь... – начал он, поднимаясь, словно вырастая над Макаром, – думаешь, он может...

– Я ничего пока не думаю. Но то, что твой шизофреник выбрал жену, похожую на девочку-подростка, – это несомненно. Да сядь ты, в конце концов! Если он за все годы брака ее не убил, то с чего ему делать это сейчас?

– Ты знаешь с чего, – Сергей все-таки сел. – История повторяется. Там было два похищения, а на третий раз убийство, теперь может быть три похищения, на четвертый раз убийство!

– То убийство, я уверен, не было преднамеренным! – возразил Илюшин. – Случайность, сбой в плане! Мы с тобой только вчера это обсуждали!

– А если мы ошиблись? – прищурился Бабкин. – Если учитель не просто убил девчонку, пытавшуюся сбежать от него, а специально привел ее в лес и забил до смерти? Ведь он не просто так переключился с кукол на живых людей! Что, если ему для получения удовольствия требовалось идти по нарастающей? Ты знаешь, что с серийными маньяками так и бывает.

Медсестра осуждающе посмотрела на двух мужчин.

– У нас шуметь не надо! – строго сказала она. – У нас тут не бар!

– Мы больше не будем, – пообещал Илюшин и продолжил уже тише: – У тебя есть телефон девушки? Позвони и предупреди, раз так опасаясь

за ее судьбу. Только сделай это аккуратно, чтобы не навести ни ее, ни Чайку на подозрения.

– Да нет у меня ее телефона! Я ей свой номер оставил, а у нее взять не догадался.

Макар разочарованно прищелкнул пальцами.

– Подожди, у тебя же должен быть номер Черниковой, – сообразил он.
– Попроси ее, чтобы жена Чайки тебе перезвонила.

Сергей схватился за телефон.

– А еще лучше – не говори ей ничего, – добавил Илюшин. – Какими словами ты будешь предупреждать жену Чайки, чтобы она держалась от супруга подальше? «Уважаемая Лиля, ваш муж псих, не подходите к нему близко?» Лучше уговори ее уйти из дома, а через пару часов я сам приеду в пансионат и встречу с ней.

Но Бабкин, не слушая, уже звонил Евгении Черниковой.

Их разговор успокоил его: выяснилось, что день «Рассвета» в самом разгаре и в нем участвуют практически все, включая Лилию Чайку.

– Я ее видела с час назад, – крикнула Евгения в ухо Бабкину. На заднем плане играла бодрая музыка и чей-то старческий голос азартно кричал: «Павлуша, давай!» – Не дотрагивайся до шаров! Это я не вам! Она на спортплощадке играла! Это я вам! Да обгоняй его, обгоняй! Это я не вам! Господи, да что ж за растяпа... Простите, это я снова не вам!

Закончив беседу, Бабкин почувствовал себя куда спокойнее.

– Я же говорил, что ты зря дергался, – рассудительно сказал Макар. – Тебе вредна эта беготня по потолку с налитыми кровью глазами. Сиди спокойно, все с девушкой в порядке!

Он встал, потянулся, внимательно посмотрел на Бабкина. Тот выглядел усталым, но вполне здоровым.

– Съезжу-ка я к следователю, – известил Макар. – К Мерзляеву. Нечего время тянуть. Поговорю с ним сам, пускай берутся за Чайку, пока он и впрямь кого-нибудь не угробил. Все, созвонимся.

Бабкин смотрел через окно, как он идет через больничный двор, подкидывая в ладони ключи от машины – мальчишка мальчишкой, больше двадцати пяти не дашь. Бабкин усмехнулся: «А ведь Мурзоеву не позавидуешь... Разделает его Макар как бог черепаху».

– Девушка, когда Владислав Степанович придет? – обратился он к медсестре. – Полтора часа жду.

– Он занят, – непререкаемым тоном ответили ему. – Ждите.

Лиля падала. Падала в темную нору, обернувшуюся разинутой рыбьей пастью, летела сквозь ледяную черноту воды. Свет уносился все дальше от нее, сужался в точку, и протягивать руки к нему было бесполезно – мрак завладел всем вокруг.

Она сделала что-то не то... что-то неправильное... Всего один стакан напитка со странным вкусом... Или это был шоколад... Наверное, все-таки сок: она устала и очень хотела пить. И побежала домой... Или нет?

Господи, этот мрак стирал ей память! Что с ней сделали? Куда она летит?

Перед глазами Лили вспыхивали видения: черные маски, беззвучный оскал хищной морды, выпученные глаза, с ужасом взирающие на нее с земляных стен. Или из воды... Лиля забилась, попыталась закричать, но с губ не сорвалось ни звука.

На секунду мир вокруг перевернулся, тело ее подбросило, словно от взрывной волны, но боли она не почувствовала. Маски и оскал исчезли, но все вокруг колыхалось, искажалось, словно она смотрела через толстое стекло. Где она? В стеклянной клетке? На дне? Провалилась в реку, что на полотнах ее мужа, и теперь останется вечной пленницей – смотреть с его картин, разинув рот в беззвучном вопле?

Мысли переплетались, путались. «А ведь он и дядю так же... Заточил, спрятал, и никто не узнает. Даже я... столько раз смотрела... и не догадывалась. Никто не догадывается... Вода, под водой смерть».

Смерть.

Взгляд Лили сфокусировался на чем-то блестящем, лежащем неподалеку от нее. Что это, гарпун? Рыбака, его владельца, море слизнуло вместе с лодкой, пережевало и выплюнуло останки на сушу, а вещицу заботливо утащило, припрятало на дне, куда опустилась и Лиля.

Водоросли, утонувший стул, обросший ракушками диван... Из подводных пещер выплывают рыбы, лениво шевелят хвостами, без удивления разглядывая лежащий на дне труп. «Почему труп? Я еще жива... Подите прочь, убирайтесь отсюда, не смейте! Не смотрите на меня так! Огоньки... Откуда здесь огоньки? Или это окна корабля? Утонувший корабль с тысячей мертвецов на борту...»

Лиля закрыла глаза, снова потеряв сознание.

...В лезвии ножа, принятом ею за гарпун, отражалась комната с десятками зажженных свечей на полу. В центре круга, образованного ими,

лежала раздетая девушка. Человек, бросивший ее на пол, присел рядом, убедился, что она жива, и принялся быстро готовиться к тому, что должно произойти.

Нож. Свечи. Корзина с подгнившими яблоками. Цепочка, снятая с Веры. На память от Матильды ему остался дешевенький браслет... Человек выложил свои трофеи вокруг бесчувственного тела, оглядел получившийся натюрморт и остался доволен. Мертвая природа, и правда. Пока еще не совсем, но скоро будет.

Человек с усилием сдвинул тяжелый шкаф и старательно уничтожил следы своих действий. Грязь, крысиный помет – все пошло в дело. Оставались только лестница и магнитофон. Легкую лестницу он прислонил к люку, выбрался наверх и оставил его открытым. Прислушался к звукам, доносящимся сверху, и удовлетворенно улыбнулся.

Да, слышно будет хорошо!

Человек снова спустился вниз, проверил, устойчива ли лестница, и еще раз убедился, что все стоит на своих местах. Шагнул мимо тела – и вдруг остановился.

Лиля смотрела на него широко раскрытыми глазами. Он знал, что она сейчас не в силах ни дернуться, ни закричать, но ему не понравилось, с какой легкостью она вышла из забытья. Или она во власти бреда и видит перед собой одно из порождений своей фантазии?

Как бы то ни было, следовало заканчивать с этим поскорее. Огромные голубые глаза неотступно следили за ним, и ее взгляд мешал сосредоточиться.

– Закрой глазки, – ласково сказал человек.

Лиля продолжала смотреть. Губы ее слабо шевельнулись.

– Кричишь... – понимающе улыбнулся человек. – Ничего, потерпи. Еще немного, радость моя, и все закончится.

* * *

Илюшин появился в больнице спустя всего полчаса.

– Это заняло меньше времени, чем я думал, – сказал он, но от рассказа ловко уклонился, сказав лишь, что все в порядке и Мурзоев проявил понимание.

Сергей вспомнил ленивую тушу следователя и подумал, что Илюшину удалось чем-то сильно прижать Мурзоева, чтобы тот «проявил понимание».

Слепота больше не нападала на него, но он устал ждать врача и устал

от облезлой больницы и недружелюбной медсестры. К тому же ему опять хотелось есть: они с Макаром даже не успели позавтракать.

– Слушай, пойдем в кафе, – предложил он. – А то просидим здесь еще пять часов как дураки...

Илюшин согласился, и они прошли мимо медсестры, неодобрительно поглядевшей на них.

– А Владислав Степанович на операции! – крикнула она вслед сыщикам.

– Главное – вовремя сообщить об этом, – не оборачиваясь, сказал Бабкин. – Значит, врач раньше, чем через пару часов, не появится. Поехали отсюда, а? Вижу я нормально, жалоб нет – идеальный пациент.

Они зашли в то же кафе, где сидели накануне. Официантка, узнав их, расплылась в приветливой улыбке. Эти двое понравились ей еще вчера, и она обсчитала их со скидкой на личную симпатию.

Бабкин с Илюшиным сделали заказ, и Макар тут же принялся двигать по клетчатой скатерти солонку и перечницу.

– Хорош дурачиться, – проворчал Сергей, понаблюдав за тем, как солонка удирает от перечницы, а та загоняет ее в угол и с помощью пепельницы ставит мат. – Давай лучше поговорим о чем-нибудь приятном.

Но приятное не шло в голову. Сергей в который раз задал себе вопрос, куда же Олег Чайка прятал усыпленных девушек, и ответ опять его не устроил.

Он сказал об этом Макару, и Илюшин посоветовал ему не перетруждать контуженный мозг.

– Серега, это больше не наша забота. Возможно, он уводил девчонок в сарай, а может, прятал их в подвале. Не нам с тобой это выяснять. Я считаю, что мы свою часть работы выполнили, и предлагаю на этом успокоиться.

– В подвале не мог, – упрямо возразил Бабкин. – Кто-нибудь заметил бы его!

– Тогда сарай. Или вообще какая-нибудь подсобка на территории. Почему ты не рассматриваешь такой вариант?

Бабкин не смог ответить почему.

– Все, расслабься и жри сырники. Девушка, можно нам еще сметаны?

Официантка принесла сметану в глиняной плошке, поставила перед Бабининым и обольстительно улыбнулась. Но Сергей не оценил ее обаяния.

– Ладно, согласен, – вздохнул он. – Давай дожидаться результатов расследования Мурзоева. Хотя я бы, пожалуй, попросил о помощи местную золушку, в смысле, Григорьеву. У меня такое чувство, будто мы что-то

упустили. Она нормальная тетка, открыла бы нам все подсобки.

– И что дальше? – жуя, спросил Макар. – У нас ни времени, ни ресурсов для обыска целого пансионата. Забудь и думать. Я дал Мурзоеву хорошего пинка, так что шевелиться он будет, не сомневайся.

Некоторое время они молча поедали сырники. Съев пять штук, Бабкин прикинул, сколько будет ждать врача, и заказал еще одну порцию.

– Кстати о золушках, – сказал Макар. – Я тут намедни кое над чем размышлял, пока ехал в больницу. Как раз над этой сказкой.

Сергей хмыкнул.

– А о трагической судьбе Колобка ты, часом, не задумывался? – предположил он. – О бескультурной девочке из сказки про Машу и трех медведей? А о непростых отношениях Винни-Пуха и Пятачка?

– Не успел пока, – ничуть не смутившись, ответил Илюшин. – Осмысливал эту для начала. Между прочим, я вполне серьезно. Если задуматься над сюжетом и представить, что это не выдумка, а история, произошедшая на самом деле, то в ней найдется одна странная несостыковка, которую невозможно объяснить, не выходя далеко за рамки повествования.

– По-моему, вся сказка о Золушке – одна большая несостыковка, – пренебрежительно пожал плечами Бабкин.

– Ничего подобного. Как раз вся сказка совершенно логична. Я бы даже сказал, что она поразительно жизненна в своей логичности. Все события прочно увязаны в один узел, и только одно выбивается из их переплетения. Я не шучу, – добавил он, заметив недоверчивый взгляд напарника.

– Неужели?

– Нет. Абсолютно. Я уже не раз над этим думал. Один факт, всего один! – Он запальчиво щелкнул пальцами. – Но такой, который нельзя выкинуть из текста. Он должен быть чем-то объяснен, а объяснения-то нам и не дают!

– Фея-крестная, что ли?

– Фея совершенно ни при чем, – отмахнулся Илюшин. – Фея – всего лишь элемент сказочного антуража, ничем не отличающаяся от кареты из тыквы или мышей, превратившихся в скакунов. Твой взгляд слишком поверхностен. Попробуй осознать, что стоит за всеми этими декорациями.

– И что же? – скептически осведомился Бабкин, не любивший выступать в роли ученика.

– Давай исходить из фактов, – предложил Макар. – Что мы имеем? Девочка, точнее, молодая девушка, живет в доме своего отца фактически на

положении прислуги. Она спит в каморке, с ней плохо обращаются, и отец не может или не хочет защитить ее. Последнее странно, если вспомнить, что вся власть в семье принадлежала мужчине. Но, допустим, он очень любил жену.

– Или очень ее боялся.

– Тоже возможно, – согласился Илюшин. – Если вспомнить, сколько отравленных мужей закончили свои дни в мучениях, выпив бокал вина, поданный нежной супругой... Не исключено.

Он побарабанил по столешнице.

– Прекрати, – попросил Бабкин. – Давай, излагай дальше. В чем загвоздка?

– Ты знаешь продолжение не хуже меня. В королевстве обещан бал, на который все стремятся. В особенности – молоденькие девушки, потому что на балу будет принц. Он не женат, молод, хорош собой и к тому же единственный наследник всех папиных богатств. Прекрасная, да что там – идеальная партия для любой девушки в королевстве! А Золушка, очевидно, очень хороша собой, иначе чем объяснить, что мачеха отказывается брать ее на бал?

– Формально – не отказывается, – уточнил Бабкин.

– Формально – нет, но ежу понятно, что это самый настоящий отказ! Просто облечен он в другую форму.

При упоминании ежей Сергей поморщился, но промолчал.

– Похоже, мачеха опасалась конкуренции по отношению к своим двум дочерям, вот и решила перестраховаться, – продолжал Илюшин. – Что бы она ни приказала сделать Золушке, это преследовало лишь одну цель: оставить ее дома. Судя по появлению Феи-крестной, у бедной сиротки не было даже платья, в котором она могла бы появиться на балу без опасения быть выставленной за дверь.

– Но Фея-то появилась!

– Появилась, – согласился Макар. – Кстати, об этом мы можем знать только со слов Золушки, потому что кроме нее это волшебное существо больше никто не видел.

Бабкину стало смешно.

– Что, хочешь сделать из светлой сказки роман о хитрой девице на содержании у богатого любовника? Можно еще придумать версию, что любовник сам отправил Золушку на бал, чтобы потом через нее добиться милости у короля. Как тебе моя циничная идея?

– Во-первых, она недостаточно цинична, – невозмутимо ответил Илюшин. – Но ее беда даже не в этом, а в том, что она не объясняет ту

самую несостыковку, о которой я сказал тебе в самом начале. Так что вернемся к нашей маленькой Золушке. Что бы ни представляла собой добрая и щедрая Фея-крестная, кем бы она ни была, после встречи с ней девушка появилась на балу разряженная в пух и прах. Обратила на себя внимание принца, вскружила ему голову, но вынуждена была сбежать до решительного объяснения.

– Этот момент тебя не удивляет? Ну там, мыши, карета, кучер и все такое? – ехидно спросил Бабкин. – Или их превращению тоже можно найти логическое объяснение?

– Ты снова глазеешь на декорации вместо того, чтобы смотреть на актеров. Серега, ты же сыщик, так работай с доказанными фактами! Можно считать доказанным, поскольку имелись непредвзятые свидетели, что Золушка удрала с бала незадолго до полуночи. Потом эта история повторилась второй раз и закончилась тем же: Золушка сбежала, когда часы начали бить полночь. Но на этот раз она что-то потеряла! Пусть это будет туфля, раз уж все говорят о туфле. Наверное, у нее и в самом деле была крошечная ножка, размер тридцать четвертый, не больше. Она сбежала, принц был безутешен и приказал искать ее повсюду. Второй хрустальный башмачок остался у него, а когда Золушку наконец нашли и она предъявила второй, всеобщему ликованию не было предела. Принц обрел счастье, Золушка обрела супруга, награда нашла победителя.

– И? – спросил Сергей, подождав, не последует ли продолжение. – Что не дает тебе покоя? То, что девушку искали по башмаку?

– Ее не искали по башмаку, а отсеивали неподходящие кандидатуры, – рассеянно ответил Илюшин, думая о чем-то своем. – Принц не мог лично метаться по всему королевству в поисках приглянувшейся ему девушки с нетипично крохотной ступней, он поручил это дело подчиненным. Чтобы не терять времени зря, они сразу отбраковывали тех, кто не проходил по размеру ноги, и были правы: в итоге у них вряд ли осталось больше дюжины короткопалых девиц. Надо думать, на балу было темно, даже несмотря на свечи, а девушки были густо напудрены, так что неискушенный принц мог бы и ошибиться, разглядывая их при свете дня в истинном обличье. Но когда настоящая Золушка предъявила второй башмак, сомнениям не оставалось места.

– Так что же тебя не устраивает? – в третий раз спросил Сергей, окончательно потеряв терпение. – Вполне реальная история, все закончилось хорошо. Неважно, откуда там Золушка раздобыла платье, карету и всякие женские финтифлюшки, может, и украла у кого-нибудь, раз ты так настаиваешь, но справедливость восторжествовала. Она, наверное, в

своей жизни больше ни одной тарелки не вымыла. Какому такому факту ты не можешь найти объяснения?

Макар взглянул на Бабкина, и глаза у него блеснули. Он перегнулся через грязный стол, усыпанный крошками, и негромко спросил:

– Почему ее никто не узнал?

– В каком смысле? – растерялся Сергей. – Кто не узнал?

– Никто не узнал! Я про бал. Почему, когда она оказалась на балу, ее никто не узнал? Вспомни – она разговаривала с отцом, с сестрами и с мачехой, и даже чем-то угостила их, то ли апельсином, то ли какой другой отравой... И ни один из них не завопил на весь дворец: «Батюшки-светы, это ж наша замарашка, люди добрые, что же делается?!» Почему?

– Ну... – протянул Бабкин, в глубине души посмеиваясь над тем, с какой горячностью Илюшин относится к такой чепухе, – потому что было темно. Свечи, макияж, все дела... Ты сам сказал.

Илюшин отрицательно покачал головой:

– Э, нет. Я сказал, что принц вполне мог не узнать ее после того, как видел пару раз при свете свечей в гриме. Но то принц! Перед ним на балу проходила добрая сотня этих девушек, он никогда не встречал Золушку раньше – ему простительно. Но ее родные? Те, кто прожил с ней рядом минимум десяток лет и видел девицу каждый день – как могло случиться так, что они не узнали ее?! Она стояла рядом, она разговаривала с ними – подумай сам, разговаривала! – и они не признали в ней свою Золушку? Серега, это немыслимо. Это просто невозможно.

– Ну... э-э-э... – промычал Сергей, не зная толком, как реагировать.

– Если бы она танцевала вдалеке и не подходила к ним, я еще готов был бы поверить, что она осталась неузнанной. Хотя на фаворитку принца наверняка было направлено всеобщее внимание! Но представь свою жену, которую ты знаешь куда меньше, чем десять лет, вообрази, что вы встречаетесь с ней на званом вечере, и ответь мне: может ли случиться так, что ты не узнаешь ее? Если она заговорит с тобой и предложит этот несчастный мандарин?

– Апельсин, – машинально уточнил Бабкин. – Ну-у-у... Если ты так к этому подходишь, то ответ будет отрицательный. Узнаю, само собой. Но почему бы не предположить, что все были в масках?

– Потому что это не так, – пожал плечами Макар, – и предполагать незачем. Король устраивал не бал-маскарад, а обычный бал – это во-первых, и в сказке несколько раз упоминается о красоте девушки, приехавшей на бал в образе принцессы – это во-вторых. Ее лицо было открыто, в этом нет никаких сомнений.

– Ну хорошо, – сдался Сергей. – Тогда как ты сам объясняешь, что родственники не узнали ее?

– Если исходить из того, что факты описаны верно, без искажений, то объяснение может быть только одно, – удовлетворенно сказал Илюшин. – На балу была не Золушка.

Бабкин от изумления перестал есть:

– То есть как? Что значит – не Золушка?

– А у тебя есть другое объяснение тому обстоятельству, что человек, хорошо известный минимум четверем приглашенным, ухитряется сохранить инкогнито? На отца с мачехой напала куриная слепота? Беседуя с ними, Золушка гундосила в нос? Они узнали ее, но отчего-то промолчали?

– Почему бы и нет? – Бабкина увлекло их шутовское расследование.

– Возможно. Но зачем?

– Чтобы не устраивать скандала! Приличное семейство, что ты хочешь! Не пожелали устраивать разборки и позориться у всех на глазах.

– Это могло бы быть так, если бы не второй бал. Золушка была и на нем тоже. А если бы мачеха узнала падчерицу в первый раз, она костями бы легла, но не пустила девчонку снова на встречу с принцем.

Поразмыслив, Бабкин был вынужден признать правоту напарника.

– Допустим, – ухмыльнувшись, сказал он. – Допустим, это действительно была не Золушка. Хотя звучит странно, конечно. Но тогда кто это был? И куда делась Золушка?

– Вопрос не в том, куда она делась, а в том, откуда она взялась.

Илюшин переставил приборы на столе, словно разыгрывал шахматную партию с самим собой. Поднял стеклянную солонку, покачал ее в пальцах и поставил в стороне от того места, где она стояла.

– Ответ на любой вопрос можно изложить в виде истории, – задумчиво проговорил он. – Короткой или подлиннее, как получится. Но истории никого не интересуют, большинство людей любит получать лаконичное объяснение. В нашем же случае без истории никак не выйдет ответить на вопрос, кто была девушка, в которую влюбился принц, и при чем тут Золушка.

Бабкин слушал не перебивая, увлеченный этой игрой. Илюшин развлекался, изобретая расследование на ровном месте, и ему удалось заинтриговать Сергея своей теорией. «И потом, если вдуматься, действительно странно, что ее никто не узнал...»

– Что, если предположить, – вслух размышлял Макар, – только предположить, что девочек было двое? Почему бы и нет? Две

пятнадцатилетних девчонки, обе недовольные своей жизнью и наверняка похожие друг на друга. Белокурые, голубоглазые... И вот судьба сводит их вместе: они случайно познакомились (например, в лесу, окружавшем два поместья), подружились и стали проводить много времени вдвоем. Никто не знает об их дружбе: они встречаются в условленном месте и разбегаются, поболтав и наигравшись вдоволь.

Предположим, что одна из них богата и избалованна, а вторая – бедна и несчастна в доме у мачехи. И вот грядет королевский бал. Семья богатой девушки пренебрегает приглашением, неважно, по каким причинам, и тогда она подбивает свою новую подружку на дерзкую шалость. Они все хорошенько продумали! Сходство играет им на руку, а во всем остальном они положатся на удачу.

И вот в тот вечер, когда назначен бал, одна девушка отправляется во дворец, а вторая тем временем играет ее роль, закрывшись в комнате и подавая голос, когда из-за дверей спрашивают, как она себя чувствует. Возможно, она даже показывается издали слугам, чтобы исключить любые подозрения. Тогда ясно как божий день, почему первая должна вернуться домой к точному времени: ведь если она не успеет раньше, чем придет семья Золушки, мачеха обнаружит отсутствие падчерицы, и девочку жестоко накажут. Причем намного раньше, чтобы Золушка успела переодеться в свое платье и вернуться домой. Если балы заканчивались в три-четыре часа утра, то полночь – крайний срок, когда ее подруга должна покинуть дворец.

– Логично излагаешь.

– И не менее очевидно, почему псевдо-Золушка на балу заговаривает со своими родными, от которых настоящая Золушка, следуя здравому смыслу, должна бы держаться как можно дальше: потому что это не ееродные! Может, она идет на это шутики ради, а может, просто не знает в лицо никого из семейства своей подруги, но факт остается фактом: она подходит к ним, угощает фруктами и ведет себя приветливо и непринужденно. Когда бьют часы, она вспоминает о времени и убегает. Принц не успевает догнать ее карету.

– А откуда карета? – немедленно спросил Сергей, перед глазами которого все произошедшее разворачивалось с такой легкостью, словно Макар не рассказывал историю, а показывал фильм.

– Карета? – Илюшин задумался на несколько секунд. – Карета, конечно же, ее собственная. Это подтверждает мое предположение о том, что девочка была из весьма состоятельной семьи. Возможно, причина раннего возвращения заключалась еще и в том, что ее родители уезжали

куда-то – но не на бал! – и должны были возвратиться не позже полуночи. Ей обязательно нужно было опередить их! Вот почему она торопилась. Были ли несколько слуг с ней в сговоре, или она сообразила привлечь к своей затее кого-то со стороны – неважно, главное – у нее все получилось.

Итак, она прибегает впопыхах с бала, вся в счастливом упоении, и рассказывает, что танцевала с принцем, кажется, понравилась ему, и – самая прекрасная новость – вскоре состоится второй бал! Они снова обсуждают с подружкой, что предстоит сделать, и теперь у красавицы не остается ни капли колебаний: то, что прошло успешно один раз, должно пройти хорошо и второй!

Так и происходит. Правда, на этот раз она теряет туфельку, но это сущая ерунда по сравнению с тем, что их проделка вновь удалась. И тут мы подходим к самому интересному.

Макар крутанул солонку в пальцах так быстро, что соль не успела просыпаться.

– Само собой напрашивается предположение, – сказал он с воодушевлением, – что девочки встретились на следующий день в лесу. В условленном месте – быть может, там, где они познакомились. Накануне первая не успела толком рассказать подруге о том, что случилось на балу, зато теперь поведала во всех подробностях, сияя от счастья, что принц влюбился в нее и сделал ей предложение. Она будет принцессой! А потом и королевой! К тому же с раннего утра глашатаи уже успели разнести весть о том, что принц ее ищет! Выходит, она очень кстати потеряла туфельку, а ведь накануне убивалась по ней: туфли-то не из дешевых. А наша бедная Золушка слушает ее очень внимательно и радуется вместе с подругой. Можно догадаться, что в лесу у них был тайник. Переодеваться дома слишком рискованно, их могли заметить. В этом тайнике – платье, украшения, шпильки для волос и одна-единственная туфелька, пара к которой в руках у принца.

Макар прервался, чтобы отпить чая, и наступившая пауза помогла Бабкину осознать, что ему совершенно перестала нравиться эта игра. И история перестала нравиться. Он поймал себя на сожалении о том, что в чашке Илюшина мало чая.

Макар допил его и отставил чашку в сторону.

– Она, разумеется, ее убила, – буднично сказал он. – Задушила или ударила чем-нибудь тяжелым. Та, вторая девочка, Золушка. Это был ее единственный шанс, ты же понимаешь...

Сергей сидел молча, чувствуя себя так, будто его голову сунули в колокол и ударили снаружи.

– Дальнейшее вполне ясно. Ей не составило никакого труда выдать себя за подружку. Внешнего сходства хватило, чтобы принц не заметил подмены, а туфелька и платье с бала послужили достаточными доказательствами. К тому же Золушка была красавицей, так что принцу не на что было жаловаться. А что до исчезновения молодой мадемуазель из соседнего графства, то тело ее, объеденное дикими зверями до неузнаваемости, отыскали лишь неделей позже. Убийцу не нашли: никто не знал о том, с кем она встречается в лесу, а про Золушку в поместье погибшей и слыхом не слыхивали.

Илюшин замолчал. Официантка сунулась было к перспективным клиентам, но на полпути передумала и отошла.

– Вот что непременно следует из того факта, что отец и мачеха не узнали Золушку на празднике, – закончил Макар. – Но историю рассказывают победители, а они всегда подают ее в самом выгодном свете. Золушка не посмела исказить факты, поскольку о них знали слишком многие, и ей пришлось накладывать кружева выдумки на канву реальных событий. Фея-крестная – подходящее объяснение для людей, веривших в говорящих ослов и прочие чудеса.

– А узнали-то обо всем со слов Золушки... – пробормотал Бабкин.

– Да. Только она могла бы рассказать историю своей жизни так, чтобы получилась сказка, а не повесть о расчетливом убийстве. Ну как, убедительно я обосновал тебе неувязку с балом и неузнанной девицей?

Бабкин молчал.

– Э, Серега! Ты чего?

Сергей поднял глаза, посмотрел на друга без улыбки.

– Что? – несколько обескураженно спросил Илюшин. – Что ты как пыльным мешком стукнутый? Я поглумился над святым? Прости, мой трепетный друг... Я напишу расписку, что все это наглая ложь и клевета на героиню детских грез, и заверю ее у нотариуса. Устроит?

– Напишешь? – переспросил Сергей. Глаза его расширились. – Напишешь?!

– Может, с ошибками... – начал Илюшин, но Бабкин вскочил с места, и ему пришлось замолчать.

Сергей обхлопал себя по карманам и в джинсах нашел то, что искал. Он торопливо вытащил сложенный вчетверо листок, смятый на сгибах, развернул его, сел и пробежал глазами. А затем обхватил себя руками за голову и глухо застонал.

Макар осторожно подтянул к себе листок и прочитал вслух:

– *«Я боюсь тебе писать потому что мне страшно, будто ты*

думаешь обо мне плохо. Пожалуйста, не думай! Я знаю что не должна тебе писать такие слова потому что это неправильно, но мне все равно».

Илюшин оторвал взгляд от бумаги.

– Серега, это что? – серьезно спросил он.

Бабкин не услышал вопроса. В голове у него крутились, как заевшая пластинка, слова Ольги Романовны: «... мне он оказал большую услугу. Я – левша, и в школе меня пытались переучивать, а Валентин Петрович выступал за то, чтобы всем детям-левшам разрешали писать так, как им удобно».

– Серега, это что?! – повторил Макар, повысив голос.

Бабкин вздрогнул и пришел в себя.

– Григорьева, Ольга Григорьева! – бессвязно пробормотал он. – Это она написала. Но она не могла! Письмо не ее, а сестры!

Несмотря на запутанность объяснения, Макар быстро сообразил, о чем идет речь.

– С чего ты взял? Догадаться из текста невозможно! А подписи нет...

– Да не из текста! – Бабкин с досадой стукнул кулаком по столу, и солонки испуганно подпрыгнули. – Наклон! Понимаешь, наклон! Она левша, которую в школе не переучивали! И пишет с наклоном влево. Черт возьми, я же сам видел это, когда меня селили в пансионат! Она расписывалась левой рукой!

Он замер, осененный еще одной догадкой. То, что не давало ему покоя, вдруг оформилось так четко, словно посторонний голос в голове сказал: «Как же он мог забросить дом, если знал, что в подвале?»

– Макар, мы ошиблись! Если Олег Чайка участвовал в развлечениях учителя, то как он мог сохранить комнату в подвале в неприкосновенности?! А если бы кто-то из соседей вздумал спуститься вниз и нашел потайную дверь? Если бы мальчишки залезли туда? Олег Чайка не знал о том, чем занимается его дядя!

Макар Илюшин соображал быстро.

– Мы идиоты, – пробормотал он. – Нет, я идиот! Произошли два похищения и одно убийство, и все решили, что второе логически вытекает из первого. Убийца именно на это и рассчитывал. Вряд ли он знал...

Он поднял глаза на Бабкина и осекся. Сергей словно остолбенел, и Макар резко перегнулся через стол, схватил его за руку:

– Ты что, опять не видишь?!

Бессмысленный взгляд Бабкина поблуждал по столу и остановился на Илюшине.

– Не вижу? – прошептал Сергей, в голове которого все встало на свои

места. – Все я вижу! Будь оно все проклято, как я мог раньше этого не видеть?!

«Вы что, решили забраться в дом к учителю?»

«Я до вечера просидела в укрытии за шкафом...»

«Я его видел тогда пару раз, мог бы сам и узнать, без напоминания. Поболтали, обменялись ностальгическими впечатлениями, вспомнили молодость: как я с женой познакомился, как он из поселка старался вырваться...»

Пазлы сошлись целиком, и Сергею стало жутко от той картинки, которую он увидел.

Ольга Григорьева полезла в дом учителя за дневником своей сестры.

Она спряталась от него в укромном месте.

Сергей нашел дневник за шкафом в подвале.

Ольга Григорьева – левша.

Ее сестра была убита.

Муж Ольги знаком с Олегом Чайкой.

Он рассказывал ему про встречу с женой.

ТРИ ДЕВУШКИ УЖЕ ПРОПАДАЛИ!

– Макар, девчонки пропадали! – Бабкин лихорадочно схватил Илюшина за руку. – Ты понимаешь?! Значит, она готовит то же самое! То же самое, что и двадцать лет назад!

* * *

Лежа на грязном полу со связанными руками в окружении горящих свечей, Лиля отчетливо поняла, что очень скоро умрет. И ее охватил ужас. Чистый, беспримесный ужас, но не от близости смерти, а от мгновенного и убийственного, словно выстрел, осознания того, как бездарно она прожила свою жизнь.

Если бы Лиля могла, она бы заплакала. Господи, господи боже ты мой, что же она наделала? Жила с Олегом... прятала от него Федю, когда у Олега белели глаза... по ночам дрожала за сына, сжимая зубы от отвращения к ласкам мужа... Лиля думала, что перед глазами станет проходить вся жизнь, а вместо этого только одно воспоминание держало ее цепко, словно все это было вчера: они с Федей сидят под столом, тихо-тихо, и она рассказывает сказку, а он беззвучно хохочет, утыкаясь ей в подмышку, и там от его смеха тепло и щекотно.

Никогда больше этого не будет. Никогда. Что она натворила со своей

жизнью? Если бы год назад ей сказали, что в этот солнечный день августа она умрет, что она сделала бы сразу же? Ушла бы от Олега. Убежала, украла бы ребенка, нашла бы, где спрятаться. Так почему же она не решилась на это раньше? Чего ждала? Смерти от удара ножа, рассекающего артерию?

Последние минуты жизни Лили Чайки были мучительны и страшны, но не от физических страданий. Она по-прежнему не ощущала своего тела, но боль, которую она испытывала, была сравнима с пыткой. «Феде придется жить с бабушкой... Она будет растить его, как растила меня... Нет!»

При этой мысли тело ее выгнулось дугой, словно пытаюсь освободиться от пут. Человек, стоящий возле маленького переносного магнитофона у стены, обернулся и покачал головой:

– Тихе, тихе... Все, уже скоро.

Подземелье вдруг наполнил звук, который Лиля меньше всего ожидала услышать – веселый собачий лай. Это было тьяканье некрупной радостной дворняжки, коротконогой, с большими развевающимися ушами. Совершенно безобидной.

Прошло несколько минут. Наверху послышались шаги. Лай не прекращался. Лили видела в дрожащем свете свечей, как по лестнице спускаются ноги, как весь человек целиком спрыгивает в подвал и оглядывается, пытаюсь понять, откуда доносится гавканье.

Он сделал шаг вперед, по направлению к Лиле, и увидел ее. На лице его отразилось изумление, и в ту же секунду тень, выступившая из-за лестницы, обрушила на его затылок набитый мешок. Не издав ни звука, человек повалился наземь и застыл в нелепой позе, раскинув руки.

Лили замычала. Собака продолжала надрываться, и это было страшнее всего. От ее веселого жизнерадостного тьяканья веяло безумием в этом подвале, где один лежал ничком у лестницы, а вторая – у дальней стены, не в силах шевельнуться.

Человек, нанесший такой точный и безжалостный удар, подошел к магнитофону, и лай оборвался. С деловитостью профессионального палача взял отложенный в сторону нож и присел возле Лили. Девушка забилась, из горла ее вырвалось мычание.

– Закрой глазки, – попросил человек с ножом. – Не нужно смотреть. Закрой!

Лили слабо дергалась, не отводя глаз от блестящего лезвия.

– Ну извини. Не бойся, больно не будет.

Рука с ножом вскинулась вверх. Лили все-таки зажмурилась, и в этот

момент раздался оглушительный хлопок, как будто в подвале взорвали петарду.

– А-а-а! – закричали рядом с Лилей, и руку обожгло прикосновение лезвия.

Она открыла глаза. Возле тела Олега стоял Сергей Бабкин, целясь из пистолета в стонущую женщину, которая прижимала к себе раненую руку, а по лестнице быстро спускался кто-то еще.

Держа пистолет двумя руками, как в фильмах, Сергей подбежал ближе. Лиля смотрела на его лицо, и в какой-то миг ей показалось, что он сейчас выстрелит – когда он бросил взгляд на нее. Но вместо этого сыщик ткнул дулом в шею Ольги Романовны и скомандовал:

– В сторону. Лечь на землю. Живо!

Последнее слово он проорал так, что Лиля моргнула от страха. Ольга Романовна подчинилась, не переставая стонать, и Сергей ногой отшвырнул нож в сторону.

– Макар, Григорьевой нужен жгут, – уже спокойнее крикнул он. – Шевельнешься – прострелю башку! – пригрозил он, и Лиля поняла, что это относится к заведующей.

Осознание, что все закончилось, пришло одновременно с пониманием того, что она лежит совершенно голая на полу, со связанными руками. И вместо облегчения Лиля испытала жгучий стыд. Сергей стоял вполборота к ней, и единственное, чего хотела Лиля в эту секунду – чтобы он не оборачивался.

Сверху над ней взметнулось что-то темное, и на Лилю опустился пыльный дырявый плед. Он закрыл ее от груди до ног. Кто-то присел рядом, наклонился над ней. Молодой мужчина, светловолосый, с очень ясными серыми глазами и умным насмешливым лицом.

– Извини, – сказал он и одернул плед так, чтобы грудь была закрыта. – Лучше ничего не нашлось. Потерпи немножко, скоро все будет хорошо.

Кто-то добрый, невидимый надавил Лиле на веки, и глаза у нее закрылись сами собой. «Потерпи немножко, скоро все будет хорошо», – шепнул тихий голос, уже не разобрать чей, и она с облегченным сердцем провалилась в забытие.

Двое суток спустя

– Если бы я не видела ее с ножом своими глазами, то не поверила бы, – призналась Лиля. – Мне по-прежнему хочется списать все на бред, вызванный наркотиком.

– Кстати о наркотиках! – вспомнил Илюшин. – Вы так и не сказали,

как Григорьева уговорила вас выпить настой.

– И зачем вы вообще согласились пойти к ней в коттедж? – добавил Бабкин.

Они втроем сидели в машине возле больницы, где Олег Чайка лежал с сотрясением мозга в той же самой палате, что и Сергей несколькими днями раньше.

– Как же было не пойти? – жалобно спросила Лиля, кутаясь в огромный красно-синий платок. После покушения она пришла в себя на удивление быстро, но постоянно мерзла, и Лидия насильно всучила ей шаль чудовищной расцветки. – Ольга Романовна попросила меня помочь принести плакаты из ее домика. Сказала, они тяжелые и одной ей не справиться!

– Ну конечно, – язвительно заметил Бабкин. – И выбрала себе в помощники женщину ростом метр тридцать.

– Метр пятьдесят восемь, – поправила девушка. – Знаете, я не удивилась, потому что все вокруг были заняты. Бегали, суетились, кричали... В общем, праздник ей и в самом деле удался на славу. А когда мы зашли в коттедж, Ольга Романовна протянула мне стакан с каким-то темным соком. Это выглядело так естественно... У меня не возникло даже тени сомнения. Да и с чего? Я подозревала Олега!

– Мы тоже его подозревали, – подал голос Илюшин с заднего сиденья. – Потому что на первый взгляд все складывалось!

– На самом деле подсказки были, но я их игнорировал, – виновато сказал Сергей. – Приятель Валентина Чайки упомянул, что дядя и племянник жестоко рассорились после того, как учитель обвинил Олега в краже. Он кричал, что у него украли что-то ценное, но что ценное – не говорил. Я уверен, что это были запасы средства, которым он одурманивал девчонок. Ольга Григорьева, спрятавшись за шкафом, видела, как он дает наркотик своей жертве, и поняла его действие. Она утащила все пробирки, еще не зная, как распорядится ими, и хранила много лет, пока не поняла, что настало время снова использовать его.

– Стоп-стоп-стоп! – перебила Лиля. – Я все равно не поняла! Дядя Олега не убивал сестру Ольги Романовны?

– Нет, конечно! Валентин Чайка вообще не собирался убивать никого из похищенных девчонок. И к Олесе он не имел никакого отношения.

– Зачем же он похищал их?!

Сергей с Илюшиным переглянулись.

– Похоже на то, что учитель им поклонялся, – сказал наконец Макар. – Я в этом почти уверен. Понимаете, он действительно был психически

болен. Ему нравились девочки-подростки, он проводил в школе много времени и даже организовал для них кружок. Олег Чайка говорит, что его дядя поклонялся растениям. Он с ними разговаривал, некоторым даже молился и, кажется, стал причислять себя к друидам. Сложно сказать, в какой момент учитель свихнулся окончательно, но девчонки требовались ему не в качестве жертв, а в качестве идолов.

– Он заманивал их к себе в дом?

– Нет, – ответил Бабкин. – Встречал в лесу. Чайка колесил по лесным дорогам на старой машине и не вызывал ни у кого подозрений. Скорее всего, он давал на уроке задание: например, собрать какую-нибудь ботву в строго определенном месте.

– Сам ты ботва, – фыркнул Макар.

– А что, не так? Ладно, пусть будут фиалки. Дальше все происходило так: Валентин Петрович оказывался поблизости будто бы случайно, давал девчонке выпить свою отраву, прятал ее в машине и ехал домой. Там перетаскивал в подвал и плясал вокруг голышом в венке из роз.

– Правда? – поразилась Лиля.

– Да нет, конечно. Какие розы в Вязниках? Наверное, это были одуванчики.

– Вы надо мной смеетесь, – укоризненно сказала девушка.

– Насчет одуванчиков я не уверен, а за остальную картину могу ручаться. Что бы учитель ни делал в подвале, потом он погружал спящую девчонку в машину и увозил обратно в лес. Только этим можно объяснить, что поисковые группы никого не находили: когда они искали, в лесу никого и не было!

– А как же Олег? Он ни о чем не догадывался?

– Он, несомненно, догадался бы, – сказал Илюшин, – если бы его дядя продолжал свои шалости. Рано или поздно, но Олег стал бы свидетелем ритуала или увидел, как дядя переносит тело. Сложно таиться от человека, с которым живешь в одном доме. Но Валентин Чайка похитил только двух девчонок. Ему везло, потому что никто ни о чем не догадывался: ни Олег, ни остальные жители.

– Кроме Ольги Курехиной, – мрачно поправил Бабкин. – Но она не догадывалась. Она знала. В тот день, когда похитили одну из девочек, Светлану, она забралась в дом, чтобы выкрасть дневник сестры. Ольга Романовна сама рассказала мне об этом. Ей нужно было навести меня на мысль об учителе, потому что это было частью ее плана, а громоздить лишнюю ложь было опасно. Прочитав дневник, она хотела убежать, но тут вернулся учитель со своей жертвой, и Ольга спряталась в подвале. Может

быть, он по неосторожности оставил открытой тайную дверь или специально подготовил все к своему возвращению... Наверняка сказать нельзя. Зато можно сказать точно, что Оля Курехина спряталась за шкафом в потайной комнате и наблюдала весь ритуал от начала до конца. Потом она убежала, прихватив с собой пузырьки, но о своем открытии никому ничего не сказала.

– Но почему?

– Я думаю, что она собиралась извлечь из этого пользу, – сказал Илюшин. – При ее уме и сообразительности она бы, безусловно, так и сделала. Но случай подвернулся раньше, когда она встретила со своей двоюродной сестрой, Олесей, и узнала, что та переспала с парнем, в которого обе девчонки были влюблены. Олеся рассказала ей все, у них не было секретов. И пока она рассказывала, в голове у Ольги сложился дьявольский план. Я бы назвал его просто зверским, если бы она не просчитала все с точностью, поразительной для семнадцатилетней девчонки. Говорю вам, она чертовски умна и настолько же амбициозна. Серега, ты можешь усмехаться сколько влезет, но в другое время из скромной поселковой девчонки Оли Курехиной получилась бы вторая леди Винтер.

– Какие усмешки?! – поежился Бабкин. – Стыдно, конечно, признаваться, но эта женщина наводит на меня ужас. Гремучий коктейль из честолюбия, влюбленности, ненависти к своей среде обитания и готовности идти на все. Собственную сестру убить, да еще и сымитировать изнасилование – это ж какую душу нужно иметь!

– Ты недооцениваешь, насколько она была влюблена в Илью Григорьева. Людьями такого рода управляют страсть и расчет. Жуткое сочетание, надо сказать, особенно в женском обличье.

– Так Ольга Романовна убила сестру и выдала себя за нее? – вмешалась Лиля, переводя недоверчивый взгляд с Макара на Сергея. – Но как она смогла обмануть будущего мужа?! Такого не может быть!

– Может, – ответил Илюшин. – Илья Григорьев был очень порядочным и неиспорченным мальчиком. Он впервые в жизни напился, ушел с понравившейся девочкой и переспал с ней в чужом сарае. Когда проснулся, девочки уже не было. А потом она пришла к нему и сказала, что беременна. Я вас уверяю, Лиля, что девять мужчин из десяти легко попались бы на эту удочку и спутали сестер.

– Но Олеся должна была назвать свое имя! – возмутилась Лиля.

– А он мог его забыть. Мог решить, что перепутал. Нет-нет, в его ошибке нет ничего удивительного. Поразительно другое: то, что этот

мальчик в свои восемнадцать лет решил, будто должен нести ответственность за содеянное, и настоял на том, что женится на случайной, в общем-то, девице.

– Во-первых, это она настояла, а не он, – поправил Бабкин, вспомнив рассказ Ольги Романовны. – Во-вторых, Илья сам в нее влюбился. Обе сестры были красавицами. А если бы к нему вместо темноволосой красотки явилась бесцветная моль, еще неизвестно, как бы он поступил.

– Но как Ольга могла быть беременна? – недоумевала Лиля.

– А она и не была, – пожал плечами Макар. – Судя по дате рождения ее сына – двадцать седьмое февраля – Ольга зачала ребенка после разговора с матерью Ильи.

– А если бы у нее не получилось так быстро забеременеть?

– Имитировала бы выкидыш. Поймите, Курехина шла ва-банк, в ее игре хорош был любой блеф! Она уже убила сестру, догадавшись обставить все дело так, как будто это убийство на сексуальной почве. Если бы не было двух исчезновений, Ольга Курехина оказалась бы одной из подозреваемых, а так все решили, что сексуальный маньяк на третий раз довел дело до конца.

– Да, все искали извращенца-педофила, – подтвердил Сергей. – Учитель, конечно, запаниковал. Именно этим объясняется, что больше не было исчезновений: он слишком перепугался.

– Так что Ольге все удалось. Она обманула всех. В ее абсолютно выверенную, безупречную схему не уложились только два фактора. Первый – это письмо, которое вы нашли в шалаше. Олеся Курехина написала его до встречи с сестрой и ничего не сказала о нем, просто спрятала в шкатулку и закопала. А второй...

– Я знаю, – кивнула Лиля. – Олег.

– Да. С Олегом получилось крайне неудачное совпадение. Ольга не могла знать, что он наблюдал за Ильей и Олесей в тот вечер, когда они познакомились. В отличие от пьяного Григорьева, Олег никогда не спутал бы сестер. Он точно помнил, что с красивым приезжим парнем была Олеся, а не Ольга. И вот, двадцать лет спустя, он встречает здесь мужа и жену, счастливую пару, и узнает их. Точнее, встречал-то он их и раньше, когда приезжал в «Рассвет», но только в этом году Илья Григорьев ударяется в откровенность и вспоминает, как он познакомился с женой. И Олег вдруг понимает, что Григорьева обманули. Он ничего не знает! Надо отдать вашему мужу должное – других подсказок ему не понадобилось. Он сопоставил обман со смертью Олеси и догадался, что произошло тогда в Вязниках.

– И решил ее шантажировать, – грустно вздохнула Лиля. – Знаете, мне было легко поверить, что он способен на шантаж. Но я никогда бы не подумала, что Олег такой... такой... – она проглотила слово «дурак» и закончила: – ...неосторожный.

– Не такой уж неосторожный, – усмехнулся Бабкин, прекрасно понявший, что хотела сказать Лиля. – Во-первых, он подстраховался письмом у нотариуса и предупредил об этом Григорьеву. Во-вторых, почти не выходил из дома, опасаясь, что она все равно решит убить его. Когда я пришел в ваш дом, ваш супруг решил, что меня подслала Ольга Романовна. Олег даже следил за мной, а я ошибся и стал считать виноватым Григория Гейдмана, а все потому, что Чайка по ошибке схватил чужую обувь.

– А еще он встречался с ней, – невесело сказала Лиля. – Я подслушала отрывок их разговора, но меня тоже сбила с толку обувь: я подумала, что Олег шантажирует Клару Ивановну. У нее тоже была грязь на ботинках. Если бы я сообразила, что в ту ночь шел дождь, то поняла бы, что грязь ни о чем не говорит. Она всего лишь ходила по огороду, вот и все.

– Ну, положим, с Klarой Ивановной тоже не все так просто. Но об этом потом.

– А с ней-то что? – поразились Лиля.

– В вашей истории у каждого участника из шкафа вываливаются скелеты, но сиделка в этом смысле отличилась, – иронически заметил Макар. – У нее вывалился практически полуживой труп. Серега, бывают полуживые трупы, как ты считаешь?

– Бывают. Я сам им был три дня назад. Да расскажем мы вам о вашей Klаре, расскажем, – успокоил Бабкин взволнованную Лилю. – Вы бы и без нас все узнали. И, раз уж речь зашла о скелетах: признайтесь, вы сами нашли подземный ход? Или вам доктор подсказал?

Лиля покраснела.

– Сама нашла, – прошептала она. – Доктор ни при чем. Простите, что не сказала вам.

– Извиняться не за что, но вы сэкономили бы кучу нервов себе и другим, если бы объявили о своем открытии. Это был тот кусок, которого не хватало для полной картины. Когда доктор говорил, что старая крепость исчезла, он был не совсем прав: она никуда не исчезала. Надземные укрепления и в самом деле разрушились, но подземные-то остались!

– Я была уверена, что мой подземный ход – единственный!

– Уже нашли три, хотя они и завалены, – сказал сзади Илюшин. – И это всего за два дня. Надо отдать должное доктору, он поднял на уши всех,

стоило ему сообразить, что земля под «Рассветом» изрыта норами. Вы бы хоть ему сообщили, порадовали бы старика.

– Я побоялась! – оправдывалась Лиля. – Леонид Сергеевич вел себя как-то странно!

– Не странно, а ревниво. Он книгу пишет о местных тайнах, вот и боится, что у него похитят его сенсации.

– Его сенсации? – возмутился Бабкин. – Да кому как не ему следовало сообразить, где собака зарыта! Эта история про горничную графини и влюбленного графа, которой он потчевал всех отдыхающих, должна была раскрыть ему глаза. Граф Вязников знал о подземном ходе и пользовался им! Очевидно, ход находился прямо под его кабинетом.

Лиля замахала руками:

– Подождите про графа! Вы меня запутали. Как его нашла Ольга Романовна?!

– Понятия не имеем, как она его нашла, – невозмутимо сказал Макар. – Наверное, случайно, как и вы. Ее коттедж стоит на том самом месте, где когда-то находилась усадьба, хотя Григорьева всячески пыталась скрыть этот факт. Когда ваш муж стал шантажировать ее тем, что расскажет Илье Григорьеву правду, она послушно выплачивала ему деньги, обдумывая, как избавиться от такой страшной угрозы. Не забывайте, Ольга Романовна очень любит мужа, искренне любит. Из-за этой любви она дважды пошла на преступление. У Олега не было никаких доказательств ее виновности, но она не могла позволить, чтобы у мужа зародилось даже подозрение! Илья Григорьев – принципиальный человек, который сам поступает правильно и требует того же от других. Он развелся бы с ней, расскажи ему Олег о том нагромождении вранья, которое построила Ольга, чтобы выйти замуж.

Илюшин приоткрыл окно, и в машину забрался сквозняк.

– Невероятная женщина, – почти с восхищением проговорил он. – Вы только представьте: она попала в тупиковую ситуацию. Платить ей не позволяло самолюбие и осознание, что она сидит на пороховой бочке. Убить Олега (самый простой и напрашивающийся вариант) заведующая не могла, потому что тогда ее муж узнал бы обо всем из письма. Наверняка Чайка заверил ее, что этих писем не одно и не два, чтобы исключить возможность перехвата. Ей нужно было избавиться от него, но так, чтобы самой остаться в неприкосновенности. Как, спрашивается? Как сделать так, чтобы муж не поверил ни одному его слову? И Григорьева придумала такой способ.

Учитель был болен, и в его племяннике она замечала отголоски той же

болезни. Ей пришла в голову простая и гениальная мысль: повторить преступление двадцатилетней давности, представив все таким образом, чтобы обвинили Олега. Он идеальный преступник: во-первых, его дядя участвовал в похищениях и убийствах, а во-вторых, он психически нездоров. Последнее должно было выясниться на экспертизе. Шизофренику, да еще и убийце никто бы не поверил, о чем бы он ни вздумал рассказывать. Курехина создавала свой спектакль, в котором все играли отведенные им роли, и даже тебе, Серега, нашлось подходящее место. Думаю, Григорьева сначала обеспокоилась, узнав, что Черникова наняла сыщика, а потом обрадовалась: ты отлично вписывался в ее план.

Бабкин нахмурился, но промолчал, признавая правоту Илюшина.

– Она наметила три жертвы. Рисунок преступления полностью совпадал с тем, которое случилось в Вязниках: сперва – два исчезновения, затем – смерть. Подземный ход, который выходил в подвале вашего, Лиля, дома, делал всю ее затею не просто возможной, а довольно легко осуществимой. Ольга Романовна позаботилась о том, чтобы никто из вас не спускался в подвал: подпилила лестницу и в нужный момент выпустила крысу, укрывшись в тени. Обезопасив себя, она одурманила по очереди обеих девчонок и перенесла их по подземному ходу. Он просторный, в отличие от вашего.

– Зачем было переносить? – нахмурилась Лиля. – Разве не достаточно было разбросать по подвалу улики?

– Вы по-прежнему недооцениваете Ольгу Романовну. Она ко всему подходит очень ответственно: и к системе питания, и к развлечению гостей пансионата, и к убийству. Простите за натурализм, но обе девчонки ходили под себя, пока лежали без сознания, и следы их жизнедеятельности с точки зрения любого следователя привязывали их к подвалу куда лучше, чем корзина с яблоками или украшение. Григорьева позаботилась обо всем.

– Подождите, Макар... Вы сказали, что рисунок преступления повторяется. Но это значит, что Ольга Романовна должна была убить третью девочку, Матильду!

– Совершенно верно, – подтвердил Илюшин. – Именно так она и собиралась сделать. А знаете, кто ей помешал?

– Н-нет...

– Вы. Вы заставили Олега пойти на поиски пропавшей Матильды в тот день, когда она исчезла. Помните? Вы переживали за нее и обошли весь пансионат и лес вокруг. Вас видела целая куча свидетелей. Глупо было бы обвинять в убийстве человека, у которого железное алиби, а у Олега оно появилось благодаря вам.

– Евгения Черникова должна сказать вам спасибо, – буркнул Бабкин. – Если бы вы не отправились на поиски и не потащили с собой супруга, Матильда была бы мертва.

Девушка побледнела и сильнее закуталась в шаль.

– Но, поскольку вы смешали ей карты, – легкомысленно сказал Макар, – Григорьевой пришлось подбирать четвертую жертву, и она ее подобрала. На этот раз все должно было пройти без осечек. Она запланировала праздник и уговорила всех, включая Клару Ивановну, участвовать в нем. Только Олег должен был остаться в доме. Перед ней стояла непростая задача: заставить его спуститься в подвал в нужный момент, но и с этим она справилась блестяще. Собачий лай – это превосходно! Что делает нормальный человек, услышав, как в подвале лает небольшая собачка? Задаётся вопросом, откуда она тут взялась. Олег заметил свет от свечей, но не сообразил, что это такое, и безбоязненно полез вниз. Его должны были найти рядом с вашим трупом вернувшиеся Гейдманы. Картина ясна: невменяемый художник зарезал жену и потерял сознание. Серега, что было в мешке, которым заведующая ударила его?

– Песок. Она перестаралась, потому что Олег все-таки заработал сотрясение. Но в свете приготовленных ею улик это списали бы на последствия удара об пол: потерял сознание в экстазе, приложился лбом – вот тебе и сотрясение. А подземный ход она предусмотрительно заложила кирпичами, оставив небольшую дырку только для того, чтобы пролезть самой и протащить ваше тело, а потом задвинула шкафом.

– А если бы шкаф во время осмотра отодвинули?

– Увидели бы каменную кладку. Вернувшись в коттедж, она закончила бы работу со своей стороны, вот и все. Риск был, но Ольга Романовна не оставила себе выбора. И оказалась права, потому что у нее почти получилось!

– Очень предусмотрительная женщина, – согласился Илюшин. – Она боялась, что кто-то сможет догадаться о подземном ходе между ее домом и избой Гейдманов, и, чтобы избежать этого, пошла на меры, кажущиеся детскими: нарисовала план пансионата неправильно, чтобы у смотрящего не возникла даже мысль о том, что эти два дома находятся неподалеку друг от друга. Ольга Романовна утверждала, что легенды о любвеобильном графе Вязникове – полная чушь, что он был предан жене. Но сохранились свидетельства, доказывающие, что это не так.

– Плела неправду о том, где находилась усадьба, – дополнил Бабкин. – Все пыталась убедить меня в том, что доктор – выдумщик и мелкий врун. Актриса она превосходная, конечно. Вы бы видели ее лицо, когда она

рассказывала о том, как горюет о сестре и переживает, что у нее не осталось фотографий! Конечно, не осталось: Ольга уничтожила их, боясь, что какая-нибудь может попасться на глаза ее мужу. И неудивительно, что она никогда не возвращалась в Вязники. Это правда, что она ненавидела поселок. Но помимо этого была и другая причина: могли найтись люди, которые вспомнили бы, что на той дискотеке Илья Григорьев танцевал вовсе не с ней, а с ее сестрой. Так ведь в конце концов и случилось.

В машине повисло молчание. Лиля первая вышла из задумчивости и встрепенулась:

– Послушайте, так что с Кларой Ивановной? О каком скелете шла речь?!

Бабкин и Макар рассмеялись.

– О довольно неожиданном, – сказал Илюшин. – Пускай Серега рассказывает, я обо всем знаю только с его слов.

– Ваша Клара подделала завещание, – без предисловий сообщил Бабкин, с удовольствием наблюдая, как вытягивается лицо Лили. – Карл Гейдман вовсе не оставлял ей все свое имущество.

Девушке потребовалась минута, чтобы осмыслить эту новость.

– Подождите... То есть как?! Клара – не наследница?!

– Почему же, наследница! Но только одна из нескольких, наряду с Гейдманами и Олегом. Старый Карл оказался лучше, чем все о нем думали.

Лиля открыла рот и снова закрыла. Известие о Кларе ошеломило ее даже больше, чем рассказ о преступлении Ольги Григорьевой.

– Нет, постойте... – растерянно сказала она. – Но это же невозможно! А как же тот экземпляр, который хранится у нотариуса? Не могла же она и его подменить!

– Сама Клара, безусловно, не могла, – согласился Бабкин. – Вы знаете, что у нее есть троюродная сестра? Александра?

– Нет. При мне она никогда...

Лиля остановилась на полуслове, вспомнив телефонный разговор, который она подслушала, лежа под кроватью в комнате сиделки. «Саша... Так вот кого она убеждала! Сестру, а вовсе не мужчину!»

– И эта самая Александра, – закончил Сергей, – трудится в нотариальной конторе. Клара Ивановна, работая у старого Гейдмана, регулярно жаловалась ей на свою тяжелую жизнь. И когда старик скончался, обеим пришла в голову хорошая мысль, способствующая восстановлению справедливости. А что, если всех вознаградить по заслугам? Одинокая Александра жалела одинокую Клару, к тому же сиделка пообещала ей вознаграждение за помощь. Так что Клара

подменила завещание дома, а Александра – в нотариальной конторе, где Карл оставил его. И все бы ничего, но со временем сестра пожалела о своем поступке, потому что опасалась, что их выведут на чистую воду. Клара, наверное, пристукнула бы ее, если бы обладала таким же характером, что и Ольга Григорьева. Но она решила поступить иначе.

– И как же? – осторожно спросила Лиля.

– Имитировать убийство, – весело ответил за Бабкина Илюшин, не выдержав молчания. – Свое, разумеется.

Лиля ахнула.

– А вы никогда не задумывались, почему Клара так много говорит о том, что ее хотят убить?

– Я думала, она нас таким образом изводит! Но зачем ей убивать себя?

– Чтобы Клары Ивановны, наследницы Карла Гейдмана, больше не было, – сказал Сергей, – и никто не полез бы в дело о наследстве. Между прочим, она тоже предусмотрительная женщина, хоть ей и далеко до Ольги Романовны: деньги сняла со счетов заранее, переоформила все, что только успела... И взялась за роль «жертва обделенных родственников». По ее замыслу, кто-то из вас должен был утопить несчастную Клару Ивановну в Ворше, чтобы шарфик и пара носков всплыли потом ниже по течению. Нет человека – нет наследства, а вам, пытающимся разобраться, кто же на самом деле ее прикончил, было бы уже не до денег Гейдмана.

– Так она собиралась убедить всех, что кто-то из нас убил ее?!

– Конечно. Тем, кто знал о непростых отношениях в вашей семье, в это было бы нетрудно поверить, и свидетелей, готовых рассказать следствию об угрозах в ее адрес, нашлось бы достаточно. Клара всем подряд рассказывала, что вы жаждете ее крови. Она и меня пыталась использовать в своих целях. Правда, в отличие от Григорьевой, безуспешно. Когда я пришел к вам, чтобы познакомиться с Олегом, у меня осталось ощущение, будто из дома за мной наблюдают. Наверняка Клара Ивановна ждала подходящего момента, чтобы устроить сцену «Чудом избежавшая гибели». Правда, ждала-то она не меня, а доктора, но доктор задерживался, а медлить ей больше было нельзя – того гляди, обтесывание двери закончилось бы, и от кого тогда, спрашивается, ей пришлось бы удирать с воплями? Не от родственников же с пустыми руками – так и самой недолго прослыть сумасшедшей! Потом, когда она уговаривала меня взяться за дело, я видел в комнатке инструменты, валявшиеся на столе. Сиделка не сообразила убрать их. Но мне тогда и в голову не пришло связать их с ее рассказом: перепиленной балкой, обрушившейся гардиной... Я думал совсем о другом.

Клара Ивановна, как выяснилось, оказалась неплохим психологом. Она убедила меня в том, что рассказанная ею история о покушениях правдива, а затем сама сделала все возможное, чтобы я отказался от расследования. Ее предложение было оскорбительным по форме, и, конечно, я не принял его. Но именно этого она и добивалась. Интересно, что бы она стала делать, если бы я все же согласился? Макара, как полагаешь?

– Если, как пишут в старинных романах, жадность затмила бы твой разум, Клара Ивановна живо избавилась бы от тебя.

– В каком смысле?

– Придралась бы к какой-нибудь ерунде и уволила. Теперь, Лиля, вы понимаете, почему она с такой дотошностью выводила вас всех из себя? Исчезни Клара, и вы первые обвинили бы сами себя в ее смерти, потому что каждый из вас мысленно хоть раз раскроил ей голову топором.

– Вообще-то перерезал горло, – стесняясь, уточнила Лиля. – Но как вы узнали обо всем? Неужели Клара Ивановна призналась?!

– Щас! – расхохотался Бабкин. – Вот уж кто стоял бы до последнего, так это она! Нет, ее жалостливая сестра раскололась. Не вынесла психологического напряжения и сдалась правоохранительным органам. Ваши Лидия и Гриша уже обо всем знают, только вам не успели сказать.

– Откуда вы знаете? – повторила девушка.

– А у нас с ними недавно состоялась содержательная беседа...

При последних словах Бабкин сцепил пальцы с самым недобрым видом и потянул до хруста в костяшках. Лиля встревоженно уставилась на него:

– Вы что, побили их?

– Нет. Хотя хотелось, – признался Сергей.

– Господи, за что?

– Ну, с Лидии же случилось огреть меня поленом по голове... Так что почему бы и нет?

Лиля умоляюще посмотрела на Макара. Тот ухмылялся.

– Скажите, что Сергей шутит, – попросила она.

– Сергей шутит. Он не стал бы бить женщину. Вот Гришу вашего – да, пожалуй, мог бы...

– Да ладно, не пугайтесь так, – сжалился Бабкин. – Вы знали, что Лидия потихоньку выносит из дома вещи? По лицу вижу, что не знали. Видимо, она догадывалась, что на серебряном подсвечнике можно заработать чуть больше, чем на стихах. В сарае ваша поэтесса устроила хранилище.

– Гнездо сороки, – встрял Макар.

– Что-то типа того. И когда я полез туда ночью в поисках улики, она не придумала ничего лучше, чем двинуть меня поленом. Потом, конечно, перепугалась до смерти, побежала за братом, и вдвоем они перетащили меня подальше от дома, а потом притворились, что тут и нашли.

– Положим, не перетащили, – в голосе Илюшина звучало ехидство. – Это называется по-другому.

– Ну, перевезли, – помрачнел Бабкин.

– Пра-а-авильно. В навозной тележке.

Лиля хрюкнула, сдерживая смех. После всего, что ей рассказали, смеяться было как-то... неприлично. Но смех все равно распирал ее изнутри, стоило Лиле представить Сергея, которого Гриша с Лидией грузят в тачку. С Лидии случилось бы в процессе родить четверостишие от избытка чувств.

Лиля не выдержала и рассмеялась. Вытерла выступившие слезы и сказала «извините».

– Да ладно, – махнул рукой Бабкин. – После того как этот тип, – он кивнул на Илюшина, – повеселился за мой счет, мне уже ничего не страшно.

Окно больницы на втором этаже раскрылось. Лиля подняла глаза, и улыбка исчезла с ее лица.

– Знаете, – озабоченно сказала она, – я, наверное, пойду. Сергей, вы не ждите меня, езжайте. Я не знаю, насколько затянется разговор...

– А вы его не затягивайте, – посоветовал Бабкин. – Про развод, как я понимаю, вы Олегу вчера уже сообщили?

Лиля молча кивнула.

– В том, что вы, тварь бессовестная, бросаете больного мужа, вас обвинили?

Лиля кивнула снова.

– Без денег и сына вас оставить обещали?

Еще один кивок.

– Ну и нечего переливать из пустого в порожнее. Можете считать, что по основным пунктам вы уже договорились.

– Я боюсь судебного спора из-за Феди, – неохотно призналась она. – Боюсь, что все это затянется на долгий срок. А вдруг суд решит...

Она замолчала.

– Никакой суд не отдаст ребенка шизофренику, – отчеканил Бабкин. – Выкиньте это из головы.

– Да и не будет у вас спора из-за ребенка, – лениво сказал Илюшин.

– Будет. Макар, вы просто не знаете Олега. Он из принципа не отдаст мне Федю! Он вчера так и сказал! Его ни в чем нельзя убедить...

– Отдаст-отдаст, – хладнокровно заверил Илюшин. – Если правильно построить переговоры. Главное – перестаньте трястись как банный лист.

Лиля повернулась к нему, и, взглянув на ее несчастное испуганное личико, Макар вдруг утратил обычную насмешливость и снисходительность. Она держалась, но это давалось ей с трудом.

– Знаете, – мягко сказал он, – один хороший писатель написал когда-то: «истина не в том, что драконы есть на свете, но в том, что их можно победить». Если вы сделаете так, как я скажу, то у вас все получится. Слушайте внимательно и запоминайте...

Когда жена влетела в палату – радостная, легкая, с небольшим опозданием напустившая на лицо маску сочувствия, – Олег скрипнул зубами от злости. Он проучит ее. Сучка, сорвавшаяся с поводка, стоило ему попасть в больницу – вот кто она такая! Ничего, ей еще придется поползть у него в ногах, как только она поймет, что он не пойдет на попятную.

– Веселимся, – утвердительно сказал он, скривив рот в усмешке. – Радуемся.

– Олежек, прости! – Лиля присела на край кровати. – Мне правда очень-очень жаль. Как ты себя чувствуешь?

Он неприятно поразился тому, как изменилась жена со вчерашнего дня. Накануне она сидела на том же самом месте, сцепив пальцы, и под глазом у нее билась синяя жилка, а лицо было желтым от страха. Казалось, ее саму ужасало то, что она говорит, но тон ее был твердым. Она хочет развода. Ей очень жаль. Она хочет развода. Ей очень жаль. Что бы он ни кричал ей в лицо, она, сжавшись, повторяла только, что ей жаль, но она хочет развода.

Сейчас Лиля выглядела так, словно у нее появился любовник. Черт ее знает... Олег никогда не подпускал близко к ней мужчин, сделал все, чтобы она не вышла на работу, потому что опасался... опасался за ее нравственность, да-да. Его жена, дурочка, могла бы и не заметить, что ее соблазняют, так что лучше держать ее дома от греха подальше. Так и самому Олегу было удобнее.

И вот – пожалуйста! Легкомысленная, цветущая, сидит здесь и смотрит на него сочувственно своими голубыми глазами... Олег ненавидел ее в эту минуту.

– Меня чуть не убили, – бросил он ей. – А ты лыбишься, как слабоумная.

Улыбка ее чуть померкла, но не исчезла совсем.

– Не хочу тебя расстраивать, – сказала в ответ Лиля, – но ты, наверное, забыл, что меня тоже чуть-чуть не убили. Совсем немножко. Ты-то остался бы в живых, а вот я бы стала совсем мертвая. И, кстати, благодаря тебе.

– Что?!

– Разве нет? Кто придумал шантажировать заведующую? Не я же.

Олег в ярости откинулся на подушки. Может, он простил бы ее, если бы она стала просить прощения как *хорошая девочка*, но теперь – нет.

– Так что ты хотел обсудить со мной? – спросила Лиля, пересаживаясь на стул возле окна и напуская на себя деловой вид.

– Уже ничего, – злорадно усмехнулся Олег. – Я подумывал о том, чтобы разрешить тебе забирать Федю на три дня в неделю, но теперь передумал. Он останется со мной. Мы с тобой разведемся, как только я выйду из больницы, и будешь навещать его по выходным.

Он выжидательно уставился на ее лицо, внутренне наслаждаясь моментом. Как он ее, а! Не ожидала, дорогая Лиля? Думала, что-то изменится, раз муж слабый и больной лежит в палате? Хотела воспользоваться моментом и удрать? Никуда ты от меня не удерешь, ни-ку-да!

– Хорошо, – легко согласилась Лиля. – Буду навещать Федю по выходным. Это все, о чем ты хотел поговорить?

Олег застыл с открытым ртом.

– Ты что, согласна отдать Федьку мне? – недоверчиво спросил он, придя в себя.

– Согласна, – подтвердила Лиля. – Знаешь, я после вчерашнего разговора подумала, посоветовалась... Ты – отличный отец, и Федьке с тобой будет хорошо. Работает ты дома, так что он будет под присмотром. В школу отвести, в поликлинику, уроки сделать – во всем этом на тебя можно положиться. Обеды... Ну, обеды научишься готовить, в этом нет ничего сложного.

– А ты?! – воскликнул Олег.

– А я буду воскресной мамой. Мама-праздник, мама-фейерверк! – Лиля изобразила руками в воздухе, как взрывается фейерверк. – Мама, с которой можно все! Кино, «Макдоналдс», американские горки и эти, как их... машинки, которые сталкиваются!

– Какое кино?! – не сдержался он. – Какой «Макдоналдс»? Ты же безработная, дура! Забыла?

Лиля улыбнулась.

– Вообще-то нет, – скромно сказала она. – С понедельника я выхожу на

работу. Честно говоря, это еще одна причина, почему мне хочется оставить Федю с тобой. Я буду работающая женщина, с десяти до шести с часовым перерывом... А ему нужно много внимания, с ним уроки надо делать.

– Да кем ты можешь работать?! – заорал Олег.

В дверь заглянула медсестра, укоризненно посмотрела отчего-то на Лилю, а не на него.

– Как выяснилось, могу работать офис-менеджером, – сказала Лиля, когда дверь за ней закрылась. – Оклад пока не очень большой, но есть перспектива карьерного роста и обещают бонусы. Фирма занимается канцтоварами.

Олег скомкал угол подушки. Жена не врала, он ясно видел это. Но когда она успела?! У нее были всего сутки! Когда?

– Это твой любовник тебя на работу устроил? – поинтересовался он, привстав с подушки. – Да? И он же посоветовал тебе от Федьки отказаться?

Лиля встала, одернула юбку.

– Олег, я тебе полностью доверяю, – торжественно сказала она. – Пусть наши пути и разошлись, но ты готов принять ответственность за нашего сына.

– Да что ж ты за мать такая, если готова сбавить ребенка?! – завопил Олег.

– Плохая мать, – согласилась Лиля. – Но уж какая есть. Бывают и хуже. Все, выздоравливай! Я побегу, мне нужно к работе готовиться.

И, не дождавшись ответа, пошла к выходу.

Олег очумело следил за тем, как завивается синяя юбка-колокольчик вокруг ее ног, и спохватился лишь тогда, когда жена остановилась у двери.

– Э-э-э! Стой! – крикнул он.

Лиля замерла на мгновение, и Олег испугался, что жена вот-вот уйдет. Но она обернулась.

– Что?

– Слушай, – заискивающе начал он. – Как-то ты все так решила с налету... Может, спросим самого Федю?..

Когда дверца машины распахнулась и сияющая, счастливая Лиля впорхнула внутрь, ей не потребовалось ничего объяснять.

– Я же говорил, – снисходительно заметил Макар.

– Отдал, отдал! – Лиля схватила Сергея за руку и крепко сжала. – Он отдал мне Федю! У меня получилось!

– Еще бы не получилось, под нашим-то чутким руководством.

– Господи, видели бы вы его лицо! – Она рассмеялась. – Поверить не

могу. Правда, не могу поверить! И ведь столько лет... Если бы не вы... Спасибо, спасибо большое!

Она неловко перегнулась с переднего сиденья назад и обняла Илюшина.

– Вы, главное, не забудьте позвонить по тому телефону, который я оставил, – предупредил Макар. – Вакансия ждет вас, но если...

– Что вы, какое «если»! Вы даже не представляете, как я вам благодарна!

Она выдохнула, прижала ладони к горящим щекам и снова рассмеялась.

– Мне нужно пройтись. Пешком. Или даже пробежаться. Я не думала, что все окажется так просто.

– А это вовсе и не просто, – сказал Сергей. – Но вы молодец, справились. Помните, что я вам говорил про банку шпрот? Это везде работает. Вы отсюда пойдете или вас высадут где-нибудь поближе к пансионату?

– Нет, что вы, конечно, отсюда!

– Ну, тогда до встречи. Удачи.

Лиля подалась к нему, и теплые губы прижались к его губам. Мгновение оторопевший Сергей видел перед собой только глубокую безоблачную синеву раскрытых глаз, а несколько секунд спустя Лиля уже стояла на асфальте и махала рукой, светясь от счастья.

Перестук ее босоножек затих в переулке, а Бабкин все еще слышал это звонкого, как колокольчик, смеха. Он боялся, что Макар, по своему обыкновению, съязвит, но Илюшин сказал совсем не то, что он ожидал.

– Поразительно, – сказал Илюшин. – Вот человек, который благодарен нам, потому что ему дали хороший совет. Но который не сказал «спасибо» за то, что мы спасли ему жизнь.

Бабкин покосился на него.

– Хорошо, ты. Ты спас, – исправился Макар.

– Это говорит лишь о том, что совет он ценит больше, чем жизнь, – проворчал Сергей. – Слушай, поехали домой, я проголодался.

Эпилог

Лиля вошла в квартиру и поставила возле зеркала небольшой пакет.

– Привет, мам! – крикнула она.

Из комнаты выглянуло хмурое лицо.

– Ты? – недовольно спросила мать, хотя было очевидно, что перед ней стоит именно ее дочь и никто другой. – Почему так рано? Федор еще на продленке.

– Я сама заберу его сегодня, – миролюбиво сказала Лиля. – У нас сокращенный день, все разошлись в четыре.

Вешая пальто, она чуть не задела локтем зеркало.

– Давай-давай, – удовлетворенно предложила мать, – так его, разбей к черту! Ему же каких-то пятьдесят лет. Удивительно, что оно до сих пор цело. С твоими-то способностями и способностями твоего сына...

Лиля остановилась и пристально посмотрела на нее.

– Не понимаю, обязательно нужно одеваться так, как будто тебе семнадцать лет? – продолжала та. – Ты разведенная женщина, не забывай об этом! Как сейчас выражаются, разведенка. Тебе чудом помогли найти работу, никто не знает, за какие заслуги...

Лиля прошла мимо матери, аккуратно обогнула ее и открыла дверь своей комнаты.

– Между прочим, сегодня звонил твой муж. Интересовался тобой и сыном. Ты понимаешь, что ломаешь Федору жизнь? Что без отца он вырастет никчемным, неудачливым? Таким же безруким, как и ты, в конце концов!

Лиля, снимавшая пиджак, замерла на несколько секунд. Но затем заставила себя успокоиться. Через полчаса ей идти за Федей, не стоит портить себе настроение...

– Ты сама сказала, что я разведенка, – напомнила она, улыбнувшись через силу. – Олег больше не мой муж, не надо называть его так.

– Как развелась, так и сойдешься, – пробурчала мать.

– Что?

– То! Ты сделала глупость, теперь расплачиваешься за нее. Думаешь, ты с ребенком теперь кому-нибудь нужна? Кто-нибудь на тебя польстится? Да никто! У Олега, конечно, есть недостатки, а кто без них? Может, ты?

– Мама, перестань, пожалуйста!

– Он каждый день звонит, спрашивает о тебе. Говорит, что готов

принять вас обратно, что все тебе простил...

– Простил?!

Сочувственное бормотание матери оборвалось. Она с вызовом взглянула на покрасневшую Лилию:

– А что ты сразу кипятишься? Да, ему есть что прощать тебе! Ты не во всем была хорошей женой...

Лилино намерение оставаться спокойной исчезло без следа.

– Господи, меня чуть не убили из-за него! А ты говоришь, что я не во всем была хорошей женой!

– Но Олег хотел сделать так, как лучше всем, – возразила мать. – Он заботился о вас, в том числе и о Феде. А ты заботишься только о себе!

– Это неправда! Ты ничего не знаешь!

– Знаю. Мне Олег все рассказал. Он каждый день звонит и рассказывает о вашей жизни.

Лилия в отчаянии сжала кулаки. «Каждый день... Он звонит каждый день, и она его слушает».

– Послушай, почему ты не веришь собственной дочери, но готова верить всему, что говорит тебе чужой человек? Психически нездоровый! Неужели ты хочешь для родного внука такого отца?

Мать заколебалась.

– Да, это плохо, – вынуждена была признать она, – но ведь он не настоящий шизофреник...

– А какой? Искусственный?

– Не груби матери. У него не запущенная стадия, все это лечится медикаментозно.

Лилия прошла в ванную комнату, открыла кран и ополоснула лицо ледяной водой. По щекам словно резанули бритвой, и ей стало легче.

– Между прочим, насчет болезни Олега ничего достоверно не известно, – заметила мать, встав в дверях за ее спиной и наблюдая за Лилиными действиями. – Может быть, другой специалист поставил бы не этот диагноз, а...

– Зачем? – прервала ее Лилия и поймала в зеркале непонимающий взгляд. – Мама, объясни мне, зачем? Почему ты так настойчиво добиваешься, чтобы я снова жила с человеком, которого я ненавижу, который психически болен, от которого плохо и мне, и Феде? Что тебе это даст?

– Не мне! А тебе и Федору! Ты будешь не матерью-одиночкой, а замужней женщиной! Это другой статус, это другое мироощущение...

«Бесполезно, – подумала Лилия, глядя на мать. – Она меня не слышит.

“Если хочешь, чтобы люди тебя слушали, ты уже не можешь вежливо хлопать их по плечу, тебе нужно бить их молотом...” Откуда эта фраза? Кажется, из какого-то фильма с Кевином Спейси... Но откуда взять молот?»

Она очень тщательно вытерла покрасневшие руки и направилась в кухню. Мать следовала за ней, расписывая выгоды от брака с Олегом.

На кухне царила идеальная, пугающая чистота.

– Кстати, звонили Комаровы, спрашивали, что тебе подарить на день рождения, – продолжала мать. – Они думали о красивом сервизе, но я их отговорила. Все равно ты его расколотишь... А если не ты, то Федор.

Лиля остановилась возле панно, висевшего на стене. Мать все говорила и говорила, пока Лиля, склонив голову набок, разглядывала дорожки из осколков чашек, тарелок, блюдец, бесценного фарфора, разбитого ею за всю жизнь и склеенного вместе. Слезы, расстройств, огорчения, ругань – панно бережно хранило все, не позволяя никому забыть об этом.

«Неуклюжая корова!»

«Заберите у этого ребенка чашку!»

«Косорукая Лиля!»

«Ты ни на что не способна...»

– Кстати, обрати внимание, как Федор пишет прописи! У него ужасный почерк, с этим нужно что-то делать, как-то наказать его...

Лиля придвинула к стене табуретку, забралась на нее, с трудом сняла панно со стены...

И разжала руки.

Раздался звук такой оглушительной громкости, словно упал шкаф с застекленной витриной. Брызнули осколки, ударился об пол и отскочил большой кусок, не развалившийся на части, и солнечные зайчики от расплескавшихся стекляшек заметались на шторах.

Мать остолбенела в дверях, открыв рот.

– Прости, мама, – хладнокровно сказала Лиля, слезая с табуретки. – Вот такая я неуклюжая. Мусор я сейчас уберу, но ты больше эту штуковину не вешай. А то снова упадет.

– Ты с ума сошла?!.. – взвизгнула та.

– Да! – повысила голос Лиля, делая шаг к ней. Лицо ее стало страшным, и мать подалась назад. – Да, считай, что я сошла с ума! Заразилась от Олега! И больше в этом доме не будет никаких садистских панно, и никто не посмеет называть меня неудачницей и ничтожеством при моем сыне! И никто не посмеет называть его так! И я не вернусь к Олегу, как бы тебе этого ни хотелось! Никогда, понимаешь?! Этого никогда не

случится! Ни тебе, ни ему, ни кому-то другому больше не удастся превратить меня в несчастную безропотную идиотку!

Мать молчала. Лиля присела на корточки и принялась собирать кусочки с пола.

– И вот еще что, – прибавила она уже спокойнее, – даже не думай проделать это с Федей. То, что ты делала со мной. Я тебе этого не позволю.

Ни слова не говоря, мать с расширенными глазами отступила назад. Лиля слышала, как тихо закрылась дверь в ее комнату.

«Вот так, – подумала она, бросая осколки в шуршащий пакет. – Как мало нужно было сделать! Всего лишь один раз дать отпор. Позволить себе перестать быть хорошей девочкой, которой все должны быть довольны. Почему же я не делала этого раньше? Наверное, потому, что каждый сам себе дракон. Нет никаких драконов и чудовищ вокруг нас, они есть только внутри. Жаль, что я поняла эту нехитрую истину так поздно. Но лучше уж сейчас, чем никогда».

Лиля вышла в прихожую, достала из пакета картину, которую сегодня вставили в рамку, вернулась на кухню и пристроила ее на месте панно. Затем закончила с уборкой и выпрямилась, переводя дух.

Да, картина сразу привлекала к себе внимание. «Девочка и дракон, художник Федя Ч.»

У девочки один глаз был в два раза больше другого, а у дракона из-за четвертой лапы стыдливо выглядывала пятая, на которой виднелись следы безуспешной затирки ластиком.

– Рудимент, – задумчиво сказала Лиля, рассматривая его.

Дракон сидел с довольной мордой. Он был размером с собаку. Если бы не крылья и острый гребень, его вполне можно было бы принять за дворняжку. Даже хвост у него завивался колечком. Лиля улыбнулась дракону и девочке с золотыми волосами, растопырившей руки в разные стороны («мама, это она его обнимает!»), и подумала, что Федьке нужно будет завести собаку. Им обоим.

И что истина не в том, что драконы есть на свете. Но в том, что их можно победить.